

май – июнь
3 (119) 2024 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	6	ДРОБЫШЕВА Е. Э.
ПРОТО/МЕТА/УЛЬТРА/ПОСТ: СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИОГУМАНИТАРИСТИКА В ПОИСКАХ КОНЦЕПТА
	14	РЕМИЗОВ В. А., ТИХОНОВА В. А., САДОВСКАЯ В. С.
ЛИБЕРТАРИАНСТВО КАК
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СОЦИОПРОЕКТ
	21	ПАУДЯЛЬ Н. Ю., ФИЛИНДАШ Л. В.
НАВИГАЦИОННАЯ СТРУКТУРА МОСКОВСКОГО
МЕТРОПОЛИТЕНА КАК СОВРЕМЕННАЯ
МЕДИАКОММУНИКАЦИОННАЯ СРЕДА
	29	ЗОТОВА А. С.
СИМУЛЯКР КАК ЧАСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
КОДА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ
	37	ЛУПИНА Е. А.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ
В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
	45	ЛУНГИНА Д. А.
РУССКИЙ СТИЛЬ И ЕГО РОЛЬ
В ИСТОРИИ КИТАЙГОРОДСКОЙ СТЕНЫ
«РУССКИЙ МИР»
В ДИСКУССИОННОМ
ПОЛЕ НАУК
О КУЛЬТУРЕ	58	ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е. В.
О РУССКОМ МИРЕ, РОССИИ И СВЕТСКОМ
ГУМАНИЗМЕ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)
	63	ТИХОНОВА В. А.
«РУССКИЙ МИР» КАК «СТРАНА-
ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ
	68	ШИБАЕВА М. М., ВАРАКИНА Г. В.
РУССКИЙ МИР В ОПТИКЕ СОПРЯЖЕНИЯ
ФИЛОСОФСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ
	75	МАРЕЕВА Е. В.
«ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» ИЛИ «ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ»:
ВКЛАД Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО В МЕТОДОЛОГИЮ
ИССЛЕДОВАНИЯ «РУССКОГО МИРА»

**ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

- 83 АЛЕКСЕЕВА Л. Л.**
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ
КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКОМУ ИСКУССТВУ
- 92 ЮДИНА А. И., ЧЕРНЯК Е. Ф., ГРИГОРЬЕВА А. В.**
ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОГО
ПОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
- 98 МАТВЕЕВ В. В., АННЕНКОВА А. А., СЕМЕНОВА Е. Е.**
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ
РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ НА БАЗЕ ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ
- 107 КУЧЕРЕВСКАЯ М. О.**
ГОРОДСКИЕ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
«ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ВУЗ»
- 116 ГОРЛОВА Н. И.**
ВОЛОНТЕРСТВО И ГОРОДСКИЕ ПАРКИ: ПЕРСПЕКТИВНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА
- 123 ЮДИНА А. И.**
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ: ТРАЕКТОРИИ
КАРЬЕРНОГО РОСТА ОБУЧАЮЩИХСЯ
- 129 СПИНЖАР Н. Ф., ЯН Ц.**
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ
- 136 АЛЕКСЕЕВА Л. Л., ПОДКОВЫРОВА М. В., САВЕНКОВА Л. Г.**
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРИОБЩЕНИИ
ДЕТЕЙ К ИСКУССТВУ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТЕАТРА

**БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ**

- 145 СЛАДКОВА О. Б.**
ВЫПУСКНИКИ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ
ФАКУЛЬТЕТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА
- 151 МЕЛЕНТЬЕВА Ю. П., ЛОПАТИНА Н. В.**
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМАТИКИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ЧТЕНИЯ

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

- 160 АЛЕКСАНДРОВА Н. А.**
ВКЛАД Ю. Б. ШМАРОВА В МУЗЕЙНУЮ ПРАКТИКУ XX ВЕКА
- 169 ЛЫГОРЕВА Н. М.**
ГЕНИЙ МЕСТА: ОБРАЗЫ С. А. ЕСЕНИНА
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

May – June
3 (119) 2024
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

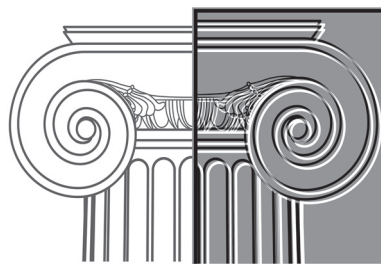
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THEORY AND HISTORY OF CULTURE	6	DROBYSHEVA E. E. PROTO/ META / ULTRA / POST: SOCIOHUMANITARIANISM IN SEARCH OF A CONCEPT
	14	REMIZOV V. A., TIKHONOVA V. A., SADOVSKAYA V. S. LIBERTARIANISM AS POSTMODERN SOCIAL PROJECT
	21	PAUDYAL N. YU., FILINDASH L. V. NAVIGATION STRUCTURE OF THE MOSCOW METRO AS A MODERN MEDIA COMMUNICATION ENVIRONMENT
	29	ZOTOVA A. S. SIMULACRUM AS PART OF THE SOCIOCULTURAL CODE OF CONSUMER SOCIETY
	37	LUPINA E. A. THE RELATIONSHIP BETWEEN MAN AND NATURE IN THE CONTEXT OF AN ECOLOGICAL APPROACH
	45	LUNGINA D. A. RUSSIAN STYLE AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF THE KITAI-GOROD WALL
THE «RUSSIAN WORLD» IN THE DISCUSSION FIELD OF CULTURAL SCIENCES	58	ZOLOTUKHINA-ABOLINA E. V. ABOUT THE RUSSIAN WORLD, RUSSIA AND SECULAR HUMANISM (POLEMICAL NOTES)
	63	TIKHONOVA V. A. "RUSSIAN WORLD" AS A "COUNTRY-CIVILISATION" AND ITS SELF-CONSCIOUSNESS
	68	SHIBAEVA M. M., VARAKINA G. V. THE RUSSIAN WORLD IN THE OPTICS OF JUXTAPOSITION PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC REFLECTION
	75	MAREEVA E. V. "UNIVERSAL" OR "ALL-HUMAN": N. YA. DANILEVSKY'S CONTRIBUTION TO THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF THE "RUSSIAN WORLD"

- PEDAGOGY AND EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE**
- 83 ALEKSEEVA L. L.**
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING ACCOMPANIST ART
- 92 YUDINA A. I., CHERNYAK E. F., GRIGORIEVA A. V.**
EDUCATION OF A CULTURE OF SAFE BEHAVIOR IN SOVIET YOUTH: RETROSPECTIVE PEDAGOGICAL ANALYSIS
- 98 MATVEEV V. V., ANNENKOVA A. A., SEMENOVA E. E.**
SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CREATION OF COMPETENCY DEVELOPMENT CENTERS BASED ON UNIVERSITIES OF CULTURE
- 107 KUCHEREVSKAYA M. O.**
URBAN CULTURAL AND CREATIVE PROJECTS AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF CONTINUOUS ART EDUCATION IN THE SYSTEM "ADDITIONAL EDUCATION – UNIVERSITY"
- 116 GORLOVA N. I.**
VOLUNTEERING AND CITY PARKS: A PROMISING AREA OF SOCIO-CULTURAL PARTNERSHIP
- 123 YUDINA A. I.**
ORGANIZATION OF PRACTICAL TRAINING AT A CULTURAL UNIVERSITY: CAREER GROWTH TRAJECTORIES OF STUDENTS
- 129 SPINZHAR N. F., YAN J.**
ETHNOCULTURAL FEATURES OF CHOREOGRAPHIC EDUCATION IN CHINA
- 136 ALEKSEEVA L. L., PODKOVYROVA M. V., SAVENKOVA L. G.**
COMMON AND SPECIAL IN INTRODUCING CHILDREN TO ART IN THE CONDITIONS OF CHILDREN'S EDUCATIONAL THEATRE
- LIBRARY SCIENCE, BIBLIOGRAPHY AND BOOK STUDIES**
- 145 SLADKOVA O. B.**
GRADUATES OF LIBRARY-INFORMATION FACULTIES ON LABOR MARKET
- 151 MELENTYEVA YU. P., LOPATINA N. V.**
CURRENT TOPICS OF DISSERTATION RESEARCH ON READING PROBLEMS
- MUSEOLOGY**
- 160 ALEXANDROVA N. A.**
CONTRIBUTION OF YU. B. SHMAROV TO MUSEUM PRACTICE OF THE XX CENTURY
- 169 LYGOREVA N. M.**
THE GENIUS OF THE PLACE: THE IMAGES OF S. A. ESENIN IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

ПРОТО / МЕТА / УЛЬТРА / ПОСТ: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОГУМАНИТАРИСТИКА В ПОИСКАХ КОНЦЕПТА

УДК 101.1; 140.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-6-13>

Е. Э. Дробышева

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: pestelena@yandex.ru

Аннотация. Социальное и философское конструирование рассматривается через призму языкового опыта в части поиска актуального концепта для обозначения формирующейся социокультурной реальности. Анализируется опыт выстраивания парадигмы понимания и (само)описания различных культурно-исторических эпох, центрированный базовым представлением о «модерне» как точке исторического и аналитического отсчета. Подчеркивается, что трудности выработки универсального понятия, устраивающего теоретиков и практиков в сфере науки, образования, культурного производства и креативных индустрий, связаны со сложностью текущего исторического момента и трудно прогнозируемым характером взаимодействия множества факторов. Поиски путей реактуализации основ национальной и религиозной идентичности сопровождаются укреплением позиций параллельной повестки – практик гендерного и субкультурного самоопределения. Протомодерн, ультрамодерн, постмодерн, постпостмодерн, метамодерн оцениваются как репрезентанты соответствующих периодов исторического развития, выполняющих функции определения культурных парадигм и позволяющих как исследовать имманентные архитектурной логике текущие процессы, так и прогнозировать возможные ее трансформации, роль акторов грядущих исторических перемен и ценностно-смысловые основания их деятельности. На данный момент максимально примиряющим исследователей-гуманитариев рабочим понятием является «метамодернизм» (Р. ван ден Аккер, Т. Вермюлен, 2010). Очевидна необходимость поисков альтернативного концепта, не связанного с отсылкой к модерну как базовой культурной парадигме, что обусловлено ограниченностью лексического поля и смыслового горизонта, заданного словотворчеством, основанным на формально-содержательной языковой игре с понятием «модерн». Предлагается обратиться к осмыслению ведущей роли таких аспектов и феноменов социокультурного процесса, как актуальная модель рациональности, технико-технологические параметры существования социума, а также – особенности коммуникативных практик. Возможные акценты могут быть связаны с цифровизацией всех социокультурных процессов, новой версией гуманизма и парадигмой Нового Просвещения.

Ключевые слова: архитектура культуры, концептуальное поле социогуманитаристики, социально-философское конструирование, аксиосфера, одиннадцатый тезис о Фейербахе, постмодернизм, метамодернизм, цифровая эра, техногуманизм, Просвещение 3.0.

ДРОБЫШЕВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры балет-мастерского образования, Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой

DROBYSHEVA ELENA EDUARDOVNA – DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Ballet Master Education, Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova

© Дробышева Е. Э., 2024

Для цитирования: Дробышева Е. Э. Прото / мета / ультра / пост: современная социогуманитаристика в поисках концепта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 6–13. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-6-13>

PROTO/ META / ULTRA / POST: SOCIOHUMANITARIANISM IN SEARCH OF A CONCEPT

Elena E. Drobysheva

Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova,
Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: pestelena@yandex.ru

Abstract. Social and philosophical construction is considered through the prism of linguistic experience in terms of the search for an actual concept to denote the emerging socio-cultural reality. The experience of building a paradigm of understanding and (self)descriptions of various cultural and historical epochs, centered on the basic idea of “modernity” as a point of historical and analytical reference. It is emphasized that the difficulties of developing a universal concept that suits theorists and practitioners in the field of science, education, cultural production and creative industries are associated with the complexity of the current historical moment and the difficult nature of the interaction of many factors. The search for ways to reactualize the foundations of national and religious identity is accompanied by the strengthening of the positions of a parallel agenda – the practices of gender and subcultural self-determination. Proto-modern, ultramodern, postmodern, post-postmodern, metamodern are evaluated as representatives of the corresponding periods of historical development, performing the functions of defining cultural paradigms and allowing both to explore the current processes inherent in architectonic logic and to predict its possible transformations, the role of actors of future historical changes and the value-semantic foundations of their activities. At the moment, the most reconciling working concept for humanitarian researchers is “metamodernism” (R. van den Acker, T. Vermeulen, 2010). There is an obvious need to search for an alternative concept that is not associated with a reference to modernity as a basic cultural paradigm, which is due to the limited lexical field and semantic horizon set by word creation based on a formal and meaningful language game with the concept of “modern”. It is proposed to turn to the understanding of the leading role of such aspects and phenomena of the socio-cultural process as the current model of rationality, the technical and technological parameters of the existence of society, as well as the features of communicative practices. Possible accents may be associated with the digitalization of all socio-cultural processes, a new version of humanism and the paradigm of the New Enlightenment.

Keywords: architectonics of culture, conceptual field of socio-humanitarianism, socio-philosophical construction, axiosphere, eleventh thesis about Feuerbach, postmodernism, metamodernism, digital era, technohumanism, Enlightenment 3.0.

For citation: Drobysheva E. E. Proto/ meta / ultra / post: sociohumanitarianism in search of a concept. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 6–13. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-6-13>

Социогуманитаристика в любую эпоху находится на «передовой» относительно метафизических / экзистенциальных / идеологических исканий – артикуляции основ социальной / культурной / религиозной идентичности, поисков национальной идеи, раз-/до-/переработки культурного кода т. п. Отсюда

вытекают соответствующие задачи и возможности прогностического характера. Социокультурное и философское конструирование составляет важнейший трек для так называемых общественных наук, что в современной реальности усложняется многоаспектным и зачастую с трудом прогнозируемым харак-

тером взаимодействия факторов экономического, геополитического, цивилизационного, технико-технологического характера.

Исходным этапом прогнозирования является выбор базового концепта, максимально точно определяющего контуры воображаемой социальной реальности – от ценностных и экзистенциальных исходных до формально-структурных параметров. Аксиосфера того или иного историко-культурного периода включает в себя, помимо базовых представлений об Истине, Красоте и Добре, ориентацию на чаемую модель Будущего. Футурология как научный дискурс в нашей стране является почти маргинальной; гораздо более значимую культуротворческую ценность представляют художественные практики визионерской направленности – литература, кинематограф, театральное искусство, в этом заключается специфика русского культурного кода.

Если говорить именно о научном дискурсе, то здесь поиски определений эпохи, формирующейся на наших глазах, в основном предполагают опору на «модерн»: метамодерн / трансмодерн / ультрамодерн / постпостмодерн. Такая ограниченность концептуальной фантазии объясняется, с одной стороны, объективным фактом того, что радикальной смены культурной парадигмы пока не происходит, с другой – емкостью самого понятия «модерн». При этом любые вариации на тему «современности» априори обречены на размытость границ ее толкования и необходимость достижения конвенционального согласия исследователей, как минимум. Ведь несовременных феноменов не бывает, все чему-то соответствует, чему-то кратно в тот или иной исторический момент. Работа с этим «коварным» понятием для исследователя всегда сопряжена с поисками концептуальных оснований и выбором точного термина.

В 2017 году терминологические споры о границах понятий «современное искусство» / «актуальное искусство» получили формальную «огранку» со стороны Министерства культуры Российской Федерации. За подписью зам. министра В. Аристархова в органы управления культурой исполнительной власти субъектов

РФ и в подведомственные организации Минкультуры России (учреждения, занимающиеся исследованиями и организацией художественной жизни) был разослан циркуляр: «В целях соответствия Основам государственной культурной политики, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808» рекомендовалось «обеспечить наименование проводимых мероприятий согласно нормам современного русского языка». В том числе подчеркивалось, что необходимо «правильно» употреблять следующие термины: «современное искусство – искусство, создаваемое нашими современниками вне зависимости от того или иного художественного направления или формы выражения; актуальное искусство – искусство, содержащее в себе смыслы, в которых нуждается современное общество, имеющее существенное значение в современную эпоху, вне зависимости от времени создания» [17].

Оставив в стороне (современную? актуальную?) чиновничью инициативу, отметим лишь то обстоятельство, что необходимость схватывания сути современности, определения ее сущностных и формальных границ является базовой интенцией любой социокультурной общности. Эта фундаментальная задача, онтологическая по своей сути, влечет за собой разработку релевантных культурных стратегий. Осмысление актуального состояния параметров архитектоники текущей культурной эпохи всегда в тренде. Постмодернизм, перестав быть концептуально убедительным, постепенно мифологизируется, чередуя самомумифицирование и самолюбование. Теория метамодернизма, едва появившись в 2010-х, получила горячее одобрение жаждущей новой метафизики аудитории и, по меньшей мере, украшает современный культурфилософский лексикон.

От философов сегодня ждут реальных действий в рамках аналитики, прогнозирования, консалтинга в сфере политики, бизнеса, культурных проектов. Одиннадцатый тезис работы Карла Маркса о Фейербахе (1845 г.), ставший хрестоматийным «мотиватором», сам по себе также является предметом размышлений о «современности» и непреходящей «актуальности»,

задавая при этом интеллектуальные стратегии уже на протяжении почти 180-ти лет: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [10, с. 569]. В дискурсе трактовки данного тезиса отметилось большое количество мыслителей, исходящих из их собственных концепций и особенностей соответствующего исторического контекста. Маркс оставил последующим гуманитариям своего рода «завещание», содержащее требование «превратить расшифровку (интерпретацию) в преобразование, которое “изменит мир”» [6, с. 51–52]. По мнению Алана Бадью, философия сама по себе не производит истину, но обеспечивает процедуры ее согласования и философского осмысления [2]. Производство же той или иной истины обеспечивается непротиворечивой синергичностью политических, поэтических, научных и антропологических процедур. Таким образом, политическая или научная практика невозможна без согласования с художественным и / или гуманитарным дискурсом. В свете «теории перформативных актов», – полагает В. Е. Семенков, «проект Маркса предполагал философию именно как новую философскую практику, практику перформативных высказываний относительно сферы политики» [15].

Современный нам культурный процесс, включающий художественные и политические стратегии, а также поиски актуальных вариаций на тему основ идентичности, в том числе гендерной, во многом задан перформативностью. Согласно теории британского ученого Джона Остина, это понятие возникло изначально в философии языка. Цикл его лекций «How to do things with words» был прочитан в Гарварде в 1955 году, результатом чего в научный оборот было введено понятие «перформативное высказывание». Под такими высказываниями Остин понимает, по-видимому, те, что и «меняют в итоге мир», согласно «завещанию» Маркса. Он анализирует речевые акты, структурирующие социальную реальность, несущие в себе потенциал ее перереформативования. Автор иронизирует: «Нет никаких сомнений в том, что существует великое разнообразие способов использования языковых выражений.

<...> Философы склонны говорить о бесконечном количестве таких способов, остановившись в их подсчете приблизительно на числе семнадцать» [12, с. 263]. В качестве наиболее репрезентативных философских теорий, формирующих пространство, Остин называет «теории верификации» и «теории способов использования», отмечая: «Никто не сможет отрицать, что вкупе они привели к настоящей революции в философии и представляют собой наиболее знаменательные явления в ее истории» [12, с. 264]. Представляется, что удачно найденный концепт типа «метамодернизма» очевидно порадовал бы британского исследователя, живи он сейчас и размышляя на темы поисков актуальной социокультурной парадигмы. Ведь перформативные высказывания – не будучи истинными или ложными – сильны тем, что человек, произносящий их «не просто *говорит* нечто, но *делает* нечто» [ibid.]. Найденную нами параллель между перформативностью современности в контексте «интеллектуального завещания» Карла Маркса мы находим у Жака Деррида, который предлагает «неортодоксальное определение перформатива – как с точки зрения теории речевых актов, так и с точки зрения XI Тезиса о Фейербахе» [6, с. 79]. Философский текст, по его мнению, должен порождать новые Тексты – как в литературе и науке, так и в искусстве и политике. Деррида пишет: «Мы готовы принять возвращение Маркса или возвращение к Марксу, лишь бы умолчать о том, что Маркс заповедовал не просто расшифровать свои тексты, но еще и действовать или превратить расшифровку (интерпретацию) в преобразование, которое “изменит мир”» [6, с. 51–52].

Так в свое время понятие *постмодернизм* стало не просто констатацией и обозначением радикально нового устроения, но и задавало множество длинных и коротких трендов социокультурного развития. «Когда я говорю: ”Я называю это судно «Королева Елизавета», я не описываю церемонию наименования, но тем самым, собственно, именую», – пишет Остин [12, с. 264]. Наименование совпадает с действием, именно поэтому в работах, посвященных социальному и философскому конструированию будущего, так важен выбор дискурса и вокабуляра.

Перформативный поворот в культуре XX века (наряду с интерпретативным, рефлексивным, постколониальным, переводческим, пространственным и пикториальным / иконическим) в своей концепции выделяет Дорис Бахманн-Медик. Автор анализирует «сложную конфигурацию современных наук о культуре, которая начинает складываться со второй половины XX века и продолжает менять свои контуры по сей день» [3, с. 5]. Семь парадигмальных смен исследовательского фокуса, или «культурных поворотов», маркируют историю архитектурных подвижек социального пространства, позволяя проследить культурную логику и вступить на путь визионерства, футурологии, философского конструирования. Перформативный поворот напрямую связан с теми процессами, которые являются объектом рассмотрения в рамках данной статьи. Разумеется, для более специализированного дискурса следует различать «искусство перформанса» и «перформативные искусства», но в целом речь идет о легитимации языковых треков в рамках актуальных художественных, научных или синтетических практик, наподобие Art&Science, Site-Specific Art, etc.

Перформативность «вшита» и в программу метамодернизма, так как в качестве важнейшего модуса существования пространства перформанса следует отметить неустойчивость, антиканоничность, мерцание его структурных оснований. Именно поэтому перформанс – не танец и не театр, а разворачивание художественного высказывания в зазоре «между». Апологетика «культуры присутствия», представленная Х. У. Гумбрехтом («всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие присутствующих объектов на человеческие тела»), связана как раз с природой перформанса, позволяющего «твердо выступить против склонности современной культуры оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии» [5, с. 10–11]. Осцилляция между *культурой присутствия* и *культурой значения* обеспечивает метамодернистской парадигме стать (быть) рупором различных

слоев акторов производства / продвижения / потребления культурных объектов.

В многочисленной уже на сегодняшний день литературе о постмодернизме приводятся этапы формирования его парадигмальных рамок и история появления самого термина. В этой связи упоминаются работы теоретиков, представляющих различные области социогуманитаристики XX века – истории, литературоведения, философии – Арнольда Тойнби, Рудольфа Паннвитца, Федерико де Ониса, где понятие «постмодернизм» трактовалось тем или иным образом задолго до появления эпохи, чье «состояние» и концептуальная программа были уже максимально точно описаны Жаком Деррида, Жилем Делёзом, Франсуа Лиотаром, Умберто Эко, Юлией Кристевой и др. Причем Лиотар, как и упомянутые выше предшественники постмодерна как такового, имеет в виду «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века», что было репрезентировано на примере «кризиса рассказов». И если постмодерном, «упрощая до крайности», Лиотар называет «недоверием по отношению к метарассказам», включающее «потерю своих функторов: великого героя, великие опасности, великие кругосветные путешествия и великую цель» [9, с. 9–10], то «языковые игры» формирующейся на наших глазах эпохи имеют еще более сложносочиненную структуру и размытые векторы развития. А философ, который в отличии от эксперта, «знающего то, что он знает и что не знает» [9, с. 12] (курсив мой – Е. Д.), ведя свою языковую игру, не всегда претендует на истинность; в итоге ситуация с прояснением базового концепта эпохи выглядит увлекательным квестом или квизом.

Предложенный нидерландскими исследователями Р. Ван ден Аккером и Т. Вермюленом концепт «*метамодернизм*» сегодня является актуальным (но пока не вполне воспринятым и проработанным) рабочим концептом в социогуманитарном пространстве. Польза от него уже хотя бы в том, что компромиссно снимается немислимая для рефлексии в силу метафизической беспомощности «*постпостмодерная*» ситуация. А. Павлов в масштабном исследова-

нии, посвященном терминологическим поискам способов (само)описания эпохи, предпринятым социогуманитаристикой последней трети XX – начала XX вв., исследует «концепции разных масштабов и разной популярности – *гипермодернизма, постгуманизма, сверхмодернизма, трансмодернизма, неомодернизма, альтермодернизма, перформатизма, реновализма, космодернизма, метамодернизма, автомодернизма, диджимодернизма, реалистического капитализма* и т. д.» [13]. Все эти метания в поисках точного концепта и «трудности перевода», то есть сложности обретения конвенционального единства, объясняются, с одной стороны, сложностью описываемой эпохи, с другой – состоянием актуального научного знания, отказывающегося от диктата какой-либо академической теории. Но совершенно очевидно, что культурфилософский потенциал «постпостмодернизма» даже не подлежит обсуждению: дурная бесконечность концептуально слабого словотворчества и апофатический раж ведут в тупик.

Понимаемый как «маятник», «бытие между» и «после», метамодернизм тем самым активно ускользает от *о*-пределения его границ, о чем, собственно, и пишут авторы программного труда: «Метамодернизм – как структура чувства и культурной логики – развивается через систематическое прочтение тенденций, доминирующих в современных творениях искусства и культуры», а сами тенденции заключаются «в их настойчивом отказе от примирения, в их скользком характере». Поэтому данная «эвристическая метка и термин, обеспечивающий разбиение на периоды, характеризуется скорее колебаниями, а не синтезом и гармонией». Осциляция смыслов, парадигм и паттернов репрезентирует ситуацию, когда «диалектика снова пришла в движение» после постмодернистского отказа от нее [11, с. 41].

Обращение к модусу «междубытия» периодически встречается в трудах мыслителей, привлекая возможностями нюансировки в аналитике подвижных феноменов социокультурной архитектоники. Так, например, исследователи проводят параллели между творчеством Ханны Арендт и Альбера Камю: «Простран-

ство “между”, которое устанавливается героями романа в процессе их борьбы с эпидемией, напоминает трактовку Арендт мира как общего места для речей и поступков, связывающего всех участников без ущерба для автономии каждого». Тенденция «разрушения множественности, необходимой для существования человечества» [8, с. 161], чередуется с этапами, когда властвует вектор противоположный.

Как полагает исследователь «пути от классики к постмодерну» В. А. Бачинин, «социокультурная триада *классики, модерна и постмодерна* подчинена историческому ритму *маятниковых колебаний* (курсив мой – Е. Д.)». Классика (= нормативность) и модерн (= анормативность) – это базовые опорные точки, а протомодерн и постмодерн – промежуточные на пути движения культурной логики от первой формы ко второй и, соответственно, назад. *Протомодерн* у Бачинина – «маргинальная стилевая форма», содержательно обеспеченная при этом трудами Гегеля, Бальзака, Золя, Достоевского. Мир этой эпохи – одновременно и «сумма классики» (по аналогии с «Суммой теологии» Аквината), и пролегомены к модерну. По аналогии, и постмодерн в данной концепции – «переходный, маргинальный период постепенного расставания социума, цивилизации, культуры с модерном, как пора обнаружившегося тяготения культурного сознания к ценностям и нормам классической эпохи» [4, с. 16–22]. По такой логике метамодерн, также подчиненный «маятниковым колебаниям», пока тоже в корне не отличается от постмодерна. А приписываемых ему характеристик типа «новой искренности» и «постиронии» на данный момент пока недостаточно для демаркации культурно-исторических периодов, претендующей на эпохальность.

Реально «в моменте», когда готовилась данная статья, в Сети Интернет был опубликован новый текст Джорджо Агамбена, анализирующий «опыт языка как политический опыт» [1] и корреспондирующий с нашим дискурсом. Влиятельный современный мыслитель задается вопросом: «Как можно было бы по-настоящему изменить общество и культуру, в которой мы живем?» и, разуме-

ется, приходит к анализу языка как важнейшего инструмента культуры, как нашего ежедневного опыта, скрытого от нас, но требующего рефлексии и постоянного утверждения его фундаментальной значимости. Он пишет: «Мы должны попытаться с нуля переосмыслить то, что мы делаем, когда говорим, погрузиться в эту непрозрачную область и задать себе вопросы не о грамматике и словарном запасе, а о том, как мы используем свое тело и голос, в то время как слова, кажется, исходят из нашего тела и слетают с губ почти сами по себе. Тогда мы увидели бы, что в этом опыте на карту поставлено открытие мира и наших отношений с нашими собратьями и что, следовательно, языковой опыт является в этом смысле наиболее радикальным политическим опытом» [1]. Современный философский текст призван стать «плацдармом для других голосов. <...> Именно это позволяет воспринять его как акт или событие» [15].

Реальность становления метамодернизма как нового этапа, идущего на смену постмодернизму во всей полноте его теорий и практик, становится все более отчетливой. Пока концепция метамодернизма находится в зачаточном состоянии, только-только начинает осознаваться «поворот Истории и связанное с ним “ощущение поворота”, которые призваны определить современную культурную продукцию и политический дискурс» [7, с. 109]. Но уже понятно, что мы находимся в мощном трансформационном потоке, сопровождающемся архитектурными подвижками – как в аксиологическом, так и в формально-стилистическом, технологическом и институциональном планах. На данном историческом этапе на смену мировоззренческим и художественным доминантам в картине мира условного мирового социума очевидно пришла наука и разрабатываемые ею технологии. На днях научную общественность потрясла новость о расшифровке обугленного свитка папируса из Геркуланума. Текст греческого философа-эпикурейца Филодема весьма символично стал первым из целой библиотеки Виллы Папирусов, погребенной в 79 году н. э. под слоем пепла. Прорыв стал возможен именно благо-

даря технологиям Искусственного интеллекта. Вторая горячая новость – первый человек, которому вживили в мозг имплант Neuralink, смог управлять компьютерной мышью силой мысли.

В связи с этим предлагается сосредоточить поиски релевантного концепта для обозначения становящейся крупной культурно-исторической эпохи вокруг науки как аттрактора современной социокультурной реальности, нового типа научной рациональности (выразим надежду, что не *постпост*классического, поскольку сейчас философия науки изучается в парадигме классическая – неклассическая – постклассическая) и, соответственно, в пространстве технологий, меняющих нашу жизнь буквально на глазах. Но бурные темпы развития ИИ уже сейчас пугают многих, поэтому параллельно должны укрепляться тренды нового гуманизма, осознанности, подлинности как ценности. *Цифровая эра* – с точки зрения технологической парадигмы, *Техногуманизм*, *Просвещение 3.0* – для обозначения мировоззренческой – могут стать такими рабочими концептами. Прогнозируем реактуализацию идеи гуманизма как единственной спасительной парадигмы коллективного мышления в условиях пролиферации вызовов среды – как внутренних, так и внешних. Если эпидемии, пандемии, землетрясения и другие природные катаклизмы сопровождали историю человечества на всем ее пути, то вызовы технико-технологического характера – реалии XX века и века нынешнего. Фантасты предсказывали и предсказывают, что человечество столкнется с невиданной по масштабам угрозой со стороны своего же детища – плодов научно-технического прогресса. Современные гуманитарии размышляют о необходимости разработки «разных вариантов робоэтики, которые позволят выстроить корректные отношения не только между людьми в новом цифровом мире, но и между человеком и машиной» [16, с. 38]. Техногуманизм и Новое Просвещение – возможная версия мировоззрения, обеспеченного коллективной осознанностью, фундирующей экзистенциальные и аксиологические векторы будущей социокультурной архитектуры.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Опыт языка как политический опыт // Центр политического анализа. [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/opyt-jazyka-kak-politicheskij-opyt>
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с франц. Б. Скуратова, К. Голубович. Москва: Издательство «Логос», 2005.
3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова, 2017.
4. Бачинин В. А. Сорок три тезиса на пути от классики к постмодерну // Серия «Symposium», Традиции и новации в современных философских дискурсах. Выпуск 14. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 14–26.
5. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2006.
6. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с франц. Б. Скуратова. Под общей ред. Д. Новикова. Москва: Logos-altera, издательство «Ессе homo», 2006.
7. Дробышева Е. Э. Очерчивая контуры метамодернизма // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 4 (45). С. 103–112.
8. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Кризис общности и перспективы его преодоления. Уроки Арендт и Камю // Человек. 2023. № 6. С. 161–177.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998.
10. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс; [Подгот. к печати И. И. Прейс, А. А. Уйбо]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва: Госполитиздат, 1956.
11. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер: пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. Москва: РИПОЛ классик, 2020.
12. Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы / Пер. с англ. В. Кирющенко. Санкт-Петербург: Алетейя, Изд. дом СПбГУ, 2006.
13. Павлов А. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. Москва: Издательство «Дело», 2024.
14. Рихтер Х. ДАДА – искусство и антиискусство. Вклад дадаистов в искусство XX века. Москва: Издательство «Гилея», 2018.
15. Семенков В. Е. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: новая наука или новая прагматика философии? // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». № 2. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/-2-2010/6302-odinnadcatyj-tezis-marksa-o-fejerbaxe-novaya-nauka-ili-novaya-pragmatika-filosofii.html?ysclid=lsda5x66an114514083
16. Синявина Н. В., Слепокуров В. С. О значимости гуманитарного знания на современном этапе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 34–40.
17. Современное искусство по Минкульту // Артгид. [Электронный ресурс]. URL: <http://artguide.com/posts/1298>.

*

Поступила в редакцию 19.04.2024

ЛИБЕРТАРИАНСТВО КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СОЦИОПРОЕКТ

УДК 141

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-14-20>

В. А. Ремизов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: remizov1941@mail.ru

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

В. С. Садовская

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: shupik49@mail.ru

Аннотация. Статья связана с авторской разработкой темы мониторинга современного социокультурного процесса. В тексте осуществлен переход от анализа либертарианства, выраженного в художественной форме (роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи») к исследованию либертарианства как современного постмодернистского концепта, связанного с философией неолиберализма и субъективного социологизма. В статье отмечается, что идеология либертарианства опирается на принципы индивидуализма и социального эгоизма, связанного с абсолютизацией несущественного, слу-

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт Управления научной работой, Московский государственный институт культуры

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт Управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

САДОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, декан факультета дополнительного образования, Московский государственный институт культуры

REMIZOV VYACHESLAV ALEXANDROVICH – DSc in Cultural Studies, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, expert in scientific work management, Moscow State Institute of Culture

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – DSc in Philosophy, Professor, expert in scientific work management, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

SADOVSKAYA VALENTINA STEPANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Further Education, Moscow State Institute of Culture

© Ремизов В. А., Тихонова В. А., Садовская В. С., 2024

чайного, что, в свою очередь, приводит к гедонизму и нигилизму. Родовыми маркерами либертарианства выступают отсутствие связи между социальным действием и личностью; жесткость позиционирования субъектов социальной практики; индетерминизм активности человека в обществе. В данном аспекте отмечается сращивание либертарианства с анархизмом, реакционным экзистенциализмом. Все это замыкается позицией социопотребительского прагматизма. Исследование приводит к выводу, что сентенции либертарианства англо-саксонского мира относительно понимания свободы через позицию нарциссизма ведет к фашизации мироприятия, мировоззрения и социального действия. Вместе с тем анализ показывает диаметрально противоположность социопрактики российского миропонимания социальной практике либертарианства.

Ключевые слова: либертарианство, постмодернизм, неолиберализм, субъективизм, социальный нигилизм.

Для цитирования: Ремизов В. А., Тихонова В. А., Садовская В. С. Либертарианство как постмодернистский социопроект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 14–20. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-14-20>

LIBERTARIANISM AS POSTMODERN SOCIAL PROJECT

Vyacheslav A. Remizov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: remizov1941@mail.ru

Valeriya A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

Valentina S. Sadovskaya

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: shupik49@mail.ru

Abstract. The article discusses the author's exploration of the topic of monitoring the current socio-cultural phenomenon. The text transitions from an analysis of libertarianism presented in an artistic context (Ayn Rand's novel "Atlas Shrugged") to an examination of libertarianism as a contemporary postmodern concept linked to the philosophy of neoliberalism and subjective sociology. The article notes that the ideology of libertarianism is based on the principles of individualism and social egoism associated with the absolutization of the unimportant and random, which, in turn, leads to hedonism and nihilism. Pink flags of libertarian thinking include the lack of a connection between social action and personal identity; the strictness of subject positioning in social practice; and the indeterminacy of human activity within society. In this regard, the article notes a fusion of libertarian ideas with anarchist and reactionary existentialist thought. All this is summarized by the position of socio-consumer pragmatism. The study leads to the conclusion that the principles of libertarianism in the Anglo-Saxon world, regarding the understanding of freedom through a narcissistic approach, leads to the fascification of events, worldviews, and social actions. At the same time, the analysis reveals the diametrically opposite socio practical approach of the Russian worldview compared to the social practices of libertarianism.

Keywords: libertarianism, postmodernism, neoliberalism, subjectivism, social nihilism.

For citation: Remizov V. A., Tikhonova V. A., Sadovskaya V. S. Libertarianism as postmodern social project. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 14–20. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-14-20>

В современное бифуркационное время довольно сложно осуществить устойчивый мониторинг множества социосистем, взглядов, концептов, теорий и подходов. В последние десятилетия в научный оборот влились такие понятия, как «симулякр», «деконструкция», «дискурс», «текст», «ситуационизм», «мейнстрим» и так далее. Постмодернизм еще в XX веке довольно зримо мимикрировал под формальную логику в работах Г. Роззака, Р. Барта и др. Достаточно отметить, что в энциклопедии «Альтернативная культура», изданной в Екатеринбурге в 2005 году, уже было включено более 150 формально-логических терминов и понятий [1]. Они активно входят в научный оборот. Одни понятия со временем теряют смыслы, устаревают и исключаются из оборота, другие закрепляются в познавательном процессе, сливаясь с потоком более общих социокультурных конструкций: «мультикультурализм», «геттоизация», «толерантность», «общечеловеческие ценности», «ризомизация», «регулятивные (англосаксонские) нормы», «гендерные регулятивы», «личная свобода выбора пола» и т. п.

Нет сомнения в том, что даже закрепляясь в общественном «дискурсе», весь этот «понятийный букет» вторично фильтруется социокультурной практикой и формирует текущие познавательные мемы. Вместе с тем, здесь проявляется и другое. Ряд социоконструктивных идей-понятий не выдержали испытания практикой, оказавшись ошибочными, не соответствующими реалиям или достаточно спорными. Так, например, произошло с концептами «толерантность», «общечеловеческие ценности», «мультикультурализм». Полемика ведется по поводу понятий «либеральный демократизм», «свобода личности», «правила», «свобода гендерного выбора», «ризомизация» и др. Естественно, что последние, в свою очередь, сливаются с волной поиска новых идей общественного развития, цивилизационного процесса. Особое внимание здесь привлекают

такие проблемы, как свобода личного выбора, долга, ответственности, отношения в системах «Я – Другой», «Свой – Чужой», «Моя культурная ценность – Иная культурная ценность». Неслучайно поэтому, что в наши дни актуализировалась концепция либерализма в форме неолиберализма и либерального демократизма. Причем, несмотря на внешнюю функциональную контрарность, все это сводится к идее абсолютизации свободы, понимаемой в рамках агрессивного предпринимательства, накопления личного капитала, финансово-экономического волонтаризма, подчиняющего личную жизнь и общественно-ценностные ориентиры.

Основные характеристики неолиберализма, порой противоположные, такие как акцент на свободном рынке и участие государства в регулировании конкуренции, отмечаются в «Краткой Российской энциклопедии». При этом авторы подчеркивают, что с конца XX века происходит «сближение идей либерализма, консерватизма и социал-демократии» [2, с. 323]. Одновременно неолиберализм рассматривается как теория и практика процесса трансформации социал-демократического развития. При этом основные принципы функционирования социал-демократического государства, предусматривающие полную трудовую занятость населения, повышение уровня благосостояния народа, безопасность граждан и другие, входят в противоречие с принципами неолиберального государства, где за основу берется накопление капитала без учета занятости населения и роста его благополучия. В России в 90-х годах прошлого века эти противоречия приобрели особенно искаженные формы.

В наши дни возросла англо-саксонская враждебность к различным формам социальной поддержки. Система безопасности сведена к правовому минимуму, абсолютизирована роль административных постановлений и судебных решений. Деятельность оппозиции сводится к защите индивидуальных прав и свобод че-

ловека. Напрашивается вывод, что перед нами образец псевдолиберальной идеологии, имеющей безграничную финансово-экономическую свободу, именуемую свободой рынка, но на деле конституирующей бесконтрольное подчинение рыночных процессов определенным группам лиц, которые сумели подчинить своим корпоративным интересам основные направления общественного развития.

К числу главных черт такого образа жизни, сложившегося вследствие деформации демократических принципов хозяйствования, Э. Фромм относит «ориентации», которые именуется как «эксплуататорские» и «рыночные» [13, с. 37]. «Эксплуататорская ориентация» представляет собой образ мыслей и действий людей, для которых при достижении своих целей все средства хороши, когда желаемое разрешается получать любыми способами, в том числе, с помощью подлога и насилия. В силу этого любой человек рассматривается как объект возможного манипулирования и эксплуатации. И что важно отметить: он оценивается по степени управляемости.

«Рыночная ориентация» – это когда в обществе главенствует отношение к человеку как к товару. Здесь неслучайно вводится термин «человеческий капитал». Успех может прийти к человеку только тогда, когда он пользуется спросом и умеет себя хорошо позиционировать, другими словами, продать себя на рынке труда. Ценность человека определяется не его личностно-профессиональными качествами, а успехом в рыночной конкуренции.

Таким образом, неолиберализм оказался теорией, согласно которой система спекулятивных рыночных отношений и рыночного обмена в полной мере применима к любым сферам человеческой деятельности, в том числе и как регулятор морально-нравственных отношений. Неслучайно поэтому, что поиск концептуальных социоидей в стиле «liberty» продолжается. Сегодня он в значительной степени сосредоточен вокруг идеи либертарианства. В него включались такие теоретики как Карл Гесс, Дэвид Ноланд, Джон Хосперс, Джон Боуз и др. [2].

Надо отметить, что и современная Украина устами ее администрации определила свой курс

«как либертарианский». Особую популярность либертарианство обрело в США. Здесь можно выделить философа и писателя Айн Рэнд (Алиса Розенбаум). Художественному осмыслению либертарианства посвящен популярный и в России роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» [11]. Проповедуемая ею философия основана на принципах индивидуализма и эгоизма, являющихся интеллектуальным обоснованием консервативных западных ценностей, хотя сама она свою философскую систему назвала «объективизмом». Заметим, что объективизм есть мировоззренческая позиция, в основе которой «... лежит ориентация познания на социально-политическую нейтральность, на воздержание от социально-критических оценок о ценностях и целях, мировоззренческих и нравственных проблемах...», что само по себе приводит к абсолютизации несущественного и случайного, что, в свою очередь, оборачивается нигилизмом по отношению к культурно-историческому процессу, к миру человека, «не подмененному отношением вещей» [12, с. 453]. Перед нами маскировка классического субъективизма, который отрывает субъекта от его деятельности и от характера его взаимоотношений с другими.

В гносеологическом плане такой «объективизм» не только оборачивается «субъективизмом», но и сопрягается с «разумным эгоизмом», особой направленностью на собственное «Я». Это выражается в современном концепте «рационального индивидуализма», ориентированном на «человека» организации» как объединения исключительных «Я». Отсюда в исследовательских работах по либертарианству отмечаются три его принципиальных недостатка: 1. Слабость связи между социальным действием и личностью; 2. Отсутствие возможности «поступить иначе» или «онтологических реальных альтернатив»; 3. Аксиоматичность не «свободы воли», а «свободного действия» (индетерминизм) [8, с. 49]. Это касается по существу обоих современных направлений в либертарианстве: событийно-причинного (event-causal) и «агентства» (agent-causal) [3, с. 103]. Отметим, что по понятным причинам понятие «либертарианство» отсутствует в советском «Философском

энциклопедическом словаре» (М., 1983). Но его нет и в «Большом энциклопедическом словаре» (М., 2002), в «Социологическом энциклопедическом словаре» (М., 1998). Нет его и в «Словаре иностранных слов» (М., 2008) [7, с. 5].

Поисковые системы интернета, характеризуя «либертарианство», отмечают в его теории такие принципы: человек принадлежит только себе, он абсолютно свободен; человек не обязан жить во имя какой-то внешней цели, а только ради субъективного интереса; нельзя применять общественное насилие по отношению к тем, кто не применял физического насилия; отказ от государственного регулятива в пользу индивидуального суверенитета; отказ от общественного перераспределения государственного валового дохода [2]. В этом ряду принципов можно отметить связь с уже известными в политической идеологии и философии явлениями. Во-первых, помимо крайнего эгоцентризма (солипсизм) в данном случае явно обозначен фактор анархизма и представлены черты реакционной формы экзистенциализма, а также – позиции субъективно направленного буржуазного консерватизма. Все отмеченное давно признано как ценностно-мировоззренческие крайности, и отсюда они насыщены не только агностическим субъективизмом, но и оценочной ограниченностью, а поэтому определяются на гранях социального потребительского прагматизма.

В связи с этим будет уместно актуализировать ряд функционально-позиционных моментов. Первый относит нас к замечанию немецкого философа 20-х годов XX века Эрнста Трельча, выделившего «нарциссический комплекс» западных культур (а-ля: либертарианство), а именно то, что они понимают и утверждают только «самих себя, и как завоевателей». Второй момент отсылает к О. Шпенглеру и А. Тойнби, которые связывали историческое развитие с конкуренцией цивилизаций по типу «вызов-ответ»: та цивилизация определяет эпоху, которая на ее «вызов» конструирует смыслоадекватный «ответ». Третий момент связан с позицией Н. Я. Данилевского. Он, отмечая конкурирующие характеристики Запада и России, указывал на «самостоятельность» российской цивилиза-

ции, но при этом шел дальше, отмечая, что есть еще и коллективная человеческая идентичность, а отсюда возникает вопрос о коллективном выживании человечества в целом. Эту же мысль мы находим у В. Вернадского, подчеркивающего, что «человечество» живет, несмотря на раздоры, еще и некой «общей жизнью». Таким образом, вырисовывается системно противоречивая картина: нарциссизм Запада – «Вызов» времени – необходимость адекватного «Ответа» и «коллективное выживание». Они, в силу всеобщности, не могут обретать согласованность с нарциссическими идеями либертарианства. Между тем, отмеченный «нарциссизм» встроен в идею свободы и «высшего целеполагания».

Подобное «высшее» в духовном багаже либертарианцев перерождается в идею избранности – государства, этноса, нации, личности. Это прямой путь к фашизации сознания. В начале XX века мы услышали лозунг «Германия превыше всего». Сегодня из уст президентов США Барака Обамы, а затем и Джо Байдена звучат утверждения об особой миссии Америки и североамериканцев в цивилизационном развитии человечества. В силу таких аргументов США сегодня навязывает всему миру свои «правила». Это государство окутывает земной шар военными базами, биологическими лабораториями, повсеместно объявляет насильственные санкции, вплоть до «запрета русской культуры», организуя в различных регионах режимы «социального управляемого хаоса» и «цветных революций».

Таким образом, либертарианство – это прямой путь через профашистское мировоззрение к профашистскому социальному действию. Ей противоречит иная позиция и стратегия: «Диктат единственного субъекта объединения народов должен сменить диалог» [11, с. 22]. Совершенно очевидно, что здесь отражаются две обозначившиеся в современном общественном сознании модели социально-экономического, духовно-культурного и историко-цивилизационного развития. Одна модель – англо-саксонский капитализм (в том числе и либертарианство), другая модель – социоориентаризм (в его научно-теоретическом понимании). Во всяком

случае, сегодня можно убежденно говорить об устойчивом тренде, ориентирующем сообщества в сторону второй модели.

При этом отметим, что современная Россия обозначила на уровне конституции, то есть Основного Закона Российской Федерации, а также на уровне государственной политики, свою «социальную ориентированность». В статье 7 Конституции РФ сказано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Духовно-ценностная атмосфера современного российского общества, ее основные ориентиры в организации социальной жизнедеятельности, характеризуются следующим:

- в основе живого социального опыта для большинства представителей современного российского общества лежит общий для всех поколений предшествующий референтный исторический период [4, с. 8].
- восприятие Россией мира окрашивается поворотом к Востоку с его обращенностью к гуманистической духовности, а не к западным постмодернизму и либертарианству, философии консьюмеризма.
- нарастает внимание к «романтическому проекту» (Л. Шестов), в котором представлен приоритет не идей прагматизма, а идеи братства, русского мессианства, не противопоставления, а единения «русского мира» в духе «всеединства» (В. Соловьев, Н. Федоров), ибо, как утверждал В. Шуберт, русские способны радоваться счастьем другого и жить жизнью другого [14, с. 298].

Но эти духовные ориентиры не упраздняют социальную поддержку, гражданское и социальное обеспечение: увеличение прожиточного минимума, гарантированность трудоустройства. Такие позиции занимают 74% населения страны [6, с. 8]. Это проявилось в конкретной форме и тогда, когда вырабатывались стратегии развития России до 2030 года и далее.

Все обозначенное в значительной мере обусловило и самоидентификацию россиян в социокультурных, исторических и групповых рамках [5, с. 7]. Здесь устойчиво проявляются и даже возрастают показатели «поколенческой» оси идентификации: дети – родители. Существенно укрепляются «локальные» оси идентификации: свой город, район, регион, республика. Как известно, именно об этом говорил в свое время Ю. Лотман, отмечая, в частности, что культура есть «пространство собственных имен».

Вместе с тем, как резюмируют исследователи, идентификация россиян претерпевает насыщение а) рациональными отношениями; б) материальным наполнением. Однако эти две тенденции не определяют содержание и суть российской самоидентификации. Ведущими здесь выступают обычаи, чувства, о которых писал еще Н. Бердяев в работе «Судьба России»: сострадательность, общинность, уважение к иному во взглядах и верованиях, стремление к справедливости, а также русский традиционализм, интуитивность и приверженность к идеалам добра [10, с. 7]. Государство и гражданское общество активно поддерживают эти ориентиры, опираясь на массмедиа, общественные и политические движения, церковь, учреждения культуры и искусства.

Как мы видим, в современной России, как в части целого, проявляются и черты мировых социокультурных трендов, и свои специфические, только ей присущие черты, характеризующие ее цивилизацию, ее социокультурную сущность. В наиболее обобщенном плане можно отметить, что состоянию ценностно-мировоззренческой атмосферы современного российского общества присуща особая тональность, выражающаяся в осознании самодостаточности и одновременно в стремлении обрести себя в трансформирующейся реальности. Эта позиция контрирована либертарианству. Она лишена крайнего постмодернистского индивидуализма и государственного эгоизма. Она привержена системе диалога и взаимного сотрудничества во благо международного цивилизационного созидания.

Список литературы

1. Альтернативная культура: Энциклопедия (Составитель Дмитрий Десятерик). Екатеринбург: Ультра. Культура. 2005. 240 с.
2. *Боуз Д.* Либертарианство. Москва: Социум. 2004. 400 с.
3. *Кейн Р.* Поступать по собственной воле: современные размышления о древней философской проблеме // Логос. 2016. № 5. С. 103–130.
4. Краткая Российская энциклопедия. Том 2. Москва: Большая Российская энциклопедия. Оникс 21 век. 2004. С. 323.
5. Культура глобального информационного общества: противоречия развития. Сборник научных статей. Москва: Издательство Московского гуманитарного университета. 2010. 542 с.
6. *Левада Ю.* «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 (Предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Май–июнь 1999 года. № 3. Информационный бюллетень ВЦИОМ. Москва: Центр-ФНХ. 1999. С. 8.
7. *Мальшиев В.* Айн Рэнд или просто Алиса // Литературная газета 16–22 октября 2019. № 42 (6709). С. 15.
8. *Мишура А. С.* Свобода в мире: Защита экстерналистского либертарианства // Вопросы философии. № 8. 2019. С. 49–58.
9. *Римский В. П., Римская О. Н.* Культурно-цивилизационная специфика России модели понимания и прогнозы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 10–22.
10. *Римский В. П.* Как понять культурно-цивилизационную специфику России? // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года Выпуск 3. Донецк. ДНТУ. 2017. С. 7–17.
11. *Рэнд А.* Атлант расправил плечи. Москва: Альпина. Паблишер. 2020. 506 с.
12. *Тихонова В. А.* Культура в контексте противоречий глобализационного процесса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2. С. 22–29.
13. *Фромм Э.* Иметь или быть. Москва: Прогресс. 1990. 154 с.
14. *Хренов Н. А.* Современная Россия и ориенталистский дискурс России: государство и общество в новой реальности. Том 3. Сборник статей международной научно-практической конференции РАНХиГС. Москва. 2019. С. 298–299.
15. *Чалдымов Н. А.* Антропологическая катастрофа. Москва: Издательство Национального института имени Екатерины Великой. 2014. 37 с.

*

Поступила в редакцию 13.04.2024

НАВИГАЦИОННАЯ СТРУКТУРА МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА КАК СОВРЕМЕННАЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННАЯ СРЕДА

УДК 316.773:656.34.052.1(1-25)
<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-21-28>

Н. Ю. Паудяль

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: ansyna@yandex.ru

Л. В. Филиндаш

Государственный университет управления,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: lfilindash@mail.ru

Аннотация. Наиболее востребованная городская транспортная структура рассматривается в статье с точки зрения условий, обеспечивающих ей роль актуального средства передвижения. Решение поставленной задачи стало возможным благодаря комплексному изучению мегаязыка московского метрополитена в рамках коммуникативистики и семиотики. Авторы изучают оригинальную классификацию языковых средств, используемых в навигации, и вводят понятие «метроязык». Предлагается анализ вербальных и невербальных способов информирования, цветовой и предметной символики, звукового и изобразительного рядов. Универсальность навигационного языка наряду с технологической составляющей обеспечивает безопасность и комфортность коммуникации большой массы пользователей, хотя метро, как любой вид транспорта, относится к зоне повышенного риска. Рассмотрение навигационных стратегий в единстве нарративной и фоновой семиотики позволяет сделать вывод об их положительной коммуникативной функциональности. Транспортные и градостроительные проекты мегаполисов, нацеленные на реализацию экзистенциальных возможностей массовых коммуникаций, актуализируют дальнейшее развитие метрополитена.

Ключевые слова: аудиовещание, знаки индексальные/иконические/символические, логотип, массовая коммуникация, мегатекст, метрополитен, метроязык, навигационная стратегия, открытая знаковая система, социокультурный феномен.

ПАУДЯЛЬ НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры стилистики русского языка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ФИЛИНДАШ ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Государственный университет управления

PAUDYAL NADEZHDA YURIEVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Stylistics of the Russian language, M. V. Lomonosov Moscow State University

FILINDASH LARISA VASILYEVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Philosophy, The State University of Management

© Паудяль Н. Ю., Филиндаш Л. В., 2024

Для цитирования: Паудяль Н. Ю., Филиндаш Л. В. Навигационная структура московского метрополитена как современная медиакommunikационная среда // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 21–28. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-21-28>

NAVIGATION STRUCTURE OF THE MOSCOW METRO AS A MODERN MEDIA COMMUNICATION ENVIRONMENT

Nadezhda Yu. Paudyal

M. V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: ansyna@yandex.ru

Larisa V. Filindash

State University of Management,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: lfilindash@mail.ru

Abstract. The most popular urban transport structure is considered in the article from the point of view of the conditions that ensure its role as an actual means of transportation. The solution of this task became possible thanks to a comprehensive study of the metalanguage of the Moscow Metro in the framework of communication studies and semiotics. The authors study the original classification of language tools used in navigation and propose to introduce the concept of “metrolanguage”. The analysis of verbal and non-verbal ways of informing, color and object symbols, sound and visual series is proposed. The versatility of the navigation language, along with the technological component, ensures the safety and comfort of communication for a large mass of users, although the metro, like any type of transport, belongs to the high-risk zone. Consideration of navigation strategies in the unity of narrative and background semiotics allows us to conclude about their positive communicative functionality. Transport and urban development projects of megacities aimed at realizing the existential possibilities of mass communications actualize the further development of the Subway.

Keywords: audio broadcasting, index/ iconic/ symbolic signs, logo, mass communication, megatext, metro, metro language, navigation strategy, open sign system, sociocultural phenomenon.

For citation: Paudyal N. Yu., Filindash L. V. Navigation structure of the Moscow metro as a modern media communication environment. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 21–28. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-21-28>

Московский метрополитен, которым ежедневно пользуются от 5,6 до 9,7 миллионов человек, является сочетанием части пространства мегаполиса и самостоятельной значительной общественно-культурной среды [9]. Представляя комплекс надземных и подземных конструкций, эта коммуникативно-транспортная система отличается постоянно расширяющимися социально-культурологическим полем, включающим музейные, концертные, экскурсионно-познавательные и эвристические

действия. Для выполнения подобных функций используются присущие всем названным формам выразительные средства, которые дополняют специфический язык коммуникативной структуры метро.

Одним из создателей научной лингвистической теории является ученый и государственный деятель XIX века Ф. В. фон Гумбольдт, который разрабатывал проблемы истории, философии, психологии языка. Идея о постоянном развитии и о динамич-

ном характере языка заключается в его тезисе «язык не есть продукт деятельности, а деятельность», высказанном в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества». Он различал две формы языка: постоянную, статичную («эргон») и активную, возобновляющую работу духа («энергейю»). Дух постоянно вносит в язык новации, объем которых и «в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными» [4, с. 78]. Важным направлением лингвистических исследований ученого стала проблема связи между мышлением и языком. Немецкий философ использовал термин «дух народа», рассматривая его как такую духовную форму человечества, которая имеет «языковую определенность» [4, с. 9]. Данная концепция исходила из задачи выявить причины значительных отличий в языках разных народов мира. Результатом стал вывод о том, что различия в характере мышления разных народов проявились в различии языков. Продолжая учение о языке как творческом процессе и воплощении национального сознания, он разработал теорию о «внутренней форме языка» как средстве самоидентификации народа, т. е. в широком смысле – способа реализации его ментальности.

Другой универсальной теорией в науке о языке стала семиология, основателем которой считается швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913). Язык как система знаков рассматривается им в основательной монографии «Курс общей лингвистики» [10]. Соссюр дифференцировал две лингвистические формы: язык как принятый в социальном измерении универсальный код и речь как его историческую и пространственную реализацию в качестве хронотопа. Закодированные знаки представляют комплекс признаков, которые формируют понятие, что дает возможность заменить его абстрактным символом. Являясь сложной семиотической системой, язык выступает в виде целостной структуры знаков, которая существует в культурологическом измерении.

Теория Соссюра легла в основу множества ныне существующих классификаций знаков, одна из которых предлагает подразделять знаки на индексальные, иконические и символические.

Индексальные знаки подчеркивают субстанциальные признаки объекта или явления. Перечеркнутое изображение бегущего по эскалатору пассажира означает запрет этого действия. Силуэты сидящих людей с палочкой, костылем, ребенком или беременной женщины расшифровываются в звуковом сопровождении: «Уступайте места пожилым людям, инвалидам, пассажирам с детьми и беременным женщинам».

Иконические знаки исходят из подобия реального образа и его изображения. Так, рисунок здания с колоннами ориентирует на музей. Схематичный вид автобуса с цифрами указывает на выход к остановке автобуса конкретного маршрута.

Символические знаки замещают, а не иллюстрируют обозначаемые объекты. В метро часто используются стрелки, определяющие маршрут и направление движения, цифры и цвет помогают найти нужную линию. Зеленый цвет периметра двери вагона означает разрешение входить-выходить, а красный – запрещение движения. К буквенным аббревиатурам (БКЛ), графическим схемам (карта линий), тактильным формам (шуц-линия) обращаются в подземном транспорте в качестве информационных, нормативных регуляторов.

Условный язык, принятый в метро, использует все названные типы знаков и воплощается в разнообразных формах: письменной и устной, иллюстративной и схематичной, поли- и моно-колористической, мобильной и стационарной. Многофункциональность рассматриваемого коммуникативного средства определяется технологическими достижениями, спецификой социального пространства, что проявляется в модернизации старых и выработке новых знаков, в формировании определенной стилистики. Языковые новации доступны и понятны огромной аудитории пассажиров, поскольку основаны на универсальных представлениях

и на привычных для сознания концептах. Так, изображение снежинки означает процесс охлаждения воздуха, а расходящиеся дуги окружности – наличие интернета.

Русской ментальности присуще восприятие закодированной информации, что связано с многозначной семантикой русского языка и умением понимать подтексты живописных и литературных произведений. Например, иконопись как универсальный богословский текст учила понимать композиционную, цветовую, образную символику, тем самым формируя когнитивные умения. «Эта практика прочтения невербального материала, господствовавшая многие века, закрепилась в такой ментальной черте, как готовность воспринимать скрытую информацию» [8, с. 172]. Обращение к классическому наследию отечественной культуры закрепляет когнитивные особенности мировоззрения русского национального характера, что проявляется в интерпретации многоаспектных текстов.

В середине прошлого века для обозначения письменных, изобразительных и сенсуалистических текстов сложного характера американским социологом и философом Т. Нельсоном вводится дефиниция «гипертекст» (от англ. hypertext) [13]. Он используется в интернет текстах, в которых для получения дополнительной информации можно переходить на другие веб-страницы по ссылкам. Развитие языка обусловлено скоростными цивилизационными изменениями, что вызывает спонтанность и множественность социокультурных текстов и подразумевает создание гибридных языковых систем. В качестве подобных образований можно рассматривать экспозиционно-выставочные проекты, транспортную, архитектурно-планировочную среду и другие структуры, в основе которых лежит онтологический подход.

В современных реалиях технико-технологический прогресс обеспечивает дискурсивное единство, характеризующееся общепринятыми символами, знаками, понятиями, стилевыми признаками, которое понимается как мегатекст. Его феноменологической реализацией является современная постоянно из-

меняющаяся мультимедийная система метро, обладающая характером универсалии. В социокультурном пространстве цивилизационной цифровой парадигмы она означает умножение смыслов многообразных текстов и увеличивает экзистенциальные возможности массовой коммуникации.

Метрополитен продолжает играть роль масштабной коммуникативной зоны в мегаполисе [1; 2] в отличие от привычных мест публичного взаимодействия, где объем непосредственного общения сокращается из-за естественного течения технического прогресса. Метро сохраняет традиционные уровни взаимодействия коммуникантов – массовый, непосредственный, опосредованный.

Массовый уровень выражается в постоянном воспроизведении норм поведения множества незнакомых друг с другом людей в процессе транспортных ситуаций: *вход-выход, по направлению движения и против него, поведение на эскалаторе.*

Непосредственный уровень предполагает общение находящихся рядом субъектов с помощью мимики, жестов, речи: *пассажир – пассажир, пассажир – сотрудник метро.*

Опосредованный или косвенный уровень обусловлен технической оснащённостью: *пассажир – инструментарий Метрополитена.*

Последний уровень взаимодействия поддерживается уникальным языком, используемым в мегатексте навигационной структуры Метрополитена.

Термин «навигация» восходит к словам латинского языка *navis* и *agere*, что означает «корабль» и «двигать, вести». Если первоначально значение объединенного понятия соответствовало месту нахождения и скорости движения корабля, то с развитием транспорта оно приобретает новый смысл. В настоящее время оно имеет значение как управление движущимися объектами, так и выбор оптимального пути следования. Навигационный комплекс выполняет многие функции, в том числе информационную, регулятивно-управленческую, познавательную, рекламную, этическую, эстетическую, поскольку в мегатексте Метрополи-

тена создаются знаковые последовательности любой формы, обращенные к эпистемологическим ресурсам ментального уровня.

Этот символический язык, представленный нарративной, визуальной и аудиальной, цветовой и монохромной, технологической и традиционной формами, фиксирует коды поведения и формирует уникальное семиотическое поле культуры. Таким образом, научный интерес представляет многофакторный и сложно структурированный феномен, который можно выразить в понятии «метроязык». Навигационные ситуации в метро в целом ограничены, но социокультурная среда подвержена постоянным изменениям. Эстетические предпочтения, тенденции в моде имеют вариативный характер. Кроме того, наземная городская структура регулярно модернизируется, что должно найти отражение в образах транспортного информирования. Таким образом, метроязык можно считать открытой системой знаков, которую семиотика рассматривает в сравнении с закрытой. Косвенным свидетельством доступности и понятности метроязыка может служить рост внутреннего и внешнего туризма в 2023 году. Российские и иностранные туристы, количество которых составило рекордное число 24,5 млн человек, в качестве пассажиров метро легко ориентируются в сложном мире подземного транспорта, согласно сайту Мэрии Москвы [3].

Нарративная форма по-прежнему остается преобладающей в мегатексте популярного столичного транспорта. Единообразие в написании букв и графике знаков устанавливалось на протяжении всей истории Московского метрополитена. Особенно очевидно это проявляется на примере изменений, которые претерпел логотип. С момента открытия в мае 1935 года на первых станциях использовали букву «М» в сочетании с надписью «Метро». Авторами буквенных начертаний выступили советские архитекторы И. Г. Таранов и С. М. Кравец, работавшие над проектами первых станций метрополитена в Москве и Петербурге. В 1979 году в процессе ребрендинга транспорта Москвы в метро установили единый логотип, в кото-

ром до этого времени неоднократно менялись пропорции и шрифт буквы «М», ширина и цвет контуров. С 1979 по 2014 годы в составе логотипа изображали синий полукруг, символизирующий тоннель, с 2014 года замененный так называемой «булавкой» в виде разорванного полукруга. Сочетание части круга и отрезка можно «прочитать» как структуру московского метро: комбинирование кольцевой и радиальных линий, а уходящую с правой стороны вниз прямую – отсылкой к подземной конструкции метро. Красный цвет логотипа восходит к его трактовке как символу власти с периода Московского царства, а также – к полисемичности этого понятия, что отразилось в российской топонимике: Красная площадь, Красногорск, станция Красносельская, Краснодар. Более того, в христианской интерпретации красный ассоциируется с крестными страданиями Христа и победой над смертью, то есть выражает и муку, и Пасхальную радость. Логично, что первое в СССР столичное метро приобрело логотип такого цвета.

Комбинированность языка мегатекста приводит к тенденции замены именных названий цифровыми обозначениями. Аргументами могут быть динамичный тип поведения и необходимость скоростного реагирования, поскольку существительные с цифровым значением читаются быстрее, чем прилагательные: *первая* вместо *Сокольническая*, *вторая* – *Горьковско-Замоскворецкая*, *третья* – *Арбатско-Покровская* и т. д.

Цветовые и графические элементы являются равноценными буквенным обозначениям средствами навигационного мегатекста метро. Цифровые и цветовые наименования используются параллельно с традиционными названиями: Кольцевая – коричневая или пятая, Филевская – голубая или четвертая, Таганско-Краснопресненская – фиолетовая или седьмая. Цвет и буква применяются для ориентирования пассажиров в сложных конструктивных пространствах. Например, выход к конкретной башне Москва-Сити обозначается указателем определенного цвета и начальной буквой ее названия: Э – «Эволюция», Ф –

«Федерация», М – «Меркурий». Аббревиатуры повторяют привычные сокращения: ТРЦ – торгово-развлекательный центр, ЦВК «Экспоцентр» – центральный выставочный комплекс, МЦК – московское центральное кольцо, МЦД/ D2 – московские центральные диаметры, второй диаметр.

Кроме буквенных знаков широко употребляются символы с легкоузнаваемым начертанием: автобусы – автостанции, самолет – аэровокзал, силуэт человека в коляске – лифт, портфель с вопросительным знаком – пункт с забытыми вещами. Читаемость схематичных рисунков объясняется их соответствием архетипам, закрепленным в генетической памяти.

Изображения, используемые в мегатекстах Метрополитена, систематически пополняются в связи с расширением оказываемых им услуг и совершенствованием технического оснащения. Стикеры с образом Чебурашки определяют для потерявшегося ребенка место встречи, раскрытая ладонь на входных дверях в зимний период подчеркивает необходимость придроживать их.

Являясь высокотехнологичным видом транспорта, метрополитен использует лайтбоксы, телеэкраны, бегущие строки в качестве современного инструментария [5; 11].

Лайтбоксы относятся к стационарным справочникам с информацией транспортного характера, суммирующего данные о дорожной инфраструктуре, включающей подземную (метро) и наземную (МЦК, МЦД) части, пересадочные узлы, пункты назначения и отправления, в том числе аэропорты и железнодорожные вокзалы. Яркая подсветка лайтбокса обеспечивает доступность и наглядность информации. Небольшие лайтбоксы в вагонах позволяют выстроить наиболее оптимальный маршрут при введении в программу станции нахождения пассажира и места его прибытия. Они бывают разные по форме (круглые, прямоугольные), по месту нахождения (на платформе, в вагонах, при входе-выходе), по содержанию и объему информации – общая или конкретная (о прилегающем к данной станции метро району).

Телевизионные экраны московского метро предлагают обширную информацию, не ограничиваясь транспортной или конкретно московской тематикой. Оперативные данные об изменениях в работе транспорта, в том числе метро, новостные, рекламные ролики, развлекательные сюжеты обновляются и ярко оформляются, зачастую с использованием анимационных приемов, документальных кадров, киноматериалов [6; 7]. Благодаря актуальным сведениям общественно-значимого характера политического и культурного звучания этот справочный канал предназначен пассажирам разных социальных и образовательных уровней. Тестовая подача информации, разрабатываемой Географическим и Военно-историческим обществами России, предполагает активное участие пассажиров. Заложенные в тестах материалы имеют патристическое содержание и включают задания о событиях военной истории, памятниках природы, о национальностях, языках народов России.

Сервис «бегущая строка» в вагонах предоставляет информацию о текущей и очередной станциях, о времени прибытия, право- и левостороннем нахождении платформы, пересадочных пунктах в лаконичной форме.

Специфическим средством мегатекста, выполняющим не только информационную, коммуникативную, но и важную нормативную функцию социокультурного характера, выступает аудиовещание. Оно появилось в 1951 году на перегоне «Сокол» – «Площадь Свердлова», позднее, с 1953 года, голосовое оповещение на кольцевой линии. Первоначально объявления делали помощники машиниста, которых позже заменили профессиональные дикторы. Специальная подготовка обеспечивает при существующем в метро шумовом фоне необходимый тембр, высоту, скорость и громкость записанных ими голосовых сообщений. Качественная подача информации обеспечивается такими критериями как расстановка акцентов и логических ударений, четкая дикция и ровная интонация, спокойный и доброжелательный

тон. Направление движения подчеркивается звуковым сопровождением: мужским голосом при поездках в центр, женским – из центра на радиальных линиях. На Кольцевой линии записи мужчин-дикторов включают во время поездок по часовой стрелке, а женщин – против часовой стрелки. Подобное правило было введено в 1984 году по предложению Общества слепых.

В заключение можно утверждать, что метрополитен играет в столичном мегаполисе роль инновационного коммуникативного центра, использующего интегративный язык. Наиболее активно он проявляется при выполнении навигационной функции с включением культурного, информационного, рекламного контекста.

Рассматривая Метрополитен как общественно-культурный социокультурный феномен, авторы вводят концепт «навигационный язык», что соответствует постулату

известных филологов, философов и культурологов о том, что «гуманитарные науки, как и любые дисциплины, не могут развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы» [12, с. 17]. Сочетание функциональности технических средств и образно-смысловой выразительности, включающей такие языковые категории, как знак, символ, графика, цвет, свет, звук, позволяет рассматривать используемый в метро специфический язык в более широком дискурсе, как мегаязык.

Исследователи подчеркивают, что «многообразие текстов постоянно усложняющегося мира коррелируется с необходимостью понимания современным человеком различных языковых систем, кодирующих информацию. Комплекс ключей к кодам представлен в виде вербальных и невербальных средств, цветовой и предметной символики, звукового и изобразительного рядов» [8, с. 171].

Список литературы

1. Белоусова М. М. Метрополитен в системе культурной коммуникации // *Философия и культура информационного общества. Тезисы докладов*. Санкт-Петербург: ГУАП, 2018. С. 146–149.
2. Вальдес Одриосола М. С. Московский метрополитен как культурный феномен. // *Вестник Университета Правительства Москвы*. Москва, МГУУ Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова, 2017. № 1. С. 62–63.
3. В Москве растёт число туристов и бизнес-поездок. [Электронный ресурс] URL: t.me/mos_sobyaniin/8895
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984 397 с.
5. Дронов Р. В. Метрополитен для пассажиров // *Метро и тоннели*. Москва, ООО «Метро и тоннели», 2010. № 6. С. 30.
6. Евдокимов О. Г., Кирилова А. А. Метрополитен как вид рекламной площадки // В сборнике: *Концептуальные проблемы экономики и управления на транспорте: взгляд в будущее. Труды Международной научно-практической конференции*. Отв. редактор В. А. Подсорин. Москва, РУТ (МИИТ), 2022. С. 115–118.
7. Евин И. А., Соловьев А. А., Чернобровкин Д. А. Московский метрополитен как безмасштабная сеть // *Информатизация и связь*. Москва, «Омп группа», 2013. № 6. С. 76–80.
8. Паудяль Н. Ю., Филиндаш Л. В. Социальная значимость гипертекста для ментальной идентификации человека цифровой эпохи // *Вестник университета*. Москва, Издательский дом ГУУ, 2022. № 1. С. 169–174.
9. Пресс-служба Московского метрополитена. Метрополитен – основа транспортной структуры города Москвы. // *Горный журнал*. Санкт-Петербург, «Руда и Металлы», 2010. № 4. С. 81–84.

10. Сосюр Ф. Курс общей лингвистики. Москва: Логос, 1998. 235 с.
11. Эвалльё В. Д. Экранная среда в пространстве Московского метрополитена // Вестник славянских культур. Москва, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. № 60. С. 8–20.
12. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва, «Новое литературное обозрение», 2017. 609 с.
13. Nelson Th. H. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate in Association for Computing Machinery. / Theodor Holm «Ted» Nelson // Proceedings of the 20th National Conference. Ed. Lewis Winner: Cleveland, (Canada). 1965. С. 84–100.

*

Поступила в редакцию 12.04.2024

СИМУЛЯКР КАК ЧАСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

УДК 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-29-36>

А. С. Зотова

Московский государственный университет
технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ),
Москва, Российская Федерация,
e-mail: annazot@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается знаковая природа симулякра как части социокультурного кода современного общества в рамках семиотического подхода. Современное общество в данной работе представлено нами на основе теории Ж. Бодрийяра о том, что общественная формация в эпоху информационно-коммуникационных технологий формируется на принципах потребительства. Ж. Бодрийяр предлагает определение «общество потребления», которое существует не только в привычной реальности, но и в гиперреальности, создаваемой с помощью мифодизайна картины мира и симулякров. В свою очередь, рекламный дискурс тяготеет к использованию мифа, и симулякра в представлении как бренда, так и продукта. Реальность, транслируемая в рекламе, представляет собой мультикодовое пространство, включающее различные знаковые системы, создающее социокультурные символы и популярный life-style, часто мифологизированный, гиперреальный. Эти особенности формируют концепт общества потребления и новые тренды на социокультурные коды, жизненные установки и поведенческие нормы.

Ключевые слова: симулякр, общество потребления, Ж. Бодрийяр, рекламная коммуникация, бренд, социокультурный код, семиотика.

Для цитирования: Зотова А. С. Симулякр как часть социокультурного кода общества потребления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 29–36. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-29-36>

SIMULACRUM AS PART OF THE SOCIOCULTURAL CODE OF CONSUMER SOCIETY

Anna S. Zotova

Moscow State University of Technology
and Management named after K.G. Razumovsky (FCU),
Moscow Russian Federation,
e-mail: annazot@bk.ru

ЗОТОВА АННА СЕРГЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных процессов, СМИ и рекламных технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ)

ZOTOVA ANNA SERGEEVNA – CSc in Philology, Associate Professor at the Department of Public Processes, Mass Media and Advertising Technologies, Moscow State University of Technologies and Management named after K. G. Razumovsky (FCU)

© Зотова А. С., 2024

Abstract. The article examines the iconic nature of the simulacrum as part of the sociocultural code of modern society within the framework of a semiotic approach. Modern society in this work is represented by us on the basis of the theory of J. Baudrillard suggests that the social formation in the era of information and communication technologies is formed on the principles of consumerism. J. Baudrillard proposes a definition of “consumer society”, which exists not only in familiar reality, but also in hyperreality, created with the help of mythodesign of the worldview and simulacrum. In turn, the advertising discourse tends to use both myth and simulacrum in the presentation of both the brand and the product. The reality broadcast in advertising is a multicode space that includes various sign systems, creates socio-cultural symbols and a popular life-style, often mythologized, hyperreal. These features form the concept of consumer society and new trends in socio-cultural codes, attitudes and behavioral norms.

Keywords: simulacrum, consumer society, J. Baudrillard, advertising communication, brand, sociocultural code, semiotics.

For citation: Zotova A. S. Simulacrum as part of the sociocultural code of consumer society. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 29–36. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-29-36>

Развитие социогуманитарного знания сегодня во многом базируется на информационно-коммуникационных технологиях и на обществе нового типа, ориентированного на цифровые продукты и услуги. Сопутствующая этому обществу глобализация создает и транслирует мультикультурные и мультисоциальные коды, понятные представителям разных национальностей. Границы культурного кода стали трактоваться шире, выходя за традиционные рамки национальной социокультурной идентичности, поскольку происходит постоянное межкультурное взаимодействие, во многом ставшее возможным благодаря цифровизации и интернет-коммуникации. Эти процессы оказывают влияние на все сферы деятельности, приводят к трансформации экономики, производства и общества в целом.

Электронная экономика, стремительное развитие глобального рынка, ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), нейросети и AR, VR сформировали новый тип общества – цифровое общество потребления. Так, М. Кастельс [8] отмечает, что цифровое (информационное) общество развивается не только в области ИКТ, но и внутри себя, в социуме, культурной идентичности, социальных практиках, межличностной коммуникации и т. д. Ин-

формация и знание – два основных ресурса современного общества. А один из основных каналов – это глобальное мультикодовое интернет-пространство, состоящее из технологий, информационных потоков, знаковых систем, символов, изображений и т. д.

Электронная экономика генерирует новые формы потребления, во многом отличные от тех, которые исследовал Ж. Бодрийяр [2], однако в нашей работе его концепция является базовой для проводимого нами исследования. Феномен современного потребления заключается не только в традиционном потреблении товаров и услуг, но также и в потреблении больших объемов информации, новых знаний, нематериальных активов, цифровой культуры, продуктов виртуальной и дополненной реальности [12, с. 68–70]. Современное общество потребления формируется под воздействием ценностных установок, поведенческих правил, социокультурных кодов, транслируемых посредством информационно-коммуникационных каналов, рекламной коммуникации, в том числе в е-среде¹.

Глобальное информационное пространство привело к унификации понимания социального благополучия, статуса, имиджа

¹ е – префикс в статье обозначает электронную цифровую среду (прим. авт.)

и т. д. Так, Й. Масуда [10], японский социолог и футуролог, один из авторов теории информационного общества отмечал, что эволюция социума будет аккумулироваться в технологиях, интеллекте и новых потребительских стандартах, транслируемых через симулякры. Следует отметить, что потребительские стандарты формируются не только через представление индивидов о социокультурной идентичности, но и через симулякры, которые мы находим не только в производстве товаров и услуг, но в рекламной коммуникации, исследованию которой посвящена наша работа. Мы проводим анализ психолингвистических и визуальных потребительских установок, таких как *тренд, престиж, благосостояние, лидерство, успех, имидж*.

Сегодняшняя картина мира, тесно связанная с новыми медиа, соцсетями, мобильными приложениями, также связана и с миром вещей, что, в свою очередь, формирует общество потребления. Потребительство является частью сетевой экономики, в которой потребитель и производитель находятся в отношениях опосредованной коммуникации. Такая форма коммуникации еще несколько лет назад осуществлялась с помощью рекламного контента в СМИ, out-door и in-door форматах, а также на местах продаж. В настоящее время каналов стало больше: социальные сервисы веб 2.0, ивент-мероприятия, прямое участие в социальных практиках, таких как благотворительность, социокультурные акции и т. д. То есть концепт общества потребления расширил свои границы, включая не только производство, рекламное и пиар продвижение продукции, но и ориентацию на те или иные потребительские предпочтения. Тенденция формирования потребительских запросов ориентирована на традиционные товарные линейки и на сферу услуг, но параллельно активно развивается и социокультурный запрос, тесно связанный с системой ценностей и общественных установок, поведенческих трендов.

Ж. Бодрийяр в книге «Общество потребления» [2], приводит результаты своих ис-

следований, связанных с данным типом общества, которое он определяет как общество самообмана, где людьми управляют псевдоэмоции, псевдокультура, возникающие на почве искусственно созданного товарного изобилия, скрывающего существующий дефицит за иллюзией социального и экономического благополучия. Сущность общества потребления Ж. Бодрийяр видит в манипуляции психологией индивида через демонстрацию симулятивной реальности и гиперболизированную потребность в наращивании производства товаров и услуг. Таким образом, на сегодняшний день сформировано не только понимание сущности данного явления, но и его смысловое оформление – *концепт*.

Мы придерживаемся следующего определения (с учетом многозначности термина): «Концепт – это содержательная сторона словесного знака <...>, за которой стоит понятие, (т. е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, близко с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» (*синоним – социальный конструкт*)» [5, с. 606]. Данная трактовка концепта позволяет нам рассматривать общество потребления в контексте не только производственной и экономической формации, но и с позиций социокультурной сферы, включающей культурно-исторический опыт, поведенческие нормы, национальную идентичность и др. Такой подход соответствует целеполаганию современной рекламной коммуникации, которая часто строится на основе симулякров, создании «параллельной» реальности, умело встроенной в нашу повседневную жизнь (см. Схему 1 [7, с. 131]).

Схема 1

Согласно концепции Ж. Бодрийяра, такие медиа, как кино, реклама или СМИ (наиболее популярное из них – ТВ) не только формируют картину мира у индивида, члена общества потребления, но и заменяют ему реальность, поскольку при просмотре фильма или новостей, репортажа, чтении статьи и т. д. зритель/читатель напрямую не является участником событий, а воспринимает их и декодирует с помощью знаков и образов (вербальных и визуальных).

Семиотика события создает у индивида иллюзию присутствия, «дистанционной причастности» [1, с. 102] к происходящему во внешней среде. Симулякр драмы или опасности (фильм-детектив, фильм-катастрофа и под.) формирует у людей эмоциональную и психологическую напряженность, ощущение уязвимости во внешней среде и, как следствие, желание окружить себя комфортом и безопасностью. Это актуально и сегодня, например, концепция технологии «умный дом» построена на принципах автоматизации всего комплекса домашних электроприборов и обеспечения безопасности всех членов семьи посредством системы видеонаблюдения и сигнализации. То есть некоторым образом «умный дом» является результатом воздействия

знаков опасности и непредсказуемости внешнего мира, от которого нужно защищаться.

Также симулякр благополучия, успеха, красоты (красивые мелодрамы, гляцевые журналы, life-видео бьюти-блогеров и т. д.) – уход от реальных проблем, с которыми может сталкиваться человек (отсутствие отношений/семьи, непопадание под современные стандарты красоты, личные неудачи, невозможность повысить свой социальный или профессиональный статус и др.). Так появляется желание уйти от реальности с помощью глянца, красивого кино, рекламы и хотя бы создать иллюзию присутствия в этой другой, счастливой жизни. Знаковая экранизация картины мира захватывает общество, которое не просто стало зрителем нон-стоп, но и участником, «экраном, на который проецируются любые внешние влияния» [6, с. 210]. Исследуя значение технологического развития медиасферы, Ж. Бодрийяр отмечал смену принципа восприятия индивидом того или иного объекта, образа, что привело к появлению гиперреальности. Если до появления электронных медиа преобладал кинестетический, осязательный тип восприятия, то в современном обществе преобладает визуальное исследование

объекта, ставшее возможным с повсеместным распространением видео. «Гиперреальность – это сфера симуляции, где происходит смешение экранных образов и эпизодов реальности, <... > подлинного социального бытия и воображаемого пространства» [4, с. 152].

Сегодня видеотехнологии доступны не только профессионалам, но и каждому владельцу смартфона, поэтому в новом обществе появилась потребность в метареальности, которую обеспечивают AR VR технологии, создавая мир без границ, соединив мир реальный с виртуальными и цифровыми элементами. Эти технологии способны конструировать многослойное онлайн-пространство с физическим присутствием в нем человека.

Так, сознательная или неосознанная отстраненность индивида от реальности, эмоциональная и физическая вовлеченность в псевдодействительность, симуляция собственной жизни становится новым социокультурным кодом общества потребления.

Современный мир ориентирован на быстрые темпы экономического развития, внедрение передовых технологий в экономику, стимулирование покупательской способности населения, а значит и на популяризацию симулякров, способствующих социальной дифференциации. Для экономики социальная дифференциация – один из эффективных инструментов sales promotion, поскольку социальное расслоение для многих индивидов становится мотиватором к вешизму и обладанию статусными вещами.

Результаты исследования. Симулякры, являющиеся частью концепта общества потребления, сегодня зачастую становятся новыми социокультурными кодами. Однако в отличие от традиционных социокультурных кодов, сформированных под влиянием исторических, религиозных, традиционных и других факторов, и прочно закрепившихся в общественном сознании, симулякры могут «жить» в обществе разными временными отрезками. В нашей работе в качестве базы мы используем определение Н. Б. Маньковской: «Симулякр – это псевдовещь, замещающая “агонизирующую реальность” постреальностью посредством си-

муляции» [9]. Продолжая эту мысль, вернемся к Ж. Бодрийяру, который отмечал, что симуляция является приметой общества потребления и передается абстрактными образами, знаковыми структурами, способными подменить индивиду его реальность [3].

Исследуя симулякры как новый социокультурный код современного общества, мы основывались на классификации Ж. Бодрийяра [4], который выявил три типа симулякров: 1-й порядок (социальные симулякры), 2-й порядок (производственные симулякры) и 3-й порядок (сетевые знаки гиперреальности).

В рекламной коммуникации к симулякрам 1-го порядка относятся трансляторы социального благополучия, символически передаваемые в рекламном сообщении. Например, сувенирная и праздничная продукция передается знаками, относящимися к тому или иному празднику или традиции, а также символизирующими семейные ценности. Основными образами такого сообщения будут выступать: 1) счастливая семья (родители и дети), уютная комната/квартира, праздничная домашняя атмосфера (декор, освещение, музыка, общение и т. д.), собака или кошка, подарки. То есть потребителя вовлекают в семиотику праздника, эстетизации, счастья и благополучия, что зачастую не имеет реального воплощения в жизни потребителя, но каждый мечтает о такой реальности. Такие симулякры оказывают воздействие на индивида, как бы объясняя ему, что потребление – это не «товарность», а Ваша мечта, и мы можем Вам помочь воплотить ее в жизнь.

Симулякры 2-го порядка связаны с производством товаров и услуг и являются частью современной экономики и масс-маркета. Высокая производительность и высокая конкуренция требуют эффективной стратегии позиционирования, доступной ценовой политики и разноплановой коммуникации с потребителем. Семиотика товарности передается посредством категорий *тренд, стиль, технологичность, экологичность, эстетика, космополитизм* и др. Так, интернет-магазины одежды предлагают к покупке не отдельную категорию товара, например, джинсы, а готовый «look»,

т. е. образ в определенном стиле, когда на фото и видео-карточке товара на модели представлены джинсы в «готовом наборе»: джинсы + блузка + жакет + туфли + сумка. Также следует отметить, что такие образы составляются стилистами и четко соответствуют современным модным трендам. Покупателю нравится, как выглядит модель, и он тоже хочет выглядеть так же модно и современно и выбирает уже не только джинсы, но и что-то еще из предложенного образа. Масс-маркет бренды транслируют идею потребительства не напрямую, а завуалировано, через модные тенденции и life-style, предлагая модную и успешную жизнь в middle-сегменте, а не в премиум, как это было в прошлом веке и в начале 21 века.

Симулякры 3-го порядка отличаются от первых двух; например, А. В. Панкратова так определяет это отличие: «...теперь симулякр перестал быть материальным вещественным предметом. Симулякры третьего порядка существуют в сети, в сознании, в гиперреальности. Это не просто копии, для которых нет оригинала, это копии, само существование которых характеризуется утратой реальности. Вещи в гиперреальности существуют как знаки, как определенный код. Дизайн уже не проектирует вещи, а проектирует знаки, визуальную коммуникацию» [11, с. 143]. Это означает, что знаковая природа такого симулякра выражена графическими, цветовыми, иконическими знаками, а также образами и символами, понятными современному потребителю. Так, например, потребитель может узнать бренд или товар по логотипу, элементам фирменного стиля или маскоту. Вербально-визуальный ряд товара или даже компании закреплён в сознании индивида, и он способен легко декодировать комбинации знаков и символов, предлагаемые ему в рекламном сообщении. Это стало возможным не только из-за частотности трансляции рекламы, но и потому, что многие «нетоварные» знаки и символы стали частью социокультурного кода общества. Например, Сбер активно строит коммуникацию с молодежью, для эффективного взаимодействия с молодым поколением и вовлечением его в целевую аудиторию бренд стре-

мится использовать симулякры 3-го порядка. Один из таких визуальных инструментов – это цвет. В Сбере фирменный цвет – зеленый, но для молодежной аудитории его трансформировали в неоновый зеленый. Неон – цвет поколения «диско», снова вошедший в моду и ставший популярным у молодежи, цвет миллениалов и хоумлендеров, его философия в эклектике и мультикультуре, в людях, которые сами создают тренды (а не компании). Социокультурный код неона – будущее, космополитизм, созидательная энергия; добавим неоновый зеленый в логотип – и Сбер трансформируется в молодежный бренд, разделяющий идеи и ценности поколения. Так цвет способен оживить симулякр, несмотря на то, что в большинстве случаев благополучие и успех, достижение мечты банки предлагают через кредит, а это уже другая реальность.

Симулякры способны моделировать социокультурные коды в современном обществе, а также поддерживать уже существующие с помощью семиотики потребительства и рекламной коммуникации. Симулякр в рекламе «собирается» поэтапно, начиная с формирования потребности у индивида и предложения ее закрытия (удовлетворения) посредством покупки товара (услуги), который является принадлежностью бренда и позиционируется как часть социокультурного имиджа. Бренд, в свою очередь, транслирует определенный образ жизни, часто в форме симулякра, который весьма притягателен для индивида. Мифология счастья распространяется повсеместно, массмедиа (не только реклама) создают семиотическое пространство симулякров. Так осуществляется мифодизайн образа жизни общества и социокультурного пространства.

Приведем некоторые новые формы социокультурных кодов в контексте симулякров. *Эмоциональное сопровождение коммуникации* сегодня чаще выражено визуальными знаками, нежели вербальными, что подтверждается повсеместным использованием смайлов и эмодзи, а также gif-анимации. *Передача действий и реакций участников коммуникации* также часто сопровождается стикерами, либо же стикеры самостоятельно передают информацию, без вер-

бального знакового сопровождения. Стикеры настолько популярны, что стали сувенирной продукцией, мерчем, элементом фирменного стиля бренда. Например, в магазинах при художественных музеях всегда можно найти сумки-шоперы с принтами в виде популярных стикеров. *Самопрезентация индивида* в социальной группе или обществе в целом выражается через «outfit» и «look», этот социокультурный код распространяют многие магазины одежды, предлагая покупателям готовые образы, созданные стилистами с учетом модных стилевых кодов.

Позиционирование ЗОЖ (здоровый образ жизни), например, через семиотику еды. Еда – это обновленный социокультурный код, который включает различные знаковые системы – визуальную, графическую, вербальную. Так, целый ряд аббревиатур, ранее не известных широкой аудитории, сегодня используется всеми, кто придерживается ЗОЖ: ПП-термины (термины правильного питания), КБЖУ (калории, белки, жиры, углеводы), детокс-диета, боул-блюдо, ГИ (гликемический индекс) и др.

Зачастую рекламная коммуникация формирует моду на данные социокультурные коды, но сами товары могут при этом выступать как симулякры, в большинстве случаев невидимые потребителю. Так, покупка сумки-шопера с принтом стикера А. С. Пушкина или картины К. Малевича не сделает индивида частью богемы

и творческой среды, а лишь создаст иллюзию этой принадлежности. Этот факт также подтверждает то, что некоторые покупатели даже не знают, какая именно картина на принте их шопера или футболки, им важно быть «на стиле», совпадать со стилистикой той или иной социальной группы.

Выводы. Несмотря на определенный отрицательный эффект влияния некоторых симулякров на общественное сознание, тем не менее, мы бы хотели отметить и положительные моменты «присутствия» симулякров в современной картине мира, поскольку единый эмоциональный фон рекламной коммуникации ориентирован на позитив, взаимопонимание, заботу о ближнем, ответственность за домашних животных, за окружающую среду. В современном мире такая гиперреальность порой отличается от беспокойной сложной и конфликтной реальности.

В данной работе мы исследовали природу социокультурного кода симулякра, являющегося частью современного общества потребления и транслируемого в рекламной коммуникации. Современная картина мира представлена не только реальными событиями и вещами, но и мифом, как особым механизмом когнитивной концептуализации реальности. Мифодизайн стал частью жизни общества и его семиотического социокультурного пространства.

Список литературы

1. Ажимова Л. В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток. № 3, 2012. С. 101–110.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Москва: АСТ. 2023. 384 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Постум. 2018. 240 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва: Добросвет. 2000. 387 с.
5. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. Москва: Издательский центр «Азбуковник». 2007. С. 606–622.
6. Дьяков А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2008. С. 210.
7. Зотова А. С. Концепт общества потребления в современном коммуникационном пространстве рекламного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. Т. 21. № 1. 2022. С. 129–139.

8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
9. *Маньковская Н. Б.* Симулякр // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. Москва: РОССПЭН. 2003. С. 406.
10. *Масуда Й.* Информационное общество как постиндустриальное общество. Вашингтон: World Future Society. 1983. 171 с.
11. *Панкратова А. В.* Симулякр четвертого порядка как итог процесса симуляции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: ООО «Издательство «Грамота» № 11–1(49). 2014. С. 142–145.
12. *Согорин А. А.* Концепция рекламы Ж. Бодрийера в рамках социологического научного дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. № 11–5(42). 2015. С. 68–70.

*

Поступила в редакцию 18.03.2024

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

УДК 316.334.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44>

Е. А. Лупина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Аннотация. В начале статьи автор останавливается на истории формирования экологического подхода и сложившихся к сегодняшнему дню в нем моделях. Далее прослеживается трансформация представлений человека о природе. Автор отмечает, что уже в работах античных философов понятие «фюсис» носит поливариантный характер, перемещаясь из медицины в область природных элементов, стихий, и лишь в философии Аристотеля приобретает близкую к современной трактовку. В рамках христианского богословия происходит обоснование нетварной природы Бога и тварной природы человека и окружающего мира. Представления же о Боге и человеке, его взаимодействия с природой, выстраивают иерархическую вертикаль, верх которой занимает Бог, а низ отводится природе. Человек, находящийся между ними, отныне не являлся связующим звеном, он противостоял природе, поддерживаемый Богом. Автор подчеркивает, что результатом развития данной тенденции и новоевропейского представления о способности человека покорить природу, становится отчуждение человека от природы, формирование антропоцентрического экологического сознания, в рамках которого природа есть лишь объект приложения усилий человека, его различных, чисто прагматических, манипуляций в отношении природы. Этому типу сознания присущи антропоцентризм, антиэкологизм и социальный оптимизм. В заключении делается вывод о том, что одним из направлений деятельности для преодоления экологического кризиса должна стать коэволюция, предполагающая восстановление на основе пересмотра и переосмысления всех факторов общественного развития органического единства.

Ключевые слова: парковое пространство, экология, природа, экологический подход, экологическое сознание, антиэкологизм, коэволюция.

Для цитирования: Лупина Е. А. Взаимоотношения человека и природы в контексте экологического подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 37–44. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44>

THE RELATIONSHIP BETWEEN MAN AND NATURE IN THE CONTEXT OF AN ECOLOGICAL APPROACH

ЛУПИНА ЕЛЕНА АМИРАНОВНА – соискатель кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры; директор Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького

LUPINA ELENA AMIRANOVNA – Applicant at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture; Director of M. Gorky Central Park of Culture and Recreation

© Лупина Е. А., 2024

Elena A. Lupina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
M. Gorky Central Park of Culture and Recreation,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Abstract. At the beginning of the article, the author dwells on the history of the formation of the ecological approach and the models that have developed in it to date. Further, the transformation of human ideas about nature is traced. The author notes that already in the works of ancient philosophers, the concept of “fusus” has a multivariant character, moving from medicine to the field of natural elements, elements, and only in the philosophy of Aristotle acquires a close to modern interpretation. Within the framework of Christian theology, the uncreated nature of God and the created nature of man and the surrounding world are substantiated. The ideas about God and man, his interaction with nature, build a hierarchical vertical, the top of which is occupied by God, and the bottom is assigned to nature. The man between them was no longer a link, he opposed nature, supported by God. The author emphasizes that the result of the development of this trend and the new European idea of man’s ability to conquer nature is the alienation of man from nature, the formation of an anthropocentric ecological consciousness, in which nature is only the object of human efforts, his various purely pragmatic manipulations with regard to nature. This type of consciousness is characterized by anthropocentrism, anti-environmentalism and social optimism. In conclusion, it is concluded that one of the areas of activity for overcoming the environmental crisis should be coevolution, which involves restoration on the basis of revision and rethinking of all factors of social development of organic unity.

Keywords: park space, ecology, nature, ecological approach, ecological consciousness, anti-environmentalism, coevolution.

For citation: Lupina E. A. The relationship between man and nature in the context of an ecological approach. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 37–44. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44>

Экология как наука рассматривает, с одной стороны, взаимодействие любых живых систем и их среды обитания, с другой, – особенности протекания процесса взаимодействия и его результаты. Из этого следует, что формирование экологического мышления детерминировано тремя компонентами – знанием о биологических системах, о среде их обитания и о взаимодействии их элементов. В. И. Вернадский подчеркивал, что «человек и в его индивидуальном, и в его социальном проявлении, теснейшим образом закономерно, материально-энергетически связан с биосферой» [2, с. 32]. Отражение взаимоотношений человека и природы, восприятие природы как части бытия является основой экологического сознания. Сформированное в рамках данного историко-культурного периода оно детерминирует поведение человека и общества в отношении

природной среды. Безусловно, развитие цивилизации невозможно без использования природных ресурсов, поиска способов их освоения, расширения ареала присутствия человека, ибо ежегодно человечество заселяет новые территории, которые до этого оставались в статусе естественных. Однако активизировавшееся в последние 100–150 лет развитие техногенных сфер привело к росту антропогенной нагрузки, что негативно сказалось на окружающей среде.

К сегодняшнему дню в рамках экологического подхода выделяют, как правило, гносеологическую и биологическую линии. Первая из них формировалась под влиянием идей Джеймса Дж. Гибсона и школы экологической психологии (Р. Баркер), для представителей которых важным фактором воздействия на человека выступала окружающая среда (в том числе, и природная). Кроме того, Гиб-

сон разработал теорию восприятия, которая базируется на информации. Он был одним из первых, предложивших типологию восприятия. Именно информации ученый отводит доминирующее воздействие на субъекта, а не ощущениям, т. е. разум при восприятии импульсов окружающей среды не подключает механизмы обработки и когнитивного конструирования, познание характеризуется непосредственностью (в данном исследовании позиция Гибсона будет использована в следующей главе при анализе визуальности).

Вторая линия исходит из идеи о взаимосвязи окружающей среды и общества (организма), их диалоге, о стремлении к формированию единой системы, где они будут выступать ее равноценными компонентами. Кроме того, представители данного подхода (например, Э. Хауген, введший в 1970-е гг. термин «экология языка», Х. Хаарманн, А. Филл и др.) считают возможным относить экологическую терминологию на социальные процессы. В частности, в рамках этой концепции, базирующейся на тесном взаимодействии человека, окружающей его среды и языка, на котором он говорит, язык (как вербальный, так невербальный) (или общество) может трактоваться как экосистема. Данный подход так же интересен для анализа паркового пространства, поскольку дает возможность взглянуть на стилевые особенности художественного языка, использованного для обустройства парка.

С древнейших времен жизнь человека протекала в природном окружении, более того, в тот период человек фактически полностью от него зависел. Невозможность объяснения многих природных явлений (смена времен года, природные катаклизмы и погодные факторы) приводит к их обожествлению. Сохранились сведения о традиции поклонения деревьям: так, кельты почитали дуб, жители древней Нубии почитали сикомору. Постепенно взгляд человека на природу менялся.

Среди трудов древнегреческих философов нередко встречаются сочинения под названием «О природе вещей», что свидетельствует об интересе к данной проблема-

тики уже в тот период. В культуре Др. Греции используется существительное «фюсис» (от др.-греч. φύσις), ведущее свое происхождение от глагола φύω («рождать», «производить на свет», «выращивать»). Один из самых ранних примеров использования этого понятия встречается в «Одиссее» Гомера, где поэт, характеризуя чудодейственные свойства растения «моли», которое Гермес вырывает из земли и показывает Одиссею, автор показывает тем самым природу этого растения.

Любопытно, но первыми описывать свойства лекарственных растений с помощью термина «фюсис» начали древнегреческие врачи. Лишь со временем его стали относить к явлениям природы, например, к стихиям, которые в древнегреческой культуре представлялись не просто элементами окружающего мира, а имели божественный статус. Первым же философом, который ставит фюсис в центр философской рефлексии, был Гераклит. Для него природа выступает сущностью вещи, которая может быть скрыта и не сразу обнаруживаема. Кроме того, он указывает, что природа вещи имеет протяженность во времени, а, следовательно, может изменяться.

В Др. Риме аналогом фюсису выступает латинский термин «*natura*» (от *nasci* – «родиться, возникать»). Постепенное расширение содержания данных терминов происходило еще в границах античной культуры. Так, уже в «Своде Гиппократов» (V в. до н. э.) встречаются трактовки «от смысла натуры человека – его качеств («по природе хорошие едоки») – до выделения доминанты организма («желчная природа человека») или человека («сильная природа»), а также об окружающей среде («внешний вид и нравы людей большей частью отражают природу страны»)» [9, с. 66–78]. Противоположностью природы (во всех ее проявлениях и трактовках), основу которой составляет порядок, с точки зрения древних греков, выступает хаос.

Платон в «Софисте» рассуждает о двух видах творчества, соотнося первый из них с божественным искусством, который и выступает основой природы, второй же есть ис-

куство человеческое. Исходя из этого, Платон рассматривает природу как движущую причину и силу «порождения и гибели явленных вещей, она представляет собой разумную душу, пребывающую во всех вещах (гилозоизм)» [7, с. 619]. Более того, А. Ф. Лосев подчеркивает, что для философа идея и материя выступают тождественными, поскольку он мыслит их «в иерархийном порядке, начиная от неодушевленных, одушевленных и разумных созданий, восходя к Мировой душе и к Мировому уму и кончая опорой на всеединую идею блага, то есть опорой на абсолютное первоединство» [6, с. 245]. В данном случае можно говорить о расширении Платоном смысла понятия «природа», поскольку философов включает в него и представление о душе. Таким образом, в теории Платона происходит преодоление вещественно-материального подхода в трактовке природы, характерного для досократиков.

Центральное положение данное понятие занимает в философии Аристотеля, который, собственно, и создает физику как учение о природе. Более того, понимая вариативность последней, он дает различные трактовки термина «природа» (в частности, в «Метафизике», где представляет спектр от «рождения» до «первопричины движения») [1, с. 149–150]. Для Аристотеля одной из специфических характеристик материальной природы выступает ее потенция, способность к изменениям, философ указывает на нее, как источник движения. Для природы, с его точки зрения, характерны фундаментальные связи, базирующиеся на основе энтелехии, благодаря которой она приобретает целостность и упорядоченность. То есть он разделяет позицию Платона о том, что душа есть элемент природы. Таким образом, природа у Аристотеля, с одной стороны, «отлична от материи, а с другой, вполне имманентна ей как некий общий принцип» [4, с. 80].

В границах древнеримской цивилизации возникло и слово «cultura», изначально имевшее поливариантную трактовку, которое включает значение и «обитать где-либо»,

и сельскохозяйственное (обработка земли), и сакрально-культурное. Несмотря на многозначность термина и отнесение его к разным сферам деятельности, объединяющим выступает ориентированность на преобразование (природы, места проживания, души человека и т. д.), т. е. качественное изменение, и это позволяет провести параллель с понятием «фюсис», которое также предполагает развитие и возможность, и может быть отнесено как к окружающему миру, так и к человеку. Г. Гачев отмечал, что «сама идея земледелия – грандиозное метафизическое сцепление. Земля – это мать, та, которой свойственно родить, порождать, давать прирост бытию через Эрос и естественное рождение, через самую жизнь. Труд – это искусство, прибавление к бытию через творение» [3, с. 373].

Таким образом, уже в эпоху античности можно проследить динамику трактовки понятия «фюсис», которое из области медицины переходит в область природных элементов, стихий, имеющих божественное происхождение, а в философии Аристотеля приобретает смысл, близкий современному: природа есть естественная среда, куда включен и человек.

В раннехристианских текстах (в частности, у Климента Александрийского и Оригена) употребление термина «фюсис» увеличивается, что свидетельствует о тенденции его осмысления в рамках богословия. Безусловно, главное внимание было сосредоточено на объяснение природы Бога. Именно это звучит в выводах Первого Вселенского собора в Никее (325 г.), где и был сформулирован символ веры, закрепивший единственность Бога-Отца и Бога-Сына, Святого Духа, то есть троичность природы Бога. Пытаясь максимально дистанцироваться от эллинистических представлений, христианские богословы предлагали пространные размышления о природе Бога и человека, исходя, главным образом, из понятий «сущность».

Таким образом, в контексте христианского богословия происходит обоснование нетварной природы Бога и тварной природы человека и окружающего мира. Представле-

ния же о Боге и человеке, его взаимодействии с природой, выстраивают иерархическую вертикаль, верх которой занимает Бог, а низ отводится природе. Человек, находящийся между ними, отныне не являлся связующим звеном, он противостоял природе, поддерживаемый Богом. То есть истоки существующего сегодня противопоставления человека и природы, искусственного и естественного можно обнаружить в средневековом периоде, а в дальнейшем этот процесс их постепенного отдаления лишь продолжится (так, на протяжении XVII–XVIII вв., в момент формирования политической философии мыслители оперируют понятиями «естественный человек», «естественное право», которое противопоставляется праву божественному).

Эпоха Возрождения посредством пантеизма предприняла попытку нивелировать оппозицию «человек – природа», стремясь восстановить утраченное в христианстве единство божественного и природного. Ренессансное искусство в полной мере отразило эти идеи, демонстрируя в созданных его мастерами произведениях гармоничное соединение телесного и духовного. Художники стремились подчеркнуть значимость природной среды, делали ее неотъемлемым элементом своих работ, помещая в это природное окружение своих персонажей. Более того, именно в этот период происходит становление жанра пейзажа (особенно ярко эта тенденция проявилась в германской и голландской живописи XVI века, а к XVII в. он уже полностью оформится), что так же свидетельствует о происходивших переменах во взгляде на природу.

Данная тенденция – приобретение значимости природным началом – будет влиять и на развитие науки, поскольку представление о природе как о чем-то низменном, не способствовало проявлению интереса к ней. Осмыслению в средние века подлежала лишь небесная сфера, теологи пытались дать обоснование, прежде всего, божественной природе. Но в эпоху Возрождения живописцы начинают прибегать к линейной перспективе,

поэтому они не могли обойтись без знаний в области оптики, а правильное мускульное движение персонажа невозможно показать без представлений об анатомическом строении. Все это приводит к развитию знания, базирующегося на опыте, на наблюдении, формируется представление о том, что истину необходимо искать в природной среде.

В Новое время, под воздействием научной революции, происходит окончательное отчуждение человека от природного окружения. Особую роль в этом процессе, безусловно, сыграла философия Р. Декарта, уподоблявшего мир механизму (об этом он пишет, например, в «Первоначалах философии», где сопоставляет мир с часовым механизмом, который Бог-часовщик заводит каждый день). Картезианство опирается на идею о том, что с помощью разума, мышления (*cogito*) человек способен господствовать над природными силами, благодаря ему человек может придумать технические средства и совершать открытия, позволяющие подчинить природу. Эта философская доктрина оперирует понятиями о человеке как субъекте и мире как объекте. Можно сказать, что картезианство стало, своего рода, итогом развития того экологического сознания, основанного на представлении об особой, уникальной природе человека, о его выделенности из естественного окружения, формирование которого началось еще в период раннего христианства. С этого момента европеец не мог позволить развиваться природе самой по себе, она должна служить человеку, приносить ему пользу. То есть в данном случае, возможно говорить о впитывании наукой, которая в период Нового времени обретает автономность, превращается в самостоятельную форму познания бытия, представлений об исключительности человека, которые до этого бытовали в религиозной сфере. Однако если его избранность в христианстве объяснялась творением человека по образу и подобию Бога, то в рамках научной парадигмы она объясняется наличием разума. Таким образом, как это ни парадоксально, но в данном случае происходит

единение двух абсолютно противоположных по своим основаниям форм познания мира: к авторитету библейского текста теперь добавился авторитет научного знания.

Результатом развития данного представления и становится отчуждение человека от природы, *формирование антропоцентрического экологического сознания, в рамках которого природа есть лишь объект приложения усилий человека*, его различных, чисто прагматических, манипуляций в отношении природы. Данному типу сознания присущи:

- антропоцентризм, базирующийся на представлении об отличии человека от других живых существ тем, что он есть существо, создавшее культуру;
- антиэкологизм, поскольку вся деятельность человека в природной среде строится не на биофизических факторах, как у остальных живых организмов, а на основе социокультурных, ибо для человека приоритетным выступает мир социальный, а не природный;
- социальный оптимизм, исходящий из уверенности в бесконечном научно-техническом, а, следовательно, и социальном прогрессе.

В контексте данного типа сознания природа есть всего лишь окружающая среда, поэтому на нее, например, не распространяются этические нормы, они действуют лишь в человеческом сообществе. Собственно, такое восприятие природы и заложило основу для возникновения экологического кризиса.

Следует отметить, что осмысление данной проблематики началось в 1960–1970-е гг., когда довольно остро встал вопрос о выживании человечества в связи с угрозой ядерной войны и потребительским отношением к природным ресурсам. Знаковым в этом отношении является открытие в 1968 г. Римского клуба, одной из главных задач которого выступала охрана природной среды, экологии Земли.

Исходным импульсом становится понимание, что «выживание общества всегда зависело от сохранения равновесия между

тремя переменными: «население», «ресурсы» и «окружающая среда» [11, с. 15].

В СССР выдающейся личностью, чья целенаправленная и многолетняя деятельность по сохранению природы приводит к учреждению Экологического союза СССР бал Н. Ф. Реймерс (в 1988 г. ученый стал первым его председателем). Его исследовательский фокус от решения проблем по сохранению природы постепенно сместился в сторону экологии социальной. В частности, в работе «Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология» он касается вопросов экологии человека и экологии мегаполисов. Реймерс отмечает, что «понимание взаимозависимости людей в области экономики и экологии, их социальной связи подталкивает к объединению, снижению конфронтационных тенденций, повышению доброжелательности. Напротив, нищета, неэффективность управления ведут к паразитизму и озлобленности» [8, с. 242].

Бурное становление капиталистических отношений и переход цивилизации к постиндустриальному типу экономики привело к значительному развитию техногенных сфер, способствовавших росту антропогенной нагрузки на сферу природы. Все это, бесспорно, негативно отразилось на окружающей среде, что привело современную цивилизацию к глобальному экологическому кризису. Н. Ф. Реймерс писал о необходимости проведения «экологической оптимизации», под которой имел в виду стратегию, которая включала бы создание предпосылок и выработку комплекса методов для поддержания экологического равновесия, которое отражает особое состояние природной среды и выступает единственным условием для ее саморегуляции и воспроизводства. [8]. Он подчеркивал, что «корень зла заключается в том, что человечество не имеет механизма эффективной и быстрой обратной связи с природой. Для того чтобы произошла экологизация, требуется возникновение чрезвычайных обстоятельств или ясная перспектива их возникновения» [8, с. 241].

Одним из направлений деятельности для достижения поставленной цели должна стать коэволюция, предполагающая восстановление на основе пересмотра и переосмысления всех факторов общественного развития органического единства. Возникнув в биологии (Ч. Дарвин использует его впервые в «Происхождении видов путем естественного отбора»), это понятие сегодня приобрело статус общенаучной категории. В рамках культурфилософского подхода его трактуют как взаимосвязанное развитие человека и биосферы. Одним из первых отечественных ученых именно в таком ракурсе о коэволюции заговорил в конце 1960-х гг. биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский, который предлагал найти баланс между интересами и потребностями человека и биосферы.

Коэволюция в живой природе происходит за счет приспособления живого организма к окружающей среде, живое существо активно преобразует пространство вокруг. В биологии оно получило название «экологическая ниша», но можно вспомнить и понятие Umwelt, которое было введено Я. Фон Иксюлем. Несмотря на невозможность точного перевода этого слова на русский язык, тем не менее, Иксюль трактовал его как специфическое окружающее пространство, к которому приспособляется биологический вид. Он предложил «концепцию жизненного мира, в основе которой лежит идея о том, что характеристики внутреннего мира живого существа конструируют модель внешнего мира. С другой стороны, пребывание в определенной природной среде влияет на формирование внутреннего мира. Таким образом, внутренний и внешний миры когерентны и детерминируют друг друга, а возникающий в результате жизненный мир представляет собой целостность» [10, с. 99–100]. То есть это не просто пространство, заставляющее адаптироваться, а среда, продуцируемая телесными и психическими особенностями живого организма, этот мир создается живым организмом, а потом уже созданный, сконструированный

мир воздействует на него. Таким образом, если в живой природе мир живого организма трактуется как экологическая ниша, то в социокультурном пространстве – это ниши культурные.

Можно провести параллель и с введенным К. Левиным в его теорию поля понятием «жизненное пространство» и «жизненным миром» Э. Гуссерля, возникшее как реакция на научно-институциональный подход к восприятию жизни (хотя термин упоминался и до Гуссерля, в частности, у Р. Авенариуса, Р. Ойкенома). С точки зрения Гуссерля, жизненный мир дается естественным образом и служит для описания человеческих отношений (во всем их многообразии) и окружающей человека культурной среды (начиная от мира вещей и заканчивая миром ценностей). Любопытно, что оба понятия относятся к сфере повседневности, трактуемой как каждодневная реальность жизни человека. Отчасти это можно объяснить наблюдающейся сегодня тенденцией гуманизации жизнедеятельности человека.

Таким образом, можно говорить и о возникновении в культуре коэволюционных ландшафтов как системы сложных по расположению ниш. Сегодня актуальность коэволюции как основы для пересмотра взаимоотношений человека и природы очевидна, как и необходимость формирования экологической этики (одним из принципов которой может быть следующий: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [5, с. 18]), экологической политики, центральным понятием которой выступает устойчивое развитие, подразумевающее функционирование самоорганизующейся системы с самовосстанавливающимся развитием. В этом случае основой развития выступает неустойчивость как фундамент длительного устойчивого состояния. В связи со сказанным, парк, выступающий частью городского пространства, который может трактоваться как коэволюционный ландшафт выступает одной из его ниш.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4-х т. Москва: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста: В 2 кн. Москва: Наука, 1977. Кн. 2. 191 с.
3. *Гачев Г.* Вещают вещи. Мыслят образы. Москва: Академический проект, 2000. 494 с.
4. *Иеромонах Кирилл (Зинковский)*. Термин «φύσις» в древнегреческой философии, посвященном Писанию и в творениях доникейских церковных писателей // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. Вып. 3. С 75–88.
5. *Йонас Г.* Изменившийся характер человеческой деятельности // Человек. 1999. № 2. С. 5–19.
6. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/lose008/index.htm>
7. *Месяц С. В.* Природа // Античная философия: энциклопедический словарь. Москва: Прогресс-Традиция, 2008. С. 616–624.
8. *Реймерс Н. Ф.* Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. Москва: ИЦ «Россия Молодая» Экология, 1992. 367 с.
9. *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. Москва: Наука, 1979. 489 с.
10. *Синявина Н. В.* Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. Москва: МГИК, 2022. 365 с.
11. *Rogers R.* Cities for a small planet. London: Faber&Faber, 1997. 160 p.

*

Поступила в редакцию 28.04.2024

РУССКИЙ СТИЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ КИТАЙГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

УДК 069.122

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-45-56>

Д. А. Лунгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: loungina@yandex.ru

Аннотация. Тема статьи – культурный потенциал русского стиля середины XIX – начала XX века, раскрываемый в ходе строительного и архитектурно-художественного переоформления памятника средневековой московской фортификации – Китайгородской стены. Начавшийся более полутора веков назад, этот процесс не завершен и сегодня по причинам как естественным, так и социально-политическим. Сюжеты, связанные с дореволюционными реконструкциями стены, сносом 1930–1940-х гг., реставрацией уцелевших фрагментов и восстановлением Воскресенских ворот могут пополнить портфель экскурсовода не только архитектурными, но и градостроительными сюжетами. В качестве участников диалога города-крепости и модернизирующегося города выбраны сопровождающие стене здания Исторического и Политехнического музеев. Объединяя существующие пешие маршруты от Кремля до Зарядья, они выступают как композиционные узлы бывшей крепости, по-прежнему служащей основой градостроительной системы московского центра. Ныне два здания претендуют на роль звеньев, держащих на себе почти не сохранившееся сооружение. В статье рассматриваются зрительные и коммуникационные аспекты ревайализма, прослеживается историческая преемственность московского зодчества XVII–XIX вв., обсуждаются заложенные в эклектике возможности для формирования комфортной городской среды.

Ключевые слова: экскурсия в формате медиации, Китайгородская стена, русский стиль, неорусский стиль, Исторический музей, В. О. Шервуд, Политехнический музей.

Для цитирования: Лунгина Д. А. Русский стиль и его роль в истории Китайгородской стены // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 45–56. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-45-56>

RUSSIAN STYLE AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF THE KITAI-GOROD WALL

ЛУНГИНА ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА – кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории мировой культуры, научный руководитель образовательной программы «Прагматика и менеджмент культуры (Арт-менеджмент)», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
LUNGINA DARIA ANDREEVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of History and Theory of World Culture; scientific director of the Educational Program “Pragmatics and Cultural Management (Art Management)”, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

© Лунгина Д. А., 2024

Daria A. Lungina

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: loungina@yandex.ru

Abstract. In this article I will discuss the cultural potential of the Russian Revival style of the middle XIX–early XX century, which has been revealed during the construction and architectural and artistic reconstruction of the Kitai-Gorod town wall in Moscow. Begun more than a century and a half ago, this process is still incomplete today, for both natural and socio-political reasons. Plots related to the pre-Revolutionary remediation of the wall, its demolition of the 1930–1940's, the restoration of the surviving fragments and the reconstruction of the Voskresenkiye Gate can fill the guide's portfolio with not only architectural, but also urban themes. The walls of the Historical and Polytechnic Museums were chosen as participants of the dialogue of the fortress-city and the modernizing city. Combining the existing tourist routes from the Kremlin to Zaryadye, they act as composite nodes of the former fortress, which still serves as the basis of the urban planning system of the Moscow center. Now two buildings claim to be the links holding almost no surviving structure. In my article, I will talk about the visual and communication aspects of revivalism, trace the historical continuity of the Moscow architecture of the XVII–XIX centuries, discuss the opportunities inherent in eclecticism to create a comfortable urban environment.

Keywords: architectural tour, cultural mediation format, Kitai-Gorod town wall, The Russian Revival (Pseudo-Russian and Neo-Russian) styles, State Historical Museum, Vladimir Osipovich Sherwood, Polytechnic Museum.

For citation: Lungina D. A. Russian style and its role in the history of the Kitai-Gorod wall. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 45–56. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-45-56>

«Прочность, польза, красота». Наш «рассказчик», Китайгородская стена, вряд ли соответствует канону этой классической триады Витрувия, ибо лишен espectacularности классического зодчества. Оставшиеся фрагменты стены невозможно охватить взглядом, чтобы судить о величественности, присущей, например, римским постройкам; нам не удастся подметить следов сомасштабности человеку, чтобы засвидетельствовать их «нарядность» или, скажем, «скромную простоту». По большому счету, нашего рассказчика не существует и, строго говоря, никогда не существовало как цельного и законченного произведения, поскольку его безостановочно перестраивали, приспособлявая ко все новым и новым задачам городского развития. Китайгородская стена – один из самых сложных случаев в практике экскурсовода, поскольку она сочетает черты достопримечательности и среднего объекта. Ее пространственная энергия по-настоящему пробуждается не тогда, когда мы знакомим публику с законсервированны-

ми или восстановленными фрагментами, ища ответа, что связывает нас с предметом нашего внимания, а тогда, когда вместе задумываемся о первичности этой связи. Точней – о городе как единстве жилой среды, развивающейся во времени и при нашем общем участии.

Знакомство с Китайгородской стеной, как правило, начинается с Воскресенских ворот и Иверской часовни. Мы подходим к ним или с Манежной площади, или с площади Революции, попутно отмечая, что нынешнее видовое раскрытие этой группы предопределено, прежде всего, самим фактом ее воссоздания в 1994 году. Причины ее исчезновения до сих пор легко считываются топографически: зияющие пространства на подходе к Историческому музею и его филиалу, музею Отечественной войны 1812 года, не вяжутся с древним возрастом столицы. Появление такой пустоты, какую сегодня демонстрируют кварталы между Манежем, Александровским садом и пл. Революции (бывшей Воскресенской), могли вызвать только серьезные исто-

рические потрясения. Радикальная расчистка территории началась с 1929 года, когда ради антирелигиозной пропаганды сломали Иверскую часовню. Воскресенские ворота уничтожили в первой половине 1930-х гг. в ходе сталинской реконструкции вместе с большей частью стены, решив переделать первопрестольный град в коммунистический «в рекордно короткие сроки» (Л. Каганович: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь»; цит. по: [12]). С превращением столицы в центр новой религии кольца старого сакрального центра (окольный Китай-город был первым таким кольцом; за ним вырастут Белый и Земляной город) искусственно распрямили, создавая прямые и широкие подходы к Кремлю. И если ликвидация стен Белого и Земляного города еще оставалась в логике общеевропейского, исходно ренессансного, движения, наглядно реализованного в XVII–XIX вв. и вверявшего город институтам гражданского общества (или, по крайней мере, его имитации – «городским обывателям»), то судьбу Китай-города радикально изменила советская власть.

Соблюдаем историческую и топографическую точность: Охотный ряд, перенесенный на правый берег реки Неглинной при Петре I (сегодня на Манежной площади располагается ТЦ «Охотный ряд») и в правление Екатерины II удлиненный до Петровского театра (нынешней Театральной площади), традиционно относился к Белому городу. Воскресенскую площадь перестраивали часто. Один из самых ранних разрывов Китайгородской стены – участок к востоку от Воскресенских ворот, подготовленный для строительства корпусов Китайгородского Монетного двора, датируется 1690-ми гг.

В 1699 году на месте нынешнего Исторического музея вырос Земский приказ. Его службы наряду с мастерскими Монетного двора и лабораторией Главной аптеки занимали надвратные помещения Воскресенских ворот вплоть до первой половины XVIII века. В 1732–1740 гг. при сооружении Губернских присут-

ственных мест было демонтировано очередное прясло. Что касается нынешнего Кремлевского проезда, отрезки Китайгородской стены между Угловой Арсенальной башней Кремля и Воскресенскими воротами начали разбирать в середине XVIII века, хотя Алевизов ров еще был в рабочем состоянии. Этот участок будет полностью разрушен пожаром войны 1812 года и с тех пор не восстановится.

Вернемся к Воскресенским воротам. Реконструкция 1994 года воссоздает не исходный прототип XVI века, восходящий к архитектору Петроку Малому, а сооружение, возведенное в 1680-е годы и несколько раз перестроенное в соответствии с текущими градостроительными задачами [5, с. 167–180]. Изначально Китайгородская стена, как и Кремлевская, не имела декоративных шатров; с XVII века она обретает представительский вид. При номинальном сохранении Китайгородской стеной оборонного значения ее боевой ход уже не использовался. Где был наглухо закрывающийся воротный ярус, появился дворцовый вход на Красную площадь, оформленный в нарышкинском стиле: врезные полуколонки второго, третьего и четвертого этажей с тумбами и без тумб, богато декорированные оконные наличники из тесанного кирпича. Переходный характер нарышкинского стиля, много раз отмеченный в литературе, позволял широко варьировать элементы, сочетая средневековые черты с новоевропейскими и тем самым лишая первые исходного назначения. Особого внимания заслуживает раннебарочная интерпретация оборонных приспособлений. Машикули (от старофранц. 'machecol': 'mâché caulis' 'ломать шею') – навесные галереи и бойницы во второй половине XVII века выводились из употребления. Ликвидировались и подошвенные амбразуры. Ворота теперь прославляли власть, прясла обречались оставаться памятником без функции. Сегодняшнее присутствие машикулей, скорее всего, результат «романтической реставрации в послепожарные годы» [2, с. 150–151]. Прорези, амбразура и слепая арка в примыкающей стене – декоративные решения 1990-х гг.

После пожара 1812 года, ускорившего градостроительные преобразования столицы в русле ампира, началось упорядочение Китай-города и музеефикация стены. Из важнейших мер, способствовавших консервации крепости, упомянем первый правительственный указ об охране памятников архитектуры в России (1826) и составление «Описи каменной работы, на исправление стен и башен, ограждающих Китай-город» (1817). Вспомним также ответ Александра I на очередное предложение московского военного генерал-губернатора разобрать крепость: «Оставить сии стены, дозволяя разобрать разве только те места, кои развалились, а прочее оставить». А также предписание Николая I, подытожившее три реставрации стены под руководством О. Бове 1819, 1821, 1827 гг.: снос запретить и «отныне впредь начать исправление с худшей части, приводя в первоначальный вид». Цит. по: [1, с. 101].

«Стену мы чувствуем постоянно...»¹. Культурная ценность Китайгородской стены в течение XIX века трактовалась по-разному. С одной стороны, стена прирастала новыми «витринами» и дизайнерскими решениями. С другой – бесконтрольно эксплуатировалась и ветшала. С третьей – объявлялась памятником старины, подлежащим государственной, а начиная с 1864 года с подачи А. С. Уварова, председательствовавшего в Московском ар-

¹ Цитата из интервью председателя секции археологии Научно-методического совета при министре культуры РФ Леонида Андреевича Беляева: «Город очень изменился, но в нем, так сказать, негативом отразилась вся жизнь стены. Ее линия отлично чувствуется в плане всего Китай-города. Стену мы чувствуем постоянно и в расположении зданий, и в конфигурации уличной, дорожно-транспортной сети, и в отдельных реконструктивных маркерах вроде Третьяковского проезда. Но, с моей точки зрения, все попытки воссоздания Китайгородских стен и башен являются имитацией утраченного подлинника, что не очень целесообразно по многим причинам. Исторический процесс отразился на этом сооружении вполне определенным образом – и пытаться повернуть его вспять не особенно плодотворная идея». Цит. по: [16].

хеологическом обществе, – и общественной охране. Однако зарождавшаяся в те времена научная реставрация, наоборот, превращала стены в площадки для отработки новых концепций и практических навыков. Заметим, что современные власти наверняка санкционировали бы консервацию фрагментов.

Если мысленно вернуться к месту начала экскурсии и взглянуть на первое «звено» такого рода – здание *Исторического музея* – мы увидим важный посыл русского стиля: исполнить задание, которое ставит перед обществом наука. В авторских проектах (в конкурсе участвовали А. С. Каминский, Л. В. Даль, К. М. Быковский, молодой Ф. О. Шехтель) речь шла не просто о новом ансамбле Красной площади. Политехническая выставка 1872 года, итогом которой и было создание крупнейших просветительских учреждений Москвы – Исторического музея и Музея прикладных знаний (Политехнического), стала поводом для обсуждения самой концепции панорамы – социального предприятия, так или иначе вовлекающего всех, к кому обращены городские виды. Обсуждалось и то, каким слоям населения в первую очередь адресованы градостроительные реформы, и то, как сделать заложников урбанизации ее участниками².

К тому времени русский стиль прошел долгий путь. Он зародился с подачи императорской фамилии после Отечественной войны 1812 года как запоздалое продолжение общеевропейской дискуссии «О древних и новых», принявшей у нас новый оборот на волне патриотизма. Первым был проект деревни Глазово под Павловском, разработанный К. И. Росси в 1815 году по заказу вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Ампирные пропорции изб, напомилавших образцы садово-паркового строительства, сочетались с экзотическими приметами русского сельского быта. Бревенчатые срубы венчали высокие двускатные крыши, их торцы и конь-

² Материалы к общественным слушаниям собраны в [7, с. 202], [8, с. 279–284]. Также учтены публикации [4]; [17].

ки декорировались досками с резным орнаментом – «причелинами» и «полотенцами». С «возобновления» Десятинной церкви в Киеве (архитектор В. П. Стасов, 1828, инициатива А. Оленина – 1824) и проектирования церкви св. Екатерины на Екатерингофском острове Санкт-Петербурга (архитектор К. А. Тон, 1831) русский стиль утвердился официально. Поскольку платформой нациестроительства считалось государство, распространяющее цивилизаторское влияние на остальные слои общества, элементы русского зодчества накладывались на византийские строительные приемы. Параллельно продолжались демократические – «фольклорные» – искания. Идеологически нагруженной становилась профессия реставратора, допуская произвольные вмешательства в архитектурную ткань (ср. палаты Романовых в Ипатьевском монастыре, Кострома, при участии К. А. Тона с 1835 года); объясняли это тем, что «возобновления» старинных построек идут рука об руку со структурными изменениями в градостроительстве. Новые сооружения, внедряемые в исторически сложившиеся кварталы, также мыслились как развитие и завершение древних ансамблей. Типичный пример – Большой Кремлевский дворец (архитектор К. А. Тон, 1837), ставший средством объединения сохранившихся кремлевских зданий.

С подачи славянофилов спор принимал все более профессиональную направленность. Утопическая идеализация прошлого, характерная для ревайализмов середины XIX века, не могла не требовать внятных уточнений: что такое целостная среда, какими средствами она обобщается, что избрать за лежащие в ее основе «прототипы»? Об «исконно-русском» начале отечественной истории полемизировали особенно живо (интересно, что романское происхождение архитектурных форм Владимиро-Суздальской земли и в том числе Успенского собора, было аргументом именно при обсуждении конкурсных проектов здания Исторического музея). Иван Егорович Забелин заносил в свой дневник: «...Были Чепелевский, Уваров, Румянцев, Шервуд, ху-

дожник Кошелев, Иловайский и я. Рассуждали о том, сколь велико должно быть здание [Исторического – Д.Л.] музея, сколько в нем зал и т. п. и потом какую архитектуру. Уваров предложил свои суздальские храмы, дворец Андрея Боголюбского. Там можно и окна расширить, т. е. эти щели, ибо де они деланы с распушкой, а окна для музея нужны широкие. Я говорю, что на этом основании всякое окно можно расширить, увеличить. Затем, что выйдет из всего? Стена Успенского собора, романское здание, где будут господствовать одни кружала? Надо отыскать такой стиль, где было бы больше оригинального русского. И в суздальских церквях есть, да сколько? Все-таки здание будет романское. По моему убеждению, которое я готов всячески доказывать, надо взять за основание архитектуру Василия Блаженного и всех зданий ему современных, все XVI столетия, и указал образцы, главные черты этого стиля: шатер, бочка, закомары, ширинка, клин» [3, с. 107–108]. С тем, что прототипом дополнительной доминанты Красной площади должно быть здание XVI–XVII века, то есть допетровское, но послемонгольское, успевшее приобрести «самобытность», в итоге согласился и С. А. Уваров.

Чтобы придать Историческому музею «национальные» черты, В. О. Шервуд, как мы видим, и правда насытил здание характерными цитатами из этой эпохи. Но пестрая фактура не заслоняет вещей гораздо более приметных и запоминающихся. В отличие от собора Василия Блаженного здание симметрично или, правильней сказать, выстроено по правилам симметрично-осевой композиции.

Полная идентичность левого и правого придает постройке завершенность и статичность, повторяющие друг друга стороны – осязательную стабильность и равновесие. Вертикальные оси, намечаемые параллельными столпами бегущих вверх наборных колонок (в нашем случае важно, что каждый из главных фасадов подчиняется не одной, а двум главным вертикалям), наоборот, вовлекают нас в динамику возносящихся вверх чертогов. И все-таки что-то заставляет нас оставаться

на месте. К тому склоняют сами музейные фасады, каждый из которых разворачивает себя на манер картины. Они выполняют как иллюстративную, так и композиционную функцию: многочисленные треугольные и конические фигуры – конусообразные башни, сандрики, ложные закомары в форме кокошников, бочки, образующие килевидные фронтоны, – все эти детали активно работают и на продольное, и на поперечное направление. Но зритель остается неподвижным: ведь фасады, несмотря на тяготение к форме треугольника, ведут себя не как тектонические конструкции (в таком случае они бы отклонились назад, как грани пирамиды), а подобно настенным панно.

Хотя современная подсветка позволяет расчленивать массу на несколько объемов, обозначив перекличку с одиннадцатью приделами Покровского собора, при дневном свете этот эффект незаметен. Днем мы видим авторскую манифестацию русского стиля, в основе которой лежат собственные изыскания Шервуда, стремившегося подняться от цитат и отдельных заимствований к более высокому уровню обобщения. Владимир Осипович исходил из того, что «цельность русской идеи и способность наших предков осуществлять ее в зодчестве проявилась не только в отдельных домах, но и во всем Кремле <...> В нем каждый элемент свидетельствует о духовной и государственной жизни народа; Кремль есть целая поэма, полная чувства и мысли <...> Группа зданий, по-видимому разъединенных друг от друга, есть цельность и единство. Вот такого единства мы должны искать в наших зданиях» [17, с. 126].

О какого рода единстве он размышляет? Еще раз обратим внимание: в сравнении с фасадом здания Московской городской думы, перегруженном деталями вроде кубышчатых колонн, гирек и других округлых элементов, перетягивающих внимание на плоскость стены и визуальную ее утяжеляющих, наш «локутор» задействует все преимущества классической пространственно-планировочной структуры. Несмотря на приверженность эклектике,

сверхзадачей Шервуда остается иерархическое соположение частей и целого, заимствованное из классического тезауруса. Орнаменты хотя и занимают большую площадь декора, тем не менее выглядят аппликациями.

Будем помнить и про то, что у архитектора было свое, оригинальное понимание самобытности, которым он был обязан не «археологам», а Николаю Данилевскому, и на мелочи поэтому не разменивался. «Органическое» направление зодчества – глобальная культурно-историческая задача, стоящая перед славянским миром, и русское зодчество, подобно Египту, Вавилону и другим великим цивилизациям древности, уже нашло собственный способ примирить рукотворное и нерукотворное, выявив единство здания и природного ландшафта. Это, повторим, не пирамида – модель мировой горы, противопоставляющей себя равнине, а «холм» или «гора», естественно вбирающая в себя лес, другие постройки, поля, линию горизонта. Произведения самобытного русского зодчества, подчеркивал Шервуд, тяготеют к конусообразной группировке объемов, плавно поднимающихся вверх. Правда, такое решение было бы уместно в сельской местности с ее естественным балансом разновысокого. Для Исторического музея – здания не церковного, а общественного, свободно расположенного на открытом месте и аккомпанирующего кремлевским башням на вторых ролях, Шервуд выбрал композиционную структуру, которая читается как треугольник, но фактически им не является. Этой сложной фигурой объединены симметричные и дополняющие друг друга объемы, центральный из которых, как мы помним, это активная горизонталь, то есть как бы пролет, разносящий боковины по сторонам друг от друга. Так решены оба главных фасада. Конусы парадного фасада со стороны Красной площади близко поставлены друг к другу, то есть мысленно стремятся к единой точке. Они балансируют разновысотность Покровского собора и одновременно обыгрывают шатры Воскресенских ворот, образуя ступени единой вирту-

альной лестницы. Угловые октогоны фасада, выходящего «в город», широко разнесенные на манер сторожевых башен, перекликаются с Воскресенскими воротами Китайгородской стены. Они отсылают к крепости, когда-то защищавшей Торг.

На этом мы не прощаемся с Шервудом: на площади Ильинские Ворота за *Политехническим музеем*, к которому двигается наша экскурсионная группа, нам повстречается еще один архитектурный памятник в «национальном» стиле, созданный Владимиром Осиповичем. Монумент в память героев, павших в сражении под Плевной во время Русско-турецкой войны, в те годы станет заложником ожидаемой градостроительной коллизии: «На днях мы сообщили о том безобразном виде, в каком находится местность вокруг Политехнического музея. Место это, как известно, обнесено забором и как внутри его, так и снаружи изобилует нечистотами. Ходить вокруг этого забора весьма опасно, так как его деревянные тротуары могут вскоре служить капканом для проходящих. Как известно, город уступил бесплатно одну из лучших своих площадей под здание музея, а не под склад нечистот, и весьма будет справедливо, если площадь эта останется чистою вплоть до постройки здания музея», – писала газета «Русский курьер» 11 июня 1881 года. Однако признаем: чаемое горожанами прекращение «безобразного вида» и воцарение порядка, который ассоциируется если не с вечностью или хотя бы долголетием, нейтрализующим скоротечность времени, то, по крайней мере, с некоей статичностью, ожидаемой от архитектуры, – и теперь редкость для этих мест. Своим расположением Политех постоянно демонстрирует подверженность изменениям, вовлекающим людей в действие даже помимо их воли. Заключительный отрезок нашей экскурсии – по-прежнему одна из самых неудобных и визуально неуютных территорий, доставшихся в наследство от обновлений 1930-х гг. и позднейших расширений проезжей части. Нам и сейчас предстоит рассмотреть западный фасад Политеха поверх по-

тока машин, поскольку светофоры боковых трасс отрегулированы для интенсификации трафика, а не для удобства пешеходов.

Если Исторический музей вставал на место крепости, замещая ее образными и научными представлениями о русской старине, то Музей прикладных знаний, задуманный как памятник прогрессу, из-за трудностей с финансированием не имел законченной градостроительной концепции. Разумеется, у него имелся адресат, коль скоро Всероссийская Политехническая выставка, передавшая ему часть экспонатов, служила «народно-образовательным целям», а местность внутри и снаружи стены вдоль Китайского проезда была средоточием активности крестьянского и торгового люда с конца XVIII века. Местность эту народ считал своей, стихийно застраивал и распоряжался, в том числе топономически, тоже по своему разумению. Неупорядоченные торговые ряды, перенесенные сюда подальше от Кремля и Красной площади за Ильинку, то есть на задворки Китая, дали территории название – Новая площадь. После пожара 1812 года самая оживленная торговля переехала ближе к Лубянке, обозначив толчею между ул. Никольская и нынешним М. Черкасским переулком, перетекавшую через стенные проломы на внешнюю сторону Китая, как очередное «новое» место, а то, что оставалось за Ильинкой на прежнем месте, переименовав в «старое». Заметим: автор книги «Москва и москвичи» Владимир Гиляровский именуется приснопамятную толкучку, исстари – на чем знатоки делали особый акцент – известную своими передрыгами, «Старой площадью». Но это не должно сбивать с толку. В 1890 году власти вернули «старому» официальное название, а «новое» пустили по пути цивилизации, вытесняя, а точнее, выдавливая с Толкучего рынка на Хитровку беспризорников, беспаспортных крестьян, нищих и прочих людей «разной масти», перебравшихся в пореформенную Москву в поисках лучшей жизни, но не нашедших постоянного пристанища. К концу XIX века завсегдаев Толкучего рынка, который еще недавно представал пе-

ред строителями музея «в полном блеске своего безобразия» (Гиляровский), окончательно взяли на карандаш, переселив в благоустроенные номера Дома Императорского Человеколюбивого общества. (Дом не сохранился. С 1966 года на его месте перед северным музейным фасадом – сквер, образовавшийся при расширении проезжей части от Театрального проезда к Старой площади. Сегодня его часть оформлена в виде амфитеатра). Кое-какой люд даже удалось перенаправить на путь просвещения, заманив на лекции знаменитых ученых в недостроенный, но уже работающий музей. Зоопсихолог Владимир Александрович Вагнер, служивший экскурсоводом на общественных началах, вспоминал: «По воскресеньям в музей валила толпа прямо с базара, который раскинулся тут же у Никольских ворот: публика в чуйках и платочках – словом, такая, которая до того времени ни о каких музеях не слыхала, – настоящая московская улица. А ведь как слушали, как интересовались!» [14, с. 70].

Здание Политехнического музея было (а, по сути, и остается) долгостроем: приступить к строительству планировалось с 1874 года, однако старейшее западное крыло, обращенное фасадом к Китайгородской стене, было торжественно открыто лишь в 1877 году. В число авторов конкурсного проекта вошли Н. В. Никитин³, Д. Н. Чичагов, П. С. Кампиони и др.; утвержденным проектом руководили И. А. Монигетти (общий план, декор фасада),

³ «Проект Н. В. Никитина интересен тем, что в нем, по существу, впервые в архитектуре XIX века была предложена идея организовать комплекс зданий не на основе регулярных систем планировки, восходящих к классическому прошлому, а в виде свободно развивающейся в пространстве композиции, единство которой достигалось за счет преобладания живописного начала как в организации генерального плана, так и в трактовке объемов отдельных сооружений. Проект говорит о том, что создавший его архитектор, видимо, интуитивно понял, какие градостроительные возможности заложены в приемах “национального стиля”. Но на практике такие возможности, причем гораздо полнее, были реализованы значительно позже» [8, с. 271].

Н. А. Шохин (реализация), А. С. Каминский (входная группа, парадная лестница). Южное крыло достраивалось Шохиним с 1887 года при участии Ивана Машкова, С. Н. Тихомирова, Ф. О. Шехтеля, и оно, как мы увидим, предвосхищает неорусский стиль: укрупненные, по отношению к размеру окон, оконные проемы создают другой ритм фасада. Северное крыло, приставленное к средней части со стороны Лубянки и явившееся из эпохи модерна, строилось с 1903 года (архитекторы В. И. Ерамишанцев, В. В. Воейков, Иван Машков, З. И. Иванов, Н. А. Алексеев). Инженерную часть, как и в случае Исторического музея, принял на себя Анатолий Александрович Семенов. Поскольку это здание, кроме экспозиционных залов, должно было вместить в себя учебные аудитории и промышленно-технические помещения (лаборатории, теплицы, метеорологическую станцию), строительство растянулось до 1906 года.

Ритм северного фасада нарочито неравномерный, его главный композиционный прием – управляемая дисгармония, непропорциональное соотношение отдельных частей, рождающее ассоциации с вздымающей массу направленной волной, которая спадает также не по своей воле. Хотя при строительстве северного фасада использовались традиционные кирпичные, а не железобетонные конструкции, бетонированная масса живет как бы своей жизнью. Автономно работают и застекленные площади окон, и увенчивающая их фресковая живопись. Монотонность декора, украшающего западный фасад, уступает место гладким широким поверхностям, выталкивающим из себя наружу разнообразную растительность и обитателей деревьев, живущих среди ветвей. Декоративное сплетается с конструктивным. Кованые совы – балконные ограждения боковых ризалитов работают как естественные преграды. Органично смотрятся лисы-кронштейны. Белки с хвостами в виде акантовых листьев, деловито извлекающие из шишек пропитание, тоже вовлечены в трудовые процессы. Ветви, листья, желуды отныне ассоциируются

не с природой (материей), а с индустриальными циклами, о которых повествуют сюжеты триптиха «Аллегория хозяйственного труда» (среди авторов – брат архитектора, живописец Илья Машков). Эстетика и тектоника выступают единым решением, прямоугольное скругляется, а округлое смотрится устойчивым. Исключение – центральный фронтон в виде указующего вверх равностороннего треугольника («лучезарной дельты»?) подытоживает послание. В этом гимне труду главную партию много лет исполнял крупный медальон: пылающая пятиконечная звезда, в центре «глаз» в форме шестеренки, штангенциркуль, скрещивающийся с молотом, и брошенный в основание конструкции серп. Образное истолкование коммунизма как религии великих строек появилось на фронтоне в 1924 году. Теперь на этом месте горельеф с изображением Георгия Победоносца – гербом Москвы, помещенным сюда изначально. Но ему по-прежнему аккомпанирует фон из сплетающихся завитков бетонных акантов и гипсов, изображающих кованный декор в форме изогнутых стеблей.

Композиционные и инженерные решения здания ныне взяты под государственную охрану. К ним принадлежат металлические конструкции амфитеатра, световой потолочный фонарь А. А. Семенова, который мог затемняться, световые люки, заполненные стеклянными призмами, чей преломляющий свет освещал подвальные помещения (автор проекта – инженер Георгий Макаев). Поясним, что ныне идущая реставрация (в 2024 году музей по-прежнему закрыт на ремонт) заявлена как активизация начал, заложенных в его концепции Н. В. Никитиным. Из требований конкурса 2011 года главное состояло в том, чтобы интегрировать здание в городскую среду, при этом увеличив на треть полезную площадь. Из этого сегодня реализовано практически все. По словам Никиты Игоревича Явейна и его коллег по «Студии 44», «самое радикальное изменение в структуре Политеха <...> заключается в том, чтобы связать пространства цокольного этажа музея (на отметке – 4.200) с вы-

ходами из двух ближайших станций метро – «Лубянки» и «Китай-города». Многим критикам эта идея дала повод сравнить учреждение культуры с пересадочным узлом, но, строго говоря, подобная метафора не совсем справедлива: музей будет связан не с метро как таковым, а лишь с теми его выходами, которые ведут к Политехническому (самыми малолюдными из всех, кстати). Сквозной проход по цокольному этажу здания авторы проекта предлагают организовать по линии примысков, расположенных по периметру внутренних дворов здания. А в части тротуара, примыкающей к проезжей части Новой площади, примыски предлагается накрыть прозрачными колпаками – благодаря этому у музея появятся новые, уличные, витрины для демонстрации отдельных достижений науки и техники, которые, в свою очередь, станут рекламой основной экспозиции» [9].

Хотя проект Н. И. Явейна не получил первую премию (реставрация и реконструкция музея ведется специалистами АО «Политехстрой», взявшими за основу концепцию победителя конкурса – японской компании Junia Ishigami+Associates co.ltd⁴), развитие территории продолжается в сходном направлении. Зона вокруг музея должна не только объединить существующие пешие маршруты вдоль Китайгородской стены от Кремля до Зарядья, но и примирить их с неустрашимым автомобильным трафиком, уравновесить динамичные участки здания – прежде всего, западный фасад вдоль широкой авеню, в силу традиции именуемой Новой площадью, и зрелищностатичные площадки, как например, амфитеатр перед «сценой» северного фасада.

Пройдем от строящегося музейного парка до Старой площади для обзора зданий, которые, как и сам Политех, когда-то играли роль интерпретаторов древнего исходника – Китайгородской стены. События почти столетней давности – научная реставрация и почти молниеносный снос вместе с прилегающими строениями – по-прежнему задают прочте-

⁴ Отчет о заключительных этапах реконструкции (2024) см.: URL: <https://polytechstroy.ru/polytech>

ние обширной территории между Лубянской площадью и площадью Варварских ворот. Размытые визуальные поля этой зоны, размеры, хаотичная разграфленность Ильинского сквера – обстоятельства, требующие всматривания. Судя по старым фото, архитектура сквера оправдывалась вертикалью Ильинских ворот и фронтами примыкающих к ним прясел; теперь взгляд, не встречающий препятствий, не получает объяснений и для сагиттальных осей – того, что задает наше движение вперед. Однако не будем ограничиваться интернет-ресурсами, пополняющими рубрики «Было – стало»⁵. Стене нужно дать проявиться вживую, пусть даже как «негативному изображению»⁶, и изложить этот опыт вербально.

Попробуем прочитать окружающие панорамы не только как результат уничтожения исторической разметки столичного пространства (снос крепостных стен и многочисленные перекройки прилегающих артерий были лишь частью этого искоренения), но и как актуальный незаконченный процесс, в который вовлечены смотрящие.

⁵ Например, URL: <https://fishki.net/3587963-moskva-bylo-stalo-kitajgorodskaja-stena.html?ysclid=lrqavf9g8d931350869>. Предложим считать, что переход Китай-города в цифровую форму существования – событие, альтернативное материальному и ждущее своего осмысления. Краевед Александр Можжев: «По-настоящему старый Китай-город явился в незабываемых материалах журнала «Архитектура и строительство Москвы» в конце восьмидесятых, а огромное количество архивных фотографий зарядских переулков обнаружено в Интернете лишь в 2010-х. В то же время открывались вновь выявленные памятники, найденные реставраторами внутри поздних построек, а раскопки и архивные исследования помогали проявлять пласт важнейших объектов, утраченных в XVIII–XIX столетиях. Исчезнув из городского пространства, они продолжают незримо присутствовать в преданиях современного города – древние Торговые ряды, Посольский и Печатный дворы, петровская Аптека, давно упраздненные храмы». Цит. по: [13, с. 1].

⁶ Повторно сошлемся на замечание Л. А. Беляева о роли исчезнувших объектов в жизни города: «Город очень изменился, но в нем, так сказать, негативом отразилась вся жизнь стены». Интервью цит. по: [16].

Особо выделим несохранившуюся часовню Св. Пантелеймона Целителя у Владимирских ворот на ул. Никольская (1881–1883, архитектор А. С. Каминский) – пример предуготовленной развитием русского стиля трансформации сакральной территории в «доминанту» местности, а затем в «градостроительную метку». Обратим внимание на пояснения Елизаветы Ивановны Кириченко: «Выстроенное на затесненном участке, и потому особенно высокое и стройное по пропорциям здание с нарядно украшенными фасадами, соединило византийские и русские приемы в причудливой и смелой авторской интерпретации. Силуэт часовни с красивым абрисом высокого купола вместе с башнями Китай-городской стены и куполом Лубянского пассажа (не сохранился) составил выразительную систему вертикалей, окаймлявших площадь, и наряду с Политехническим музеем, послужил основой оформления еще одной площади в “русском стиле” <...> Здесь на первый план выступает <...> свойственная эклектике ассоциативная связь: соответствие архитектурному колориту города и стилю окружающих зданий, прежде всего стене Китай-города и расположенной за нею церкви Владимирской иконы Божьей Матери» [15, с. 196]. В качестве продолжения выскажем мысль, что способность эклектики держать на себе городское целое имела и оборотную сторону – переподчинение сооружений текущим урбанистическим требованиям, замена прежних узловых точек новыми, разрушающими прежнюю инфраструктуру. Особо радикальное изменение коммуникационного каркаса местности и самих принципов зонирования демонстрирует Лубянская площадь, которая, несмотря на новейшие политические веяния, не вернула сомасштабность человеку. Упомянем ее прежний композиционный центр – фонтан работы И. П. Витали (1835, монтаж 1931), а также один из ключевых элементов старого ансамбля – Лубянский пассаж (по проекту А. Г. Вейденбаума, 1882–1883), снесенные в ходе сталинской реконструкции. С 1957 году на этом месте – универсам «Детский мир» (архитекторы А. Н. Душкин, И. М. Потрубач, Г. Г. Аквилев). Сносу стены сопутствовала многолетняя перестройка здания страхового общества «Россия»

(ныне – здание органов госбезопасности; архитекторы А. В. Иванов, Н. М. Проскурин, 1898, с 1944 – А. В. Щусев, с 1980-х – Г. В. Макаревич). Столь же долгим стало сложение новых доминант Лубянской площади – памятника Ф. Дзержинскому (скульптор Е. В. Вучетич, 1958; демонтаж 1991), Соловецкого камня (1990). Вспомним о строительстве станции метро «Дзержинская» (архитекторы Д. Ф. Фридман, И. И. Ловейко (вестибюль); Н. А. Ладовский (подземные залы), 1935), для которого использовался измельченный кирпич Китайгородской стены. Обратим внимание, как арка исчезнувших Владимирских ворот «цитируется» фасадом наземного вестибюля.

Что касается торгово-промышленных и жилых зданий внутри Китай-города, их планировка и реконструкции стены мыслились как аккомпанирующие друг другу процессы. Участники оборвавшегося диалога, инициированного русским стилем, – комплекс зданий Московского купеческого общества (архитектор Б. В. Фрейденберг, 1882–1883) и доходный дом купцов Козновых (архитекторы О. Г. Пиотрович, Г. П. Пономарев, 1875; 1899–1900). Ныне они составляют сегмент панорамы Новой площади, открывшейся в результате сноса Безымянной угловой башни, Никольских (Владимирских, Сретенских) ворот, Проломных (Новых Никольских) ворот, Богословской башни.

Старая площадь и площадь Варварских ворот, в свою очередь, застраивались зданиями в стиле европейского модерна, но и их композиционные и декоративные решения перекликались с древней крепостью. Яркие тому примеры – Торговый дом Московского страхового общества (архитекторы Ф. О. Шехтель, А. А. Галецкий, 1901–1903), «Деловой двор» (архитектор Иван Кузнецов, 1913). После сноса Ильинских ворот, Гранёной (Многогранной) башни, Варварских (Всехсвятских) ворот Старая площадь была соединена с Китайским (Китайгородским) проездом лестницами и террасами.

Стена остается *сильным* архитектурным фактом несмотря на то, что практически разрушена как сооружение. Своим существованием она обязана статусу «объекта культурного наследия федерального значения», то есть горожа-

нам, защищающим ее от последствий нанесенных Москве травм. Другая форма ее жизни, жизнь воображаемая, проявляется благодаря нашему зрению. Союзная не только «видам», но и смотрящим, эта инстанция по-прежнему делает свою работу – организует пространство, даже когда материал сооружения искажен или утрачен.

Преходящий характер Китайгородской стены был предопределен русским стилем, послужившим продолжением крепости и обогатившим ее градостроительными новшествами и новыми эстетическими нюансами. Политехнический музей – одно из самых представительных произведений русского и неорусского стиля, чьи боковые фасады, не увязанные в единое целое, возводились в перспективе движения вдоль разрастающегося здания, образовывал вкуче с бывшей крепостью⁷ канал улиц-площадей, замкнутый с обеих сторон. Толпа людей, занятых своим делом, не просто перемещалась по этому каналу – им обеспечивалась уместность самого факта их нахождения здесь.

«Берега» этого канала размывались множеством факторов – начиная с физического износа стен и заканчивая динамичностью пространства, превращавшего толпу в заложников непрерывных коммуникационных процессов большого города. Стенам Китай-города ничего не оставалось, как принять «эстетику» Кагановича. Но нынешняя «безбрежность» сохранила главное, что делает территорию обжитым местом, – точку наблюдения, инстинкт освоения, человеческую практичность и общественный запрос. Неуютность местности – свидетельство, что стена продолжает излучать энергию и требует нашего возвращения.

⁷ О том, что к моменту начала последней крупной реставрации стена видоизменилась до такой степени, чтобы играть роль пристройки, отдельной субструкции или убежища, свидетельствовал И. Э. Грабарь (1925 г.): «Во многих местах стена кажется бесследно исчезнувшей и для открытия её нужно производить настоящие раскопки, а кое-где она и действительно срыта до основания и на её месте воздвигнуты новые сооружения <...> Жители соседних домов развели здесь яблони и рябины и завели настоящее огородничество, от которого стены приходят в полное разрушение». Цит. по: [10, с. 132].

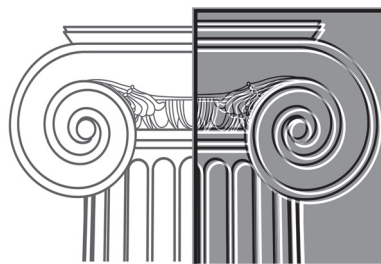

Список литературы

1. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Кн. 1: Общая характеристика. Теоретические проблемы. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. 612 с.
2. *Давиденко Д. Г.* Воскресенские ворота Китай-города: реконструкция 1680 года и место памятника в контексте зодчества Московского государства // Вестник сектора древнерусского искусства: журнал по истории русского искусства. 2019. № 2. С. 140–155.
3. *Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
4. *Забелин И. Е.* Черты самобытности в древнерусском зодчестве // Древняя и Новая Россия. 1878. № 3. С. 185–203; № 4. С. 282–303.
5. *Кавельмахер В. В.* Воскресенские ворота Китай-города по данным археологических раскопок 1988 и 1994 г. Архитектурный комментарий // Культура средневековой Москвы. XVII век. Москва: Наука, 1999. С. 167–180.
6. *Кириченко Е. И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Искусство, 1982. 399 с.
7. *Кириченко Е. И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. Москва: Галарт, 1997. 430 с.
8. *Лисовский В. Г.* Архитектура России XVIII – начала XX века. Поиски национального стиля. Москва: Белый город, 2009. 567 с.
9. Мартовицкая А. Механизм инновации. Комментарий к архитектурной концепции реконструкции здания Политехнического музея в Москве. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/37470/mehanizm-innovacii>
10. *Михайлов К.* Выход в город. Реквием Китай-городу // Новая Юность. 2000. № 5. С. 115–132.
11. *Михайлов К.* Москва, которую мы потеряли. М.: Эксмо: Яуза, 2010. 493 с.
12. *Михайлов К.* Пустота не так пуста, как кажется // Новая Юность. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2014/3/pustota-ne-tak-pusta-kak-kazhetsya-2.html?ysclid=lmj66tu5f3549643164
13. *Можаев А. Н.* Великий посад Москвы. Подлинная история Китай-города. Москва: Бомбора, 2022. 367 с.
14. *Райков Б. Е.* Григорий Ефимович Щуровский: Ученый, натуралист и просветитель. Москва; Ленинград: Наука, 1965. 73 с.
15. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Москва: Книга II. Города и новые типы поселений. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. 557 с.
16. *Франс И.* Острые углы утраченного: Трудная судьба китайгородской стены // Интернет-портал «Твоя Москва. Путешествие по столице». [Электронный ресурс]. URL: <https://posmos.ru/kultura/kitajgorodskaya-stena.html>
17. *Шервуд В. О.* Опыт исследования законов искусства: Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. Москва: Университетская типография, 1895. 235 с.

*

Поступила в редакцию 15.04.2024

«РУССКИЙ МИР»
В ДИСКУССИОННОМ
ПОЛЕ НАУК
О КУЛЬТУРЕ

О РУССКОМ МИРЕ, РОССИИ И СВЕТСКОМ ГУМАНИЗМЕ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

УДК 316.75

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-58-62>

Е. В. Золотухина - Аболина

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация. Представляемые читателю полемические заметки являются откликом на статью Ю. В. Кота и Е. Л. Кудриной, опубликованную в журнале «Вестник МГУКИ» (2024, № 1). Автор вступает в полемику с высказанными в статье взглядами, согласно которым будущее России связано именно с православной мыслью. Согласно позиции автора полемического ответа, Россия как полиэтничная и полирелигиозная страна не может следовать традициям одной конфессии, а вполне способна успешно опираться на универсальные идеи гуманистической этики, впитавшей в себя разные традиции, в том числе и православный ценностный посыл.

Ключевые слова: Россия, Русский мир, этнос, государство, ценности, идеалы, религия, светский гуманизм.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. О Русском мире, России и светском гуманизме (полемические заметки) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 58–62. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-58-62>

ABOUT THE RUSSIAN WORLD, RUSSIA AND SECULAR HUMANISM (POLEMICAL NOTES)

Elena V. Zolotukhina - Abolina

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract. The polemical notes presented to the reader are a response to the article by Yu. V. Kot and E. L. Kudrina, published in «Vestnik MGUKI» (2024, no. 1). The author enters into polemics with the views expressed in the article, according to which the future of Russia is connected precisely with Orthodox thought. According to the position of the author of the polemical response, Russia, as a multi-ethnic and multi-religious country, cannot follow the traditions of one confession, but is quite capable of successfully relying on the universal ideas of humanistic ethics, which has absorbed different traditions, including the Orthodox value message.

Keywords: Russia, Russian world, ethnicity, state, values, ideals, religion, secular humanism.

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – DSc in Philosophy, Professor, South Federal University

© Золотухина-Аболина Е. В., 2024

For citation: Zolotukhina-Abolina E. V. About the Russian World, Russia and secular humanism (polemical notes). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 58–62. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-58-62>

Статья «Многообразии трактовок понятия “русский мир”», опубликованная в журнале «Вестник МГУКИ» № 1 за 2024 год, располагает читателей к размышлению и поиску ответов на поставленные в ней вопросы. Авторы, Ю. В. Кот и Е. Л. Кудрина будят мысль коллег, заставляют задуматься не только над многообразием интерпретаций обсуждаемого понятия, но и над его онтологическим статусом, то есть, над тем, что именно ему соответствует в реальности, а также провоцируют вступить в полемику.

Не пересказывая содержания статьи, которая является поводом для разговора, обратимся непосредственно к теме русского мира – образа, который уже десять лет как стал объединяющим и вдохновляющим для многих людей. В электронной энциклопедии «Традиция» в статье «Русский мир» мы можем прочитать: «Русский мир (Русский мир) – концепция объединения всех людей, ощущающих сопричастность к русской культуре и России. Слово «русский» в названии указывает прежде всего на исторические корни общности, берущей своё начало в древней Руси, а не на её этнический состав, а в слово «мир» вкладывается значение «весь свет», «все люди» [7]. Близкую идею высказал российский президент Владимир Владимирович Путин в ноябре 2023 года на заседании Всемирного русского народного собора: «Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры, независимо даже от национальной и религиозной принадлежности. Без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть русского мира и самой России» [6].

На наш взгляд, метафора «Русский мир» быстро завоевала идейное и политическое поле именно с того момента десять лет назад, когда в Украине начались активные гонения на русский язык, а вскоре и военная

конфронтация с истреблением русскоязычного населения. До этого периода тема, хотя и существовала, но не проявлялась в яркой форме, и речь шла не столько о Русском мире, сколько о России, многонациональном российском народе и соотечественниках за рубежом. Издавна все знали, что весь восток Украины, да и Киев, говорит по-русски, но это было привычно, воспринималось спокойно и не требовало особого наименования, хотя и до 2014 года в Крыму на окнах выставляли плакаты «Мы говорим по-русски!» – что было свидетельством неурядиц в этно-национальных взаимоотношениях. И все же проблема не осознавалась в полной мере. Потому именно жестокие гонения на жителей Украины, которые осознавали себя русскими, создали необходимость обособления и самоидентификации «русского как такового», то есть, публичного этнического самоопределения, потребовали объединительного слова «мир».

Мы уже отметили чуть выше, что выражение «Русский мир» появляется и входит в оборот как *установление и утверждение идентичности* тех людей, что говорят по-русски, причастны русской и российской культуре и осознают себя русскими – вопреки всем попыткам лишить их самоопределения. Понятие «Русский мир», таким образом, охватывает как «русских в России», так и русских за пределами России. И здесь работают то самое представление об этносе, которое в книге «Очерки теории этноса» дал академик Ю. В. Бромлей [1]. Он называет этносом устойчивую межпоколенную совокупность людей, сложившуюся на конкретной территории. Эти люди обладают общими чертами и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики. И что очень важно, они *сознают свое единство* и отличие от других подобных образований. Единство закрепляется *этнонимом*, общим именем: в данном случае «мы – русские».

Бромлей выделяет этнос в узком смысле – именно как этническую идентичность и называет его «этнокос». Но он говорит и о том, что когда этнокос связан с государством, он создает *этно-социальный организм*. Я обращаюсь к теории академика Бромлея, потому что она позволяет осмыслить феномен «Русского мира». «Русский мир» – это «этнокос», этническое объединение, пронизанное единством культуры и самосознанием. Ведущую роль здесь, несомненно, играет *сохранение исторической культурной памяти и язык*, но, как показал печальный опыт последних лет, фактор языка может быть отодвинут на задний план фактором искаженного самосознания, инверсированного пропагандой. Жители Украины, носящие русские имена и говорящие исключительно по-русски, в результате массовой обработки их умов идентифицировали себя как *украинцы* и стали «сражаться с русскими». Для них за десяток лет даже стало нормальным «привычно ненавидеть москалей». Трагическая и кровавая «борьба нанайских мальчиков», когда русские, назвавшись разными именами, убивают друг друга, свидетельствует о сложности отношений между «этнокосом» и «этно-социальным организмом» – *идентификацией себя как «народа» и отождествления себя с государством (в данном случае – Российским и Украинским)*.

Русский мир – это все, кто считает себя русскими, а также знает русскую историю, ценит и разделяет русскую культуру. Однако здесь вновь начинаются сложности. Россия – это не только русский народ (этнокос). Отнюдь не будучи поклонницей Б. Н. Ельцина, за которого я ни разу не голосовала, я, тем не менее, не отвергаю активно введенного им термина *россияне*. До этого ведь семьдесят лет был «советский народ», и после развала Союза нужно было новое слово. Вообще-то слово неплохое, как раз отражающее специфику *полиэтничного социального организма*. Ну, и еще в XIX веке известным историком и историографом Н. М. Карамзиным была написана «История государства Российского» [2], а все же не «история Руси». История

Руси – это исток последующего могучего государства- России, Российской империи, Советского Союза.

Каково же это государство сегодня? В нем живет много народов (этнокосов), и все они тесно связаны между собой. Здесь есть не только «Русский мир», но и «Татарский мир», и «Якутский мир» и «Калмыцкий мир» и т. д. и т. п. Это, кстати, касается и этнических украинцев, которых в России очень много. Хотя все они не чужды «Русскому миру», а активно и дружелюбно с ним взаимодействуют. И, поскольку, русский этнос (этнокос) выступают как *государствообразующий*, постольку возникает *двойная идентификация*: «россиянин-русский», «россиянин-татарин», «россиянин-калмык» и так далее. Все иные этносы выступают «*как бы немножко русскими*», но не русскими до конца, потому что у них есть свои языки, своя вера и история своего народа. Их единство – *в единстве государства*. Многое – вместе с русскими, но кое-что и порознь. Вообще-то в условиях, где отсутствует конфронтация, не происходит зацикливания на «специфике этнических миров»: люди подчиняются единым государственным законам, соблюдают правила нравственности, в официальной ситуации говорят на русском языке – языке межэтнического общения, но у себя дома говорят на своем языке и поздравляют иноэтничных соседей с их культурными праздниками. «Русский мир» – *ядро России, но не вся Россия целиком*, а ведь живет она, борется и развивается именно как целое.

В конце статьи, давшей повод теоретически поговорить о Русском мире, утверждается, что «...инвариантное ядро Русского мира, основанное на духовной сверхэтничности русскости, а также – на историософской сущности русской идеи, которую можно определить, как *духовный бастион традиционных ценностей (Катехон), удерживающий мир от антропологической деградации и физического уничтожения*» [3, с. 19]. Сказано, несомненно, красиво. И ссылка на Достоевского тоже придает весомости сказанному. Но все же «духовная сверхэтничность» – это

пафосное поэтическое заявление, и, в сущности, другие народы могли бы сказать о себе устами своих крупных писателей что-нибудь подобное. Американцы в США вообще считают себя лучшей нацией в мире и приписывают себе право учить другие народы и государства, как им жить на белом свете.

Христианский, а конкретнее, православный идеал, вне всякого сомнения, хорош и духовен, но дело в том, что Россия – если говорить о ней как о целом – является *полностью православной страной лишь исторически*. Достаточно долгий социалистический период вырастил *ряд поколений людей чисто светских*. В 90-е годы началось возрождение и православия, и ислама, и буддизма, и других конфессий, и все-таки основная масса населения, в том числе и новые поколения молодежи, остаются достаточно далекими от серьезной веры. Ибо серьезная вера – это внутреннее достояние, которое не просто живет в душе или выражается в соблюдении обрядов, но *реально влияет на поступки*, как всякое, впрочем, глубокое убеждение. В этом смысле современный «Русский мир» – это мир *во многом светский*, прагматический и приземленный, уверенный, что «умрем – лопух вырастет», он не пронизан христианским мессианским порывом. Кроме того, как мы уже отметили, в нашей стране много людей, принадлежащих к иным верам, хотя по большому счету – тоже светских, а также не чуждых и спиритизма, и новой религиозности, и заемных духовных направлений вроде кришнаизма... *И все они – граждане России, трудятся на ее благо*. Наверное, неверно было бы исключать их из «построения благого будущего», сохраняющего и воспроизводящего добрые традиции в новых исторических условиях.

Может быть, если нас заботит будущее России, нам нужно искать цементирующие идеи для России не только и не просто в христианстве, но *в гуманистической светской этике*, объединяющей разные этносы и людей, различных конфессий?

Однако что такое «гуманистическая светская этика»? Ее совершенно не следует путать

с тем моральным беспределом, который воцарился на «цивилизованном Западе» с самого начала XXI века, а назревал в конце предыдущего XX столетия. Гуманистическая светская этика складывалась в течение нескольких столетий, начиная с эпохи Просвещения, она основывается на *идее разума и позитивности человеческой природы*, на представлении о возможности так трансформировать общество, чтобы оно актуализировало *лучшие задатки и способности людей*. *Счастье* людей и их человеческое *достоинство*, возможность развивать лучшие творческие способности человека – вот главный пафос нравственного гуманизма.

Конечно, марксизм, в том числе в его советском выражении, делал ставку на атеизм и революционность, но другие авторы того же Запада, не сегодняшние, но еще совсем недавние, такие как Эрих Фромм, Абрахам Маслоу, Виктор Франкл не настаивают на ломке и бескомпромиссном атеизме, как и не указывают своим читателям «одной самой верной веры». Это «мягкий гуманизм», не агрессивный и не ломающий традиционных основ жизни. Иногда этот светский подход вступает в альянс с христианством как у Э.Мунье [5] и у Ж.Маритена [4]: лучшее будущее видится в этом случае как единство трансцендентного и потустороннего, если в индивиде сильная тяга к высшим пределам. Но вера здесь не навязана, потому что она лишь тогда сильна, когда добровольно и свободно принята индивидом. «Светскость» такого гуманизма выражена в том, что он не игнорирует ни повседневных нужд людей, ни исторических перемен, которые вносят свои коррективы и в действия, и во взгляды.

Обратим внимание на то, что поистине сатанинский, антигуманный и агрессивный характер современной западной «культуры отмены» и ее игр с сюжетами пола и гендера – не что иное как проявление очередной стадии *развития капитализма*. За антитрадиционными гримасами западного социума стоят вульгарные экономические интересы транснациональных корпораций. Узкий круг жадных экономических «элит» хочет перекроить мир

по-своему. «Русский мир» как сердце России стремится помешать несправедному переделу. Но Русский мир не может вернуться к той традиционности, которая была «при бабушке-царе» или при русских князьях. История назад не ходит. России как полиэтническому социальному организму надо не только чувствовать свою миссию спасителя человечества, но и реально побеждать в техническом, информационном, военном противостоянии с Западом, надо одолевая экономического и геополитического противника. А это требует надэтнического единства всех народов России и единства тех идей, которые их вдохновляют. Такого надэтнического единства, которое в полной мере опирается в том числе и на православную мысль, уходящую вглубь веков.

Светский гуманизм здесь как нельзя более хорош. Он не разделяет, а объединяет, потому что проповедует вполне традиционные и всегда ценимые идеалы доброты, справедливости, правдивости, великодушия, любви и дружбы. Идеалы, важные и для православного, и для мусульманина, и для буддиста, и для неверующего человека. Это единство патриотизма и теплой семейности, взаимопомощи и стойкости в бою, честности и верности. Верности России, родине и ее многоэтническому народу, который, разделяя собственные верования, все же говорит по-русски и глубоко чтит русскую историю и русскую культуру.

В любом случае, поднятая тема требует дальнейшего осмысления.

Список литературы

1. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. Москва: Наука. 1983. 412 с.
2. *Карамзин Н. М.* «История государства Российского» [в двенадцати томах]. Москва: Московский рабочий: Слог – 1993-Освобождение от татарского ига. 1993. 415 с.
3. *Кот Ю. В., Кудрина Е. Л.* Многообразие трактовок понятия «русский мир» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2024. № 1 (107). Январь-февраль. С. 15–20.
4. *Маритен Ж.* Интегральный гуманизм // Маритен Ж. Философ в мире Москва: Высшая школа, 1994. С. 52–134.
5. *Мунье Э.* Манифест персонализма // Мунье Э. Манифест перссонализма. Москва: Республика, 1999. С. 267–311.
6. Путин рассказал, что такое «русский мир» // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/11/28/1008192-putin-russkii-mir>
7. Русский мир //Традиция (русская энциклопедия). URL: <https://traditio.wiki/>

*

Поступила в редакцию 13.05.2024

«РУССКИЙ МИР» КАК «СТРАНА-ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 323. 1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-63-67>

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

Аннотация. В статье уточняются характеристики «русского мира» как «страны-цивилизации» и «культурно-исторической общности» нового типа. Речь идет о сложном духовном строении «русского мира», ядро которого составляют духовные связи людей надэтнического, наднационального и надконфессионального уровня. «Русский мир» невозможен без русского народа, русского языка и православия, но, находясь в стадии активного развития, он шире «православного мира». Приоритетной целью «русского мира» является развитие общероссийской гражданской и духовно-нравственной идентичности, которая является идентичностью многонационального и многоконфессионального народа. Ядро указанной идентичности составляют традиционные духовно-нравственные ценности наших народов, которые не противостоят основам общечеловеческой морали и других религий.

Ключевые слова: русский мир, культурно-историческая общность, страна-цивилизация, православный мир, многонациональность, многоконфессиональность, традиционные ценности, общечеловеческие ценности, общероссийская гражданская идентичность.

Для цитирования: Тихонова В. А. «Русский мир» как «страна-цивилизация» и ее идентичность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 63–67. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-63-67>

«RUSSIAN WORLD» AS A «COUNTRY-CIVILISATION» AND ITS SELF-CONSCIOUSNESS

Valeriya A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

Abstract. The article specifies the characteristics of the “Russian world” as a “country-civilisation” and a “cultural-historical community” of a new type. We are talking about the complex spiritual structure of the “Russian world”, the core of which are spiritual ties of people of supra-ethnic, supra-national and supra-confes-

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт Управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – DSc in Philosophy, Professor, expert in scientific work management, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Тихонова В. А., 2024

sional level. “Russian world” is impossible without the Russian people, the Russian language and Orthodoxy, but being in the stage of active development, it is wider than the “Orthodox world”. The priority goal of the “Russian world” is the development of an all-Russian civil and spiritual-moral identity, which is the identity of a multi-ethnic and multi-confessional people. The core of this identity is made up of traditional spiritual and moral values of our peoples, which do not oppose the foundations of universal morality and other religions.

Keywords: Russian world, cultural and historical community, country-civilisation, Orthodox world, multi-nationality, multiconfessionalism, traditional values, universal values, all-Russian civil identity.

For citation: Tikhonova V. A. “Russian World” as a “country-civilisation” and its self-consciousness. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 63–67. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-63-67>

Статья «Многообразии трактовок понятия “русский мир”» (Вестник МГУКИ, 2024, № 1) актуализирует сразу несколько аспектов обсуждаемой проблемы. И, прежде всего, это осознание «русского мира» как культурно-исторической общности особого типа, что связано с самобытной историей нашей страны и теперешней ситуацией, вынуждающей к защите русского языка, культуры и самой российской государственности вовне. Тема народного единства и защиты Отечества вновь выходит на первый план в отечественной истории, и становится ядром всей культурной жизни. Именно об этом говорил Президент страны в ноябре 2023 года на XXV Всемирном русском народном соборе (ВРНС). «Русский мир» объединяет всех, говорил он, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры [3]. Там, где «русский мир» определяют как особую «культурно-цивилизационную общность», как «страну-цивилизацию», имеют в виду такую духовную связь людей с русским языком и культурой.

Но здесь проявляет себя не только единство, но и противоречия, скрывающиеся за понятием русского мира. Какая именно культура спланирует защитников «русского мира»? Можно ли отнести к народной ту «высокую» культуру, у истоков которой стояло русское дворянство? И какое отношение к «русскому миру» имеет советская культура, которую в штыки воспринимают некоторые его сторонники? По словам Пре-

зидента, «русский мир» – это древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, современная Россия, которая возвращается, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава» [3]. И, тем не менее, те, кто сегодня искренне любят Россию, имеют разный взгляд на ее историю, тяготеют к «белым» или «красным», которые воевали между собой. И во многом от мудрости представителей власти зависит, реальна ли перспектива раскола по данной линии внутри «русского мира». Если либерально мыслящая часть наших соотечественников космополитична, то патриотически настроенная часть имеет два полюса. И об этой сложном духовном строении «русского мира» нельзя забывать тем, кто видит в нем масштабную «страну-цивилизацию».

В содержании понятия русского мира есть еще один важный аспект, на который обратил внимание Президент, выступая на Всемирном русском народном соборе в ноябре 2023 года. Он говорил о статусе русского языка, который в Конституции Российской Федерации определен в качестве языка государствообразующего народа. Русского мира нет без русского народа и без русского языка. Но какую роль в «русском мире» играет православие?

Онтологический статус «русского мира» особого рода. Это не просто территория или население, живущее на ней. Это люди с определенным самосознанием, связанным с русской культурой, через призму которой они воспринимают мир. Такое коллективное самосозна-

ние – особая духовная реальность, соединяющая миллионы людей на разных территориях. Онтология «русского мира» – это духовная онтология, хотя духовные связи между людьми, как показывает история, бывают крепче социальных и экономических связей.

В статье Ю. В. Кота и Е. Л. Кудриной речь идет об особой роли православия в становлении «русского мира», начиная с периода крещения Руси. И так, безусловно, было до XX века, когда национальная принадлежность в Российской империи совпадала с конфессиональной принадлежностью. На протяжении веков «русский» означало «православный».

Но уже в СССР и в постсоветской России национальная принадлежность не совпадает с конфессиональной, а многоконфессиональность и многонациональность – одна из опор российской государственности согласно Конституции РФ. В этом свете обратим особое внимание на слова Президента о том, что «русский мир» объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, «независимо даже от национальной и религиозной принадлежности» [3]. Значит ли это, что «русским» может быть тот, кто не является таким «по крови» и православным по вере?

Авторы обсуждаемой статьи делают акцент на теме русскости в связи с понятием русского мира. И здесь, на наш взгляд, нужно внимательно разбираться и комментировать оценки главы государства и иерархов церкви. Так известно, что в ноябре 2023 года по проблеме русскости высказался Патриарх Кирилл, который, в частности, заявил, что враг рода человеческого посмеялся над силой духа русского народа, ослабив православную веру у русских, белорусов и украинцев. «Так вот, очень важно, мои дорогие, – продолжил он, – чтобы понимание своей принадлежности к русскому народу сопровождалось сегодня глубокой православной верой. А те, кто говорит «мы русские», а в храм не ходит? Задайте себе вопрос: а вы наследники своих отцов, дедов, бабушек, прадедов и пращуров, которые с верой связывали свою жизнь? И если вы не являетесь их наследниками, то в каком

смысле вы можете говорить о себе как о русских людях?» [2]. Здесь перед нами вполне определенное понимание русскости, связанное с православной воцерковленностью. Но только ли такие наши сограждане принадлежат к «русскому миру»?

Сложность решения проблемы «русского мира» в наши дни, перед которой мы оказываемся, связана с необходимостью проводить грань между русскостью и «русским миром», между более и менее широким пониманием того, кто может сказать «я русский».

В первом случае русскость предполагает воцерковленность, на которую указывает Патриарх, а значит «русский мир» – это православный мир. Но это только часть, пусть и самая важная, той масштабной духовной реальности, о которой говорит Президент, имея в виду людей разного национального происхождения и разных религий.

Патриарх и Президент указывают на разные стороны и даже части «русского мира». «Русского мира» нет без русского этноса и русского народа, исповедующего православие. Но «русский мир» в наши дни к ним не сводится, как это было в Российской империи. А те, кто сводят «русский мир» к православному миру, пусть из лучших побуждений, расшатывают нашу государственность.

Как раз в условиях СВО стала явной сплоченность разных народов внутри нашей страны. Авторы обсуждаемой статьи подчеркивают, что инвариантное ядро Русского мира – это «духовная сверхэтничность русскости» [1, с. 19]. Но «русский мир» не только надэтничен, но еще наднационален и надконфессионален. Указывая на сложность проблемы русского мира, следует выделить иерархию уровней его анализа: этнический, национальный, конфессиональный. И только на основании указанных трех уровней, а не только при возвышении над этнической принадлежностью человека, то есть над «завом крови», формируется интересующая нас сложная духовная общность – «русский мир».

Если «русский» – это больше, чем национальность и больше, чем вера, то мы имеем

здесь дело с общим способом мысли и действия, которого не было ранее, а потому его развитие – достижение нашего общего будущего. Вспомним, что на последнем этапе советской истории шла речь о формировании новой исторической общности – «советского народа» – из того множества наций и народностей, которые входили в СССР. Его ядром считалась коммунистическая идеология. Для «советского народа» как новой общности, устремленной в будущее, даже пытались создать новую, прежде всего, семейно-брачную обрядность.

Сегодня кому-то может показаться, что вектор поменялся на противоположный, и представители «русского мира» смотрят не в будущее, а в прошлое, пытаясь возродить обычаи старины, вплоть до Домостроя, аналоги которого можно найти в прошлом всех народов. С культивированием отсталости иногда сопоставляют установку на воцерковление больших масс народа, следование нормам религиозной этики. Но цели развития «русского мира» через сохранение традиционных ценностей не столь однозначны.

Установка на сохранение традиционных ценностей связана в наши дни с вполне реальной опасностью. Это противовес их разрушению в «культуре отмены» и «новой этике» – отмене двух полов и моногамной семьи, национального государства, норм коллективизма и патриотизма. Но вектор на сохранение традиционных нравственных ценностей не следует воспринимать как прямой возврат к патриархальности.

В Указе о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей от 2022 года речь идет о том, что, реагируя на новые вызовы и угрозы, мы идем не назад, а вперед, сохраняя и утверждая «общероссийскую гражданскую идентичность». При этом российское государство как «хранитель и защитник традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей» отстаивает не только ценность семьи, но и человеческое достоинство, не только справедливость,

но и свободу. Речь идет о повышении роли России в мире «за счет продвижения традиционных российских духовно-нравственных ценностей», но это ценности, которые основаны «на исконных общечеловеческих ценностях» [5]. Провозглашая ценности своей культуры, мы не противопоставляем ее всем другим культурам, а, точнее, противопоставляем наши ценности состоянию кризиса и вырождения морали и культуры в западном мире. Еще раз подчеркнем, что в Указе от 2022 года традиционное российское не противопоставляется общечеловеческому. «Русский мир» в духовном и нравственном плане опирается не только на себя, но на великие завоевания всего человечества. И то же касается нравственных основ различных религий и конфессий.

В Указе от 2022 года речь идет о гражданском согласии многонационального народа России как нашей приоритетной цели. Главное – это «обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны». При этом нельзя забывать, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан» [5].

Итак, высшая цель «русского мира» – это развитие, сохранение и утверждение нашей общей жизни и «гражданской идентичности», основанной на основополагающих духовно-нравственных ценностях человечества. Они традиционны для России и ее народов, но в качестве общечеловеческих переживают кризис, преодоление которого в современных исторических условиях является непростым делом. Таким образом, развитие «русского мира» – одновременно условие и предпосылка оздоровления человечества, к которому обращен «русский мир». Но вопрос о мессианской роли «русского мира» и о «многополярности» как нашей приоритетной цели требует отдельного разговора.

Список литературы

1. Кот Ю. В., Кудрина Е. Л. Многообразие трактовок понятия «русский мир» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2024. № 1 (107). Январь-февраль. С. 15–20.
2. Патриарх Кирилл назвал качество настоящих русских. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/07/patriarh-kirill-nazval-kachestvo-nastoyaschih-russkih/>
3. Путин ответил на ожидания Русского мира. URL: <https://ura.news/articles/1036287778>
4. Тихонова В. А. Национальная идея в системе государственной идеологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2019. № 5 (91). Сентябрь-октябрь. С. 6–13.
5. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://base.garant.ru/405679061/>

*

Поступила в редакцию 09.04.2024

РУССКИЙ МИР В ОПТИКЕ СОПРЯЖЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

УДК 101.1:316

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-68-73>

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: skyday.VM@yandex.ru

Г. В. Варакина

Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Российская Федерация,
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Аннотация. Тема данной статьи обусловлена явной несводимостью понятия и сущности русского мира к политологическому дискурсу и публицистической патетике. Многогранность русского опыта постижения смысложизненных проблем предстает в отечественной культуре как интеллектуально-нравственное подвижничество в сфере духовно-творческих исканий. Содержательная ёмкость и интонационное богатство философского и художественно-творческого полилога вокруг феноменальности русского мира свидетельствуют о влиянии на духовно-нравственные искания отечественных мыслителей и художников (в широком смысле) такой ментальной особенности, как «исконно русский максимализм» (Карсавин). Автору статьи было важно показать, что двухвековой полилог вокруг ценностно-смысловых оснований русского мира неотделим от такой традиции отечественной культуры, как сопряженность философской, богословской и художественно-эстетической мысли о целях культурно-исторического пути России и особенностях национального самосознания.

Ключевые слова: русский мир, Россия, философская и художественная рефлексия, отечественная культура, ментальность, православные ценности, идеал Всеединства.

Для цитирования: Шибаева М. М., Варакина Г. В. Русский мир в оптике сопряжения философской и художественной рефлексии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 68–73. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-68-73>

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

ВАРАКИНА ГАЛИНА ВЛАДИСЛАВОВНА – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

SHIBAEVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

VARAKINA GALINA VLADISLAVOVNA – DSc in Cultural Studies, Associate Professor, Professor at the Department of General and Slavic Art History, The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)

© Шибаева М. М., Варакина Г. В., 2024

THE RUSSIAN WORLD IN THE OPTICS OF JUXTAPOSITION
PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC REFLECTION

Mikhailina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: skyday.VM@yandex.ru

Galina V. Varakina

The Kosygin State University of Russia
(Technology. Design. Art),
Moscow, Russian Federation,
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Abstract. The topic of this article is driven by explicit irreducibility concepts and essence of the Russian world to political science discourse and journalistic pathos. The versatility of the Russian experience of comprehending the problems of meaning in life appears in Russian culture as intellectual and moral asceticism in the sphere of spiritual and creative quests. The content capacity and intonation richness of the philosophical and artistic-creative polylogue around the phenomenality of the Russian world testify to the influence on the spiritual and moral quest of Russian thinkers and artists (in the broad sense) of such a mental feature as “original Russian maximalism” (Karsavin). It was important for the author of the article to show that the two-century polylogue around the value and semantic foundations of the Russian world is inseparable from such a tradition of national culture as the conjugation of philosophical, theological and artistic and aesthetic thoughts about the goals of the cultural and historical path of Russia and the characteristics of national self-awareness.

Keywords: Russian world, Russia, philosophical and artistic reflection, domestic culture, mentality, Orthodox values, the ideal of All-Unity.

For citation: Shibaeva M. M., Varakina G. V. The Russian world in the optics of juxtaposition philosophical and artistic reflection. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 68–73. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-68-73>

Существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения
Борис Вышеславец

Мы, русские, томимы постоянной метафизической и религиозной жаждой, мы постоянно носимся то в той, то в другой форме с мировыми вопросами
Сергий Булгаков

Что такое мы?
Владимир Одоевский

Худо мерить Европу на русский аршин, но ещё хуже мерить Россию на аршин Европы
Георгий Федотов

Неисчерпаемость обостренного интереса к России и к своеобразию ее культурно-исторического опыта подтверждается традицией полемизирования вокруг сугубо русских вопросов. В их ряду, разумеется, и те вопросы самоопределения и самоидентификации, которые глубоко и страстно проживались русскими мыслителями и художниками, продолжая волновать и в наши дни.

Обращение к теме русского мира – как на понятийном, так и на онтологическом уровне – носит, как известно, характер культурной традиции. В том и заключается «великая правда национального лица культуры [14, Т. 1, с. 322], что её ценностный фонд создавался на почве сопряжения «бытового исповедничества» (И. В. Киреевский) русского народа и энергетики философской, богословской и художественно-творческой мысли о России.

Отсюда интеллектуальная глубина и эмоционально-экспрессивный «нерв» непрекращающегося диалога по поводу русского мира, сущность которого С. Л. Франк определял словосочетанием «своеобразная реальность». В немалой степени уникальность и многомерность русского мира обусловлены как пространственно-географическими и историческими факторами, так и фольклорной, мифопоэтической стихией нашего национального «Космо-психо-логоса» (Г. Д. Гачев), разнообразием культурных форм самовыражения народа. Вероятно, поэтому И. В. Киреевский, отстаивая в полемике с западниками идею самоценности культурно-исторического опыта, акцентировал внимание на том, что русская культура «представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [8, с. 289]. Такую же позицию занимал и И. А. Ильин, которому принадлежат слова: «Культура вовсе не исчерпывается культурой рассудочной. Есть ещё культура сердца, совести и чувства, есть культура служения, самоотречения и жертвенно-

сти, есть культура веры и молитвы, есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой и строилась и держалась Россия» [4, Т. 6, с. 17].

Более чем очевидно, что неоднозначность русского мира как понятия и его разноликость как онтологического явления обусловлены теми «кружными путями истории» (Гегель), на которых формировались и выражали себя народное самосознание и национальный характер. С этой точки зрения уместно обратиться к такому ментальному свойству русского мира, как правдолюбие, жаждущее справедливости и праведности. Как заметил в своем фундаментальном труде «Русское мировоззрение» С. Л. Франк, «русский мыслитель, от простого богомольца до Достоевского, Толстого и Владимира Соловьева всегда ищет «правду»; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразовать мир, очиститься и спастись» [15, с. 124].

Разумеется, данное умозаключение касается преимущественно славянофилов/почвенников и религиозных философов, связывающих модальность русского мессианства с сущностью православия. Стоит отметить при этом, что их духовно-нравственным исканиям не был чужд утопизм, так же как и завышенная оценка русского народа. С этой точки зрения уместно вспомнить Е. Н. Трубецкого: «Увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть Россию действительную и, что ещё хуже, русскую национальную идею: духовный облик России хронически заслонялся фантастической грёзой «народа-богоносца» [13, с. 348]. Думается, что такая прозорливость мыслителя подтверждается издержками пафосной риторики в медийном пространстве обсуждения русских вопросов, острота которых созвучна драматическим реалиям современности.

В гораздо меньшей степени утопические грёзы обнаруживают себя в литературном типе художественной рефлексии. Начиная с просветительских комедий Дмитрия Фон-

визина («Бригадир» и «Недоросль»), «взыскующий» взгляд на ментальные проявления русского мира обрел статус национальной культурной традиции. До настоящего времени художественно-литературная форма самосознания являет собой не только индикатор реального состояния российского общества и его умонастроения, но своеобразный катализатор философского интереса к открытым проблемам русского мира. С этой точки зрения, уместно напомнить о таких «знаковых» произведениях, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Горе от ума» А. С. Грибоедова. При всех жанровых и стилистических различиях их содержательность, тональность и подтекст не могли не взбудоражить читателя эффектом узнавания тех или иных сторон русской жизни и культуры. Так Радищевым был введен в культурное пространство России мотив негодующего сострадания, выраженный в известном афоризме «Я взглянул окрест себя, и душа моя уязвлена страданиями человеческими стала». С определенными допущениями можно полагать «сродственность» сострадательной «музы» Радищева и некрасовской «музы гнева и печали». Что касается произведений историка и писателя-сентименталиста Карамзина, а также «критически мыслящей личности» – Александра Грибоедова, то именно в них впервые возникла тема сопоставления русского мира и европейского, которое в до сих пор занимает видное место в полемическом пространстве русского мира.

В свете этого симптоматично появление и такого первого романа культуры, как «Русские ночи» В. Ф. Одоевского. Духовно-нравственный контекст этого произведения позволяет и современному читателю почувствовать сопряженность сюжета и персонажей с темой гностических переживаний по поводу метафизического вопроса «Что есть истина?» И это неслучайно, поскольку автор «Русских ночей» был одним из создателей Общества Любомудров, в котором зачиналась философская и художественно-творческая биография

поэтов Дмитрия Веневитинова, Федора Тютчева и русского поклонника Шеллинга, а через несколько лет славянофила Ивана Киреевского с его концепцией «живой истины». Уже в интеллектуальных диалогах персонажей «Русских ночей» отечественному читателю были явлены сомнения в западноевропейской апологии ratio и юношеские мечтания о достижении посредством «верующего мышления» гармонии ума и сердца.

Именно поэтому в ряду ключевых моментов «споров до слёз» (Кавелин) заметное место принадлежит философско-педагогической проблематике, неотделимой от задач и перспектив совершенствования российской действительности. По убеждению романтически настроенных славянофилов, образовательная система русского мира способна принести плоды знания и гуманизма лишь на основе «союза» веры и знания. Нетрудно заметить, что такая позиция являла собой содержательный вызов секулярности и рационализму Запада, о чем свидетельствует статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России». Именно в данной статье были выделены и осмыслены ментальные параметры водораздела в познавательной-образовательной сфере западного и русского мира: «Там раздвоение сил разума, здесь – стремление к их совокупности, там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий, здесь – стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточию разума, там схоластические и юридические университеты – в древней России молитвенные монастыри, сосредоточившие в себе высшие знания» [8, с. 289]. По сути, данная статья может расцениваться как «первый шаг» к традиции напряженного переживания в адрес «там и здесь», который изначально определил специфические черты философской и художественной рефлексии и активизировал русское самосознание в поисках ответа на вопросы «Кто мы такие?» и «Куда ж нам плыть?».

Осмысление вклада отечественных философов и писателей в постижение различных

граней и противоречий такого уникального явления, как «русский мир», убеждает в закономерности многовековой полемики вокруг отечественной истории и культуры.

С этой точки зрения нельзя обойти тот факт, что отправным моментом споров между славянофилами (как «консерваторами») и западниками (прогрессистами – либералами) стали полярные оценки Петра Первого и его реформ. Если русские романтики, мыслители первого поколения (то есть славянофилы), выражали двойственное отношение к тому, что первый император России «в Европу прорубил окно», то их «младшие братья», почвенники, обстоятельно аргументировали свое сомнение в ценности петровских преобразований, отвергая их положительную оценку со стороны П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и А. С. Пушкина. Так, автор резонансной для русской общественности книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский оценивал как огромный вред для русского мира «заимствование иностранных учреждений и пересадку на русскую почву» [4 с. 274]. Западники же в лице П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и К. Д. Кавелина положительно, с чувством исторического оптимизма, относились к тому, что «Россия молодая мужала гением Петра» (А. С. Пушкин). А между тем такая полемика была бы невозможна в изоляционных условиях допетровского государства по причине отсутствия просвещенных субъектов историософской полемики. Неслучайно Г. П. Федотов подчеркивал, что «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив её на перекрестке великих культур Запада, и создала породу русских европейцев» [14, Т. 2 с. 175]. В свете данного высказывания заслуживает внимательного прочтения («вживания, вчувствования», говоря словами М. М. Бахтина) статья Е. В. Мареевой, посвящённая феномену русского европеизма [9].

Существенной предпосылкой полемической традиции, воплощаемой в двух формах самосознания культуры – философии и искусстве – была потребность самоопределения «между данными западной философии

и традициями внутренней жизни восточного христианства» [1, с. 54], а также между миром европейских ценностей и аксиосферой Востока. О том, насколько страстно отзывалась «дуальность русской души» (Г. П. Федотов), иллюстрируют следующие строки Владимира Соловьёва: «О, Русь! в предвиденье высокоом / Ты мыслью гордой занята... / Каким же хочешь быть Востоком? / Востоком Ксеркса или Христа?»

Более чем очевидна глубинная взаимосвязь потребности укрепления духовных оснований русского мира и определения идеала. В страстности обсуждения вопроса об идеале как ценности-цели проявился, говоря словами Л. П. Карсавина, «исконно русский максимализм». В пространственно-временном континууме сопряжения философской и художественной рефлексии гипотетический образ идеала переживался особенно сокровенно по той причине, что «русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью признает за таковой нечто совсем неподобающее» [6, с. 214]. Полемическую традицию в отечественной аксиологии К. Д. Кавелин объяснял тем, что поскольку «с византийско-татарскими идеалами мы не ужились, с европейскими тоже плохо уживаемся, то наши идеалы все еще в наших школьных тетрадках и из-за них мы до слез спорим между собой» [5, с. 411].

В свете длительного «спора до слёз» по поводу «путеводной нити» культурно-исторического развития представляются поистине подвижническими усилия ряда религиозных мыслителей предложить концепцию идеала Всеединства. Тип данного идеала опосредованно соотносится с аксиологическим опытом рефлексии над историческим предназначением России¹. Её «Особенная статья» (Тютчев) виделась религиозным мыслителям как ведущая сила грядущего преобразования мира на основе христианских ценностей.

¹ Особенности данного типа культурфилософской рефлексии раскрыты мной в монографии «Культура в зеркале русской мысли» [16].

Так, В. С. Соловьев именно с Россией связывал модальность достижения цели «вселенской», суть которой он определял как «образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии» [12, с. 177]. Такого рода футурологическое «кредо» оригинального русского мыслителя свидетельствует о его глубокой убежденности в том, что Россия обладает мощным потенциалом субъекта преобразования «дольного» мира в соответствии с системой христианских ценностей.

Соловьевский оптимизм относительно вселенской «сверхзадачи» оказался созвучным духовно-нравственным исканиям Л. П. Карсавина с его «метафизикой всеединства» на основе соборности и исканиям Н. Ф. Федорова, чья «Философия общего дела» являла собой Проект преодоления смертности посредством «воскрешения отцов сынами человеческими». При этом важно иметь в виду следующее умозаключение автора монографии «Философия русского космизма» С. Г. Семеновой: «Метафизика всеединства строится на идеале космической соборности, гармоническом единстве множества, в котором каждый элемент равноценен другому и целому» [11, с. 438].

Тем не менее, далеко не все мыслители разделяли аксиологический пафос Соловьева и его единомышленников. В частности П. И. Новго-

родцев ввел и разработал – в противовес Идеалу Всеединства – понятие общественного идеала. Причем автор работы «Об общественном идеале» не отрицал значения и абсолютного идеала, но подчеркивал, что «к нему нельзя перелететь на крыльях фантазии; но осуществлять конкретные цели, добиваться разрешения самых трудных исторических задач, это значит восходить по ступеням бесконечной лестницы» [10, с. 121].

Таким образом, глубокая и страстная озабоченность «конкретного и живого разума» проблемами русского мира проявляется в традиции сопряжения философской и художественной (литературной) оптик относительно русского мира как «своеобразной реальности». Отсюда и такая черта отечественной культуры, как взаимообусловленность историософского, аксиологического и религиозного подходов к различным аспектам русской жизни. Ценностно-смысловые основания русского мира вполне согласуются с тезисом С. Н. Булгакова о том, что творческое отношение к своей национальной культуре не допускает исключительности. [2, с. 650].

Вероятно, не случайно мотив всеотзывчивости русского мира своеобразно актуализировался в советском искусстве (особенно в «почвенной литературе» и кино) и продолжает воспроизводиться едва ли не в различных формах культурного самосознания современной России.

Список литературы

1. *Арсеньев Н. С.* Духовные силы в жизни русского народа // Русские философы. Антология. Москва: Книжная палата. 1993. 112 с.
2. *Булгаков С. Н.* Нация и человечество // С. Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т. 2. Избранные статьи. Москва: Наука. С. 644–654.
3. *Ильин И. А.* О России // И. А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Москва: Русская книга, 2006.
4. *Данилевский Н.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Санкт-Петербург, 1995. 816 с.
5. *Кавелин К. Д.* Наши недоразумения. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Москва: Правда. 1989. 653 с.
6. *Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея. Санкт-Петербург: Academia, 1922. 125 с.

7. *Кот Ю. В., Кудрина Е. Л.* Многообразие трактовок понятия «русский мир» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2024. № 1 (107). Январь-февраль. С. 15–20.
8. *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. Москва: Искусство, 1979.
9. *Мареева Е. В.* Русский европеизм и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. Сентябрь-октябрь. 2023. № 5 (105). С. 17–33.
10. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. Москва: Пресса, 1991. 640 с.
11. *Семенова С. Г.* Созидание будущего. Философия русского космизма. Москва: Ноократия, 2020. Т. 1. 456 с.
12. *Соловьев В. С.* Сочинения в двух томах. Москва: Мысль, 1991.
13. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. Москва: Юрайт, 2017. 300 с.
14. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии истории и культуры в двух томах. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. Т. 2. Санкт-Петербург: София, 1992.
15. *Франк С. Л.* Русское мировоззрение. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 736 с.
16. *Шibaева М. М.* Культура в «зеркале» русской мысли. Москва: МГУКИ. 2001. 249 с.

*

Поступила в редакцию 15.05.2024

«ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» ИЛИ «ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ»: ВКЛАД Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО В МЕТОДОЛОГИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ «РУССКОГО МИРА»

УДК 1-043.86

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-75-81>

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Аннотация. В статье в связи с актуальностью исследования проблемы «русского мира» показано различие в понимании «всечеловеческого» у Ф. М. Достоевского и Н. Я. Данилевского. Если Достоевский, обосновывая русскую национальную идею, связывает «всечеловеческое» с объединением мира вокруг Христа и во Христе, то у Данилевского «всечеловеческое» означает единство народов в пространстве мировой культуры. Почвой представления о «всечеловеческом» у Достоевского является богословие, у Данилевского – наука, еще точнее, биология, откуда он берет основные объяснительные схемы. Автор указывает на неправомерность оценки теории культурно-исторических типов как историософии в силу отказа Данилевским от идеи «общечеловеческого» прогресса, которая присутствует не только у русских западников, но и у славянофилов. В статье обосновывается трактовка теории Данилевского как варианта морфологии культуры, в свете которой сопоставляются характеристики влияния Европы на Россию в учениях Н. Данилевского и О. Шпенглера. В статье показана ограниченность трактовки учения Данилевского с точки зрения теории локальных цивилизаций и в свете позиции изоляционизма.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, О. Шпенглер, западники, славянофилы, общечеловеческое, всечеловеческое, культурно-исторический тип, органицизм, историософия, морфология культуры, теория локальных цивилизаций, мировая культура как единство многообразия.

Для цитирования: Мареева Е. В. «Общечеловеческое» или «всечеловеческое»: вклад Н. Я. Данилевского в методологию исследования «русского мира» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 75–81. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-75-81>

«UNIVERSAL» OR «ALL-HUMAN»: N. YA. DANILEVSKY'S
CONTRIBUTION TO THE METHODOLOGY OF
THE STUDY OF THE «RUSSIAN WORLD»

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный институт культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Мареева Е. В., 2024

Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Abstract. The article shows the difference in the understanding of “all-human” in F. M. Dostoevsky and N. Ya. Danilevsky in connection with the relevance of the study of the problem of “Russian world”. While Dostoevsky, justifying the Russian national idea, associates the “all-human” with the unification of the world around Christ and in Christ, Danilevsky’s “all-human” means the unity of peoples in the space of world culture. Dostoevsky’s idea of the “all-human” is based on theology, while Danilevsky’s is based on science, more precisely biology, from which he takes the main explanatory schemes. The author points out the inappropriateness of assessing the theory of cultural-historical types as historiography due to Danilevsky’s rejection of the idea of “universal” progress, which is present not only among Russian Westerners, but also among Slavophiles. The article substantiates the interpretation of Danilevsky’s theory as a variant of culture morphology, in the light of which the characteristics of Europe’s influence on Russia in the teachings of N. Danilevsky and O. Spengler are compared. The article shows the limitations of interpretation of Danilevsky’s doctrine from the point of view of the theory of local civilisations and in the light of the position of isolationism.

Keywords: N. Ya. Danilevsky, F. M. Dostoevsky, O. Spengler, Westerners, Slavophiles, universal, all-human, cultural-historical type, organicism, historiography, morphology of culture, theory of local civilisations, world culture as a unity of diversity.

For citation: Mareeva E. V. “Universal” or “all-human”: N. Ya. Danilevsky’s contribution to the methodology of the study of the “Russian world”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 75–81. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-75-81>

«Крестным отцом» Русского мира авторы статьи «Многообразие трактовок понятия «русский мир»» (Вестник МГУКИ, 2024, № 1) назвали П. Я. Данилевского, который придал идее исключительности русского человека и уникальности русской культуры новое звучание. Другим основоположником идеи «русского мира» назван Ф. М. Достоевский, который уточняет предназначение русского человека и, вслед за славянофилами, видит его в спасении мира через его единение. «Национальная идея русская, – отмечает Достоевский в объяснительном слове по поводу речи о Пушкине, – есть, в конце концов, всемирное общечеловеческое единение» [4, с. 131]. Особенность русского народа таким образом состоит в том, что он силой православной веры может собрать все народы, весь мир воедино.

В приведенной выше цитате из «Дневника писателя» Достоевского слова «общечеловеческое» и «всечеловеческое» выглядят синонимами. Но не так по сути. «Всечеловеческое» в координатах Пушкинской речи Достоевского никак не соотносимо с совре-

менными «общечеловеческими» смыслами и ценностями. Уникальность русского народа, связанная и с соборностью, и с его «всемирной отзывчивостью», состоит в способности объединить мир вокруг Христа и во Христе, что, собственно, и есть специфическое содержание представления о «всечеловечестве» и «всечеловеческом» в традиции, идущей от Достоевского. Русский народ, в отличие от других, способен выразить идею «всечеловечности» и воплотить ее во вселенском масштабе. Но так ли у Данилевского, который, подобно Достоевскому, указывает на «всечеловеческое», решая вопрос о своеобразии «русского мира»? Чем «всечеловеческое» отличается от «общечеловеческого» в теории культурно-исторических типов?

Н. Я. Данилевский, безусловно, был православным человеком. Но это не определило сути его представлений о назначении России, как не повлияло и на методологию построения учения о культурно-исторических типах,

основу которого, как известно, составили его естественнонаучные представления о развитии органического мира. Совпадая с Достоевским в целом идеологически, Данилевский, безусловно, расходится с ним теоретически, если, конечно, возможно говорить о системности понимания Достоевским путей развития России. Почвой представления о «всечеловеческом» у Достоевского является богословие, у Данилевского – наука, еще точнее, биология, откуда он берет основные объяснительные схемы.

Последователь Данилевского философ и публицист Н. Н. Страхов указывал на существенные отличия учения Данилевского и от его предшественников-славянофилов. В статье «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского» он называет работу «Россия и Европа» «катехизисом» славянофильства, «кульминационной точкой» в развитии этого направления [10, с. 760]. Но совпадая с основоположниками славянофильства в идее самобытности русского мира, Данилевский расходится с И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым и другими «старшими» славянофилами в понимании места России в жизни всего человечества. Расходится Данилевский с ними и в способе построения теории культурно-исторических типов, который Страхов считал безусловно научным со своей особой «новой доказательностью» [10, с. 763].

Проясняя указанные различия, Данилевский делает акцент на гуманитарном и философском контексте первой половины XIX века, в котором формировались взгляды основоположников славянофильства. Вторым источником их мировоззрения он считал внимательное изучение всего строя русской жизни. «Учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности, – пишет он в шестой главе работы «Россия и Европа», – что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно имело двоякий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и большей свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни – в религи-

озном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях» [2, с. 290].

Но не менее, а может и более важным является выраженное здесь же критическое отношение к вере в то, что «славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу», на что не способны другие народы. «Такой задачи, однако же, – продолжает он, – вовсе и не существует ... по крайней мере в том смысле, чтобы ей когда-нибудь последовало конкретное решение, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остального человечества» [2, с. 290]. Иначе говоря, отрицая указанную миссию русского народа, Данилевский упраздняет саму суть русской национальной идеи, которая у славянофилов и Достоевского имела религиозно-эсхатологическое измерение. И это достаточно существенное расхождение между Данилевским и Достоевским, которое нельзя игнорировать там, где речь идет о формировании и перспективах развития «русского мира».

Указание на связь идей славянофилов с германской философией начала XIX века здесь не случайно. Эта философия, подчеркивает Данилевский, игнорируя особое и относительное, сделала ставку на абсолютное. Понятно, что речь идет, прежде всего, об абсолютном идеализме Гегеля с его историко-софскими построениями, которые не близки Данилевскому как умозрительные и предписывающие общую логику развитию самых разных стран. И надо сказать, что при всей масштабности и нетривиальности философии истории Гегеля в ней нашла свое выражение логика европоцентризма. Не лишена этой логики и марксистская теория общественно-экономических формаций в том виде, в каком она фигурировала в СССР под названием «истмата». И это при том, что указанная точка зрения была преодолена «поздним» Марксом при изучении цивилизаций Востока.

Значительное место в работе «Россия и Европа» занимает критика идеи единого пути развития человечества и общечеловеческого прогресса, который по праву сильно-

го присвоили себе европейцы. Данилевский объявляет искусственным и ложным представление о том, что Запад в своей истории впервые реализовал универсальные формы общественного прогресса, а потому его путь должны повторить все народы, что, кстати, повлияло как на западников, так и на славянофилов. Но, если западники считали закономерным включение России в «общечеловеческое» движение в лице Европы, то славянофилы, обнаруживая изъяны в таком движении, предлагали перенаправить его в нужное русло.

Критикуя представление об «общечеловеческом» пути, совпадающем с развитием Европы, Данилевский считает его односторонним, некоей тощей, неистинной абстракцией, которая не способна выразить реальное богатство исторической жизни народов. Абстракцию «общечеловеческого» он отождествляет с сутью историософских представлений, в отличие от того, что в его теории выразит понятие «всечеловеческого». Как известно, Данилевский пытался противостоять принципу однонаправленной эволюции и в области биологической науки, где этот принцип, по мнению Данилевского, реализовал дарвинизм. В вопросе развития жизни на Земле ему ближе были взгляды Жоржа Кювье. Вот почему учение Данилевского не стоит считать историософией в собственном смысле этого слова. Противопоставляя понятию «общечеловеческого» «всечеловеческое», он наполняет его принципиально иным смыслом, сдвигаясь от популярных разновидностей историософии в сторону морфологии культуры, наиболее последовательно реализованной в дальнейшем у О Шпенглера.

Н. Данилевский, как ученый, ставит во главу угла исторические факты, пытаясь понять их собственную связь. Но, будучи, прежде всего, ботаником и зоологом, он исходит из методологии эмпирической науки, опираясь на приемы обобщения, аналогии и классификации. Достоинством своего учения о культурно-исторических типах Данилевский считает осуществленную в нем

«естественную» методологию применительно к историческому знанию. Тем не менее, этому учению не чужды умозрительные схемы. Крайности эмпиризма и спекулятивности обычно сходятся. На методологические недостатки теории Данилевского подробно указывает в своей рецензии в «Русской мысли» (1889, № 9) известный русский историк и социолог Н. И. Кареев, уделяя особое внимание пятой главе книги «Россия и Европа», в которой идет речь о некоторых законах развития культурно-исторических типов [5].

Данилевскому, безусловно, не хватало той гуманитарной и философской образованности, которой он сознательно противопоставил свои знания в области естествознания. Слабое владение Данилевским выработанной в классической философии диалектической методологией вынуждает нас сопоставлять абстракции «общечеловеческое» и «всечеловеческое» там, где речь идет об абстрактно-общем и конкретно-всеобщем знании о предмете. А там, где речь обычно идет об анализе культуры в свете соотношения всеобщего, единичного и особенного, Данилевский склонен проводить параллели с родо-видовыми отношениями в органическом мире.

И, тем не менее, у Данилевского, как и везде в истории общественной мысли, следует различать живое и мертвое, а, чаще всего, это новое, выраженное в неадекватной или устаревшей форме. Так штампом стало определение учения Данилевского как разновидности теории локальных цивилизаций, что сочетается с изоляционизмом как социально-политическим выражением такой постановки вопроса. В упрощенной форме локальное – это антипод глобального, что означает обособленность и отсутствие какого-либо взаимодействия и взаимовлияния, в данном случае между множеством цивилизаций. При такой постановке вопроса своеобразие локальных цивилизаций постулируется, чего мы не видим в книге Данилевского «Россия и Европа», суть которой составляет как раз анализ взаимовлияний народов, из чего, собственно, и вырастает их самобытный облик.

Данилевский не в состоянии обосновать внутреннее единство и своеобразие каждой культуры на почве той новой культурно-исторической методологии, которую активно выработывали философия и общественная наука в XIX веке. Потому он и в этом вопросе мыслит как ученый-позитивист, избегая хаоса во взаимовлияниях культур за счет методологии органицизма. Некоторые общие черты и этапы в развитии культур Данилевский толкует организмически, утверждая, что уникальность каждого культурного организма определяется тем, как он проходит закономерные ступени роста, расцвета и увядания.

На этапе, который Данилевский называет «этнографическим», мы имеем дело только с ростом, которому соответствует народно-племенное состояние культуры, где, однако, уже закладываются некоторые своеобразные черты. Здесь племена еще «не составляют генетически самобытных единиц». Только в итоге тысячелетий, пишет Данилевский, эти «самобытившиеся группы», получившие не только «характеристический наружный облик», но и «особый психический строй», становятся основанием для уникального культурно-исторического образования [2, с. 296].

Именно на втором этапе, на пути к расцвету, народ входит в «цивилизованное состояние», обретая свою неповторимость, в том числе, под внешними влияниями, которые Данилевский подразделяет на три способа. Первый способ он определяет как «колонизацию», по аналогии с тем, как распространяли свою культуру древние греки, второй – как «прививку», подобно тому, как это делают в селекции, когда материнская культура питает чужеродные плоды. Но наиболее перспективным, по мнению Данилевского, является третий путь, названный «удобрением», когда достижения чужой культуры питают народную почву, помогая вызреть своеобразие данного культурно-исторического типа.

Понятно, что все указанные методологические предположения и обоснования служат предпосылкой ответа на вопрос о своеобразии влияния Запада на Россию, кото-

рое, с точки зрения западников, должно быть «колонизацией», а у славянофилов подобно «прививке». Но еще интереснее ответ на данный вопрос, который был дан через полвека О. Шпенглером, который определил отношение Запада к России как «псевдоморфоз».

Суть псевдоморфоза как «поддельной формы» Шпенглер объясняет через несоответствие внутренней структуры и внешней формы. Что касается исторических псевдоморфозов, то к ним Шпенглер относил «случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – её родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [11, с. 647]. Таковой у Шпенглера являлась Россия, начиная с реформ Петра Первого и до революции 1917 года.

И «прививка» у Данилевского», и «псевдоморфоз» у Шпенглера означают то, что западное влияние в том виде, в каком оно осуществлялось, начиная с реформ Петра Первого, тормозило развитие «русского мира», не позволяя сформироваться его чистым формам и самобытному самосознанию.

При этом самобытность России Шпенглер, как и Данилевский, увязывают с ее религиозной жизнью. Основанием славянского культурно-исторического типа, часть которого составляет «русский мир», является наследие Византии. Но конкретное сочетание сторон в этом новом культурном организме обнаружит только будущее.

Политическая ситуация может способствовать представлениям о Н. Я. Данилевском как односторонне мыслящем антипode западной цивилизации. Но этому противоречит его представление о «всечеловеческом» как о единстве, которое означает не столько единство верующих во Христе, сколько единство народов в пространстве культуры. Если «общечеловеческий» путь развития – ложная

и однобокая абстракция, то «всечеловеческое» у Данилевского – это истинная научная абстракция, выражающая систему сложных взаимодействий между народами как культурными организмами. «Всечеловеческое» – не множество обособленных цивилизаций, а мировая культура как целое, несущее в себе единство многообразия.

Общие моменты в морфологии культуры у Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера – особая тема. Важно, однако, обратить внимание на то, что у обоих присутствует проблема «физиогномики» культуры как особого сочетания элементов вокруг того, что именуют ее «душой». И то же сочетание усилий, пишет Данилевский, характеризует мировую культуру, где результаты труда каждого народа «остаются собственностью всех других народов, достигающих цивилизационного периода своего развития, и труда этого повторять незачем» [2, с. 301].

Народы дополняют и развивают друг друга. Науки о природе – плод германо-

романской цивилизации, величайшее развитие искусств – плод Древней Греции, политическую организацию и право довел до совершенства Древний Рим, тогда как идея единого истинного Бога, отмечает Данилевский, плод цивилизации еврейской. Все указанные цивилизации, кроме германо-романской, уже завершили жизненный цикл. Их вклад во «всечеловеческую» культурную сокровищницу известен. Но будущее славянского культурно-исторического типа, к которому принадлежит Россия, открыто.

России, по Данилевскому, не предзадана роль спасителя. Но Россия и не закрыта от мира, в котором, развернув возможности своего культурно-исторического развития, должна занять достойное место. Н. Я. Данилевский избавлен от иллюзий славянофилов. Но он избавлен и от идеи изоляционизма, подтверждая тем самым, что теория культурно-исторических типов достойна дальнейшего изучения в контексте отечественной и мировой общественной мысли.

Список литературы

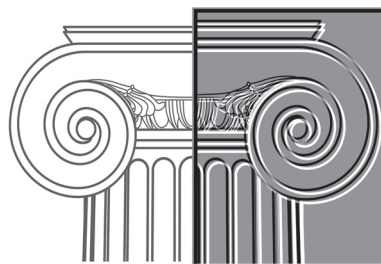
1. Бестужев-Рюмин К. Н. Теория культурно-исторических типов / Данилевский Н. Я. Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 1. Селятино: ИРСИ. 2022. С. 769–813.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Данилевский Н. Я. Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 1. Селятино: ИРСИ. 2022. С. 185–668.
3. Данилевский Н. Я. Горе победителям. Политические статьи / Вступительная статья, примечания, приложение А. В. Ефремова. Москва: «АЛИРЬ, ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. 416 с.
4. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Дневник писателя. 1880 / Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 26. Ленинград: Наука, 1984. С. 129–136.
5. Кареев Н. И. Теория культурно-исторических типовъ (Н. Я. Данилевскій: «Россия и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго мира къ романо-германскому. Изданіе четвертое. Спб., 1889 г.). URL: http://az.lib.ru/k/kareew_n_i/text_1889_.shtml
6. Кот Ю. В., Кудрина Е. Л. Многообразие трактовок понятия «русский мир» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2024. № 1 (107). Январь–февраль. С. 15–20.
7. Маджаров А. С. Освальд Шпенглер и русская историография XIX в. о специфике (псевдоморфозе) русской истории / Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1 (2). С. 176–187.
8. Мареева Е. В. Русский европеизм и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. Сентябрь–октябрь. 2023. № 5 (105). С. 17–33.

9. *Смирнов А. В.* Общечеловеческое и всечеловеческое, или чему сегодня нас может научить Н. Я. Данилевский / Россия в диалоге культур / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. Москва: Наука, 2010. 432 с.
10. *Страхов Н. Н.* Жизнь и труды Н. Я. Данилевского / Данилевский Н. Я. Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 1. Селятино: ИРСИ. 2022. С. 750–768.
11. *Шпенглер О.* Закат Западного мира / Освальд Шпенглер. Москва: Альфа-книга, 2010. 1085 с.

*

Поступила в редакцию 13.03.2024

ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКОМУ ИСКУССТВУ

УДК 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-83-91>

Л. Л. Алексеева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: klara63@list.ru

Аннотация. В предлагаемой статье актуализируются вопросы обучения концертмейстерскому искусству в высшем образовании, освещаются основные теоретические взгляды, характерные особенности деятельности и методические ресурсы; обозначаются общие и специфические функции (образовательная, развивающая, воспитывающая; познавательно-эвристическая, преобразующая, компенсаторная). В работе уделяется особое внимание фундаментальным научным позициям педагога, пианиста-концертмейстера А. А. Люблинского, раскрывается обоснованный ученым «примат содержания» как «универсальный принцип» и ключевой концепт для дальнейшего осмысления современных теоретико-методологических основ обучения концертмейстерскому искусству. На основе предпринятого рассмотрения ряда научных, учебных и методических трудов излагаются отдельные ключевые понятия (концертмейстер, искусство концертмейстера и др.); формулируются принципы, отражающие специфику концертмейстерской деятельности (художественно-эстетического унисона, подготовленности к импровизации, сотворчества в интерпретации). Автором делается вывод о необходимости дальнейшей разработки научно-методической базы и сохранении имеющихся отечественных достижений при обучении концертмейстерскому искусству в современных условиях.

Ключевые слова: деятельность концертмейстера, обучение искусству, аккомпанемент, теория, методы, музыка, исполнительство на фортепиано, высшее образование.

Для цитирования: Алексеева Л. Л. Теоретико-методические аспекты обучения концертмейстерскому искусству // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 83–91. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-83-91>

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING ACCOMPANIST ART

Larisa L. Alekseeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: klara63@list.ru

АЛЕКСЕЕВА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, доцент, эксперт Управления научной работой, Московский государственный институт культуры

ALEKSEEVA LARISA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Associate professor, expert in scientific work management, Moscow State Institute of Culture

© Алексеева Л. Л., 2024

Abstract. The proposed article actualizes the issues of teaching accompanist art in higher education, the main theoretical views, characteristic features of the activity and methodological resources are highlighted; general and specific functions (educational, developmental, upbringing; cognitive-heuristic, transformative, compensatory) are indicated. In the work, special attention is paid to the fundamental scientific positions of the teacher, pianist-accompanist A. A. Lyublinsky, The author reveals the «primacy of content» as a «universal principle» substantiated by the scientist and a key concept for further comprehension of the modern theoretical and methodological foundations of teaching accompanist's art. On the basis of the undertaken consideration of a number of scientific, educational and methodological works, certain key concepts are set forth (accompanist, art of accompanist, etc.); The author formulates the principles that reflect the specifics of the accompanist's activity (artistic and aesthetic unison, preparedness for improvisation, co-creation in interpretation). The author concludes that it is necessary to further develop the scientific and methodological base, to preserve the existing domestic achievements in teaching the art of accompanist in modern conditions.

Keywords: accompanist's activities, art training, accompaniment, theory, methods, music, piano performance, higher education.

For citation: Alekseeva L. L. Theoretical and methodological aspects of teaching accompanist art. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 83–91. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-83-91>

В современном музыкально-инструментальном исполнительстве, теории и практике высшего музыкального образования концертмейстерское искусство занимает особое место. С непосредственным участием концертмейстеров осуществляется подготовка будущих специалистов в разных видах искусства, выполняются творческие проекты, реализуется концертная деятельность. Вместе с тем, в настоящее время концертмейстерское искусство как вид музыкально-инструментального исполнительства все же достаточно трудно назвать всесторонне, глубоко исследованной областью, теоретически разработанной в соответствии с современными требованиями. Во многом это связано с очевидной сложностью при изучении одного вида исполнительства в преломлении к полифункциональности действий. Можно говорить и о некоторой недооценке уникальности, даже феноменальности этой профессии с ее особой значимостью в воплощении музыкальных смыслов и интонаций, эстетических идеалов концертного исполнительства.

Процесс обучения концертмейстерскому искусству предопределен рядом функций. Исходя из общих дидактических положений высшей школы, специфических для искусства в целом, а также и свойственных данному виду

исполнительства на фортепиано [1; 4; 11; 14, с. 34–76; 22], обозначим приоритетные функции. В числе общих выделим образовательную, развивающую и воспитывающую.

Очевидно, что реализация *образовательной* функции связана с углублением всего, что имеет непосредственное отношение к содержательным особенностям именно концертмейстерской деятельности в хореографическом, хоровом, вокальном, инструментальном классах, а также – к различным теоретическим сведениям, фактологическим материалам.

Функция *развивающая* предполагает соответствующие действия в отношении интеллектуальной сферы (включая мышление и память, воображение, речь, восприятие, внимание и др.), а также эмоционально-волевой, мотивационно-потребностной, двигательной, сенсорной сферах.

Осуществление *воспитывающей* функции обусловлено главным образом управляемым воздействием с помощью специально организуемой системы коммуникации преподавателей и студентов на основе актуализации потенциала музыки как средоточия духовно-нравственного опыта всего человечества.

В ряду специфических функций, свойственных искусству в целом, в логике отечественных концептуальных позиций [2, с. 154–

166] выделим лишь отдельные, поскольку искусство концертмейстера в контексте полифункциональности может быть предметом специального рассмотрения.

В рамках *познавательной-эвристической* функции осуществляется освоение знаний о музыкальном содержании, художественных явлениях на примере стилей и жанров, а также об интонациях разных эпох, закономерностях искусства и жизни через открытие нового в уже известном. В рамках этой функции реализуется анализ, поиск, сравнение и сопоставление, отбор и осмысленный выбор выразительных средств, предпринимаются музыкально-творческие эксперименты для последующего воплощения художественных образов в учебной практике. В этом ключе показателен современный подход к целостному музыкальному анализу с предварительным комплексным вдумчивым рассмотрением выразительных средств в сотворчестве концертмейстера и будущего вокалиста [18].

Преобразующая функция выражается не только в многогранности художественно-творческой деятельности концертмейстера в плане теории, практики, но и в направленности на осмысленное постижение и воплощение жизненного содержания музыкального искусства с присущей ему изначально универсальной возможности образного языка «высвечивать» и «просветлять» (по Аристотелю).

В *компенсаторной* функции с особой силой проявляются потенциальные ресурсы музыки как одного из способов художественного освоения окружающей действительности в поддержке эмоционального равновесия, гармонизации эстетических чувств, восполнении и обогащении духовного мира человека.

Разнообразие функций, свойственное обучению этому виду искусства, включая художественно-концептуальную, предвосхищающую и ряд иных, в непосредственной практике осуществляется во взаимосвязи, неразрывном единстве и целостности.

Для рассмотрения современных аспектов обучения концертмейстерскому мастерству особую теоретическую и методологиче-

скую ценность представляет научная работа А. А. Люблинского, обобщившего на фундаментальном уровне собственный многолетний опыт аккомпаниатора в хоровых коллективах, а также – в практической учебно-творческой и концертной деятельности с вокалистами, инструменталистами и др. Впервые изданный в 1972 году этот труд не теряет своей актуальности, востребован в настоящее время. Автором обоснован и раскрыт концептуальный подход к содержанию, методам, специфике подготовки квалифицированных пианистов-концертмейстеров для работы в разных учреждениях (театральных, концертных, учебных и т. д.) и в разных видах исполнительского искусства. Теоретическим ядром методологических основ у А. А. Люблинского является преобладающее значение сущности самой музыки, так называемый «примат содержания», его первичность в качестве «исходного принципа» и в разных ракурсах (анализ, исполнительские задачи, часть формы) [13, с. 4].

Не только природа музыкального содержания обозначается принципиально важной позицией исследователя-пианиста, но и содержательность всех существующих форм аккомпанемента с присущей особой смысловой функцией и при теснейшей связи с голосом, его звучащим смыслом (у А. А. Люблинского в данном случае речь идет о солирующем голосе певца – *прим. Л.А.*). Еще один теоретический посыл заключается в осмыслении образности и содержательности всех компонентов исполняемого произведения, как солирующим исполнителем, так и в инструментальном сопровождении (аккомпанемента), поскольку партия фортепиано способствует пониманию содержания музыкального произведения. Еще одна важнейшая позиция – это синтез солиста и аккомпанемента («синтетическое единство»), весомая роль сопровождения в его художественно-образном смысле, необходимость интеллектуальных усилий для более глубокого собственного переживания музыки исполнителями и столь же интенсивного воздействия на слушателей [13, с. 14–15, 17, 20–24].

«Примат содержания» определяется Александром Александровичем как «универсальный принцип реалистического искусства», основанный на «уяснении творческой задачи», то есть глубокой, вдумчивой концентрации на содержании самой музыки; освоение аккомпанемента во всем многообразии выразительных средств, по мнению ученого, представляет собой проблему художественно-эстетического характера; раскрывается ошибочность, причем «в самой своей методологической основе», имеющего место быть методического подхода в обучении «как суммы практических навыков»; акцентируется внимание на художественности и осмысленном исполнении инструментального сопровождения, сложностях «момента понимания образа» и исполнительских средствах его содержательного выражения, гармонии ансамблевых действий [13, с. 14–24, 50–51, 54–55].

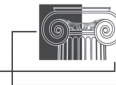
Рассматривая аккомпанемент как средоточие содержания (смыслового, эмоционального, изобразительного), а в целом – в качестве системы выразительно-смысловых средств, А. А. Люблинским упоминается и «аккомпаниаторское чутье». Но не синхронность исполнения в ансамбле (динамическом и т. п.) определяет такое «чутье», а особая развитая способность чувствовать и предчувствовать «с добровольной послушностью и осторожной инициативой» исполнение солиста в части художественного замысла, деталей нюансировки. Не остаются в стороне от внимания автора психологические аспекты ансамблевого исполнительства, вопросы творческого взаимодействия, «психологической настройки» и эмоционального сопереживания музыки [13, с. 78–79].

Теоретико-методологический вклад А. А. Люблинского в создание фундаментальных основ аккомпанемента как вида исполнительского искусства трудно переоценить. По сути, пианистом-концертмейстером, ученым, педагогом созданы основы отечественной теории и практики аккомпанемента в опоре на ключевые позиции эстетики, педагогики и психологии, а также – теории познания,

истории и теории искусства. Исторически сложившееся в концертной практике упрощенное представление об аккомпанементе как сопровождении выводится за общепринятые рамки прикладной значимости, расширяется до нового научного знания, обогащается образной «живой музыкальной речью» при «полифонии смыслов» для исполнительской трактовки и углубления эстетического восприятия [13, с. 37–38, 42]. Принципиальные позиции А. А. Люблинского очевидно просматриваются в более поздних научных исследованиях, касающихся, к примеру, методики обучения чтению нот с листа, что, как известно, является важной составляющей профессиональной деятельности концертмейстера.

В одной из работ отметим рассмотрение художественности в качестве способа действия и базиса теоретической модели музыкально-исполнительской деятельности при первоначальном прочтении нот с листа; в исследовании раскрываются содержательные аспекты восприятия во взаимосвязи с «художественно-содержательными эмоциями», являющимися основой «музыкальных переживаний»; автором обозначаются конкретные условия и предлагаются методические приемы, способствующие грамотному и быстрому чтению нотных текстов, при этом реальный музыкально-исполнительский образ во взаимосвязи со структурой прочтения текста трактуется как целостная деятельность [21, с. 4–14]. В исследовании показана приоритетная, «иерархически» преобладающая роль эмоционально-смыслового, художественного образа, в том числе и как «регулятора исполнительских действий», в сравнении с музыкально-слуховыми, двигательнотехническими представлениями. И в этом видится развитие идей «примата содержания».

Утверждение федерального государственного образовательного стандарта высшего образования в значительной степени способствовало теоретическому обобщению имеющегося отечественного опыта и разработке методических подходов для подготовки высококвалифицированных концертмейсте-

ров, стимулировало более интенсивное создание новых учебных и методических пособий [1; 8; 16; 20 и мн. др.]. Изучается смысл слов «аккомпанемент», «аккомпаниатор» и содержание деятельности концертмейстера в контексте истории и современности музыкально-инструментального исполнительства, проводится сравнительный анализ терминов («концертирующий пианист», «руководитель оркестра», «аккомпаниатор-пианист», «музыкант» и т. д.) [11, 19]; придается немалое значение полифункциональности этой деятельности, сочетающей в себе разные роли (режиссера и дирижера, педагога, психолога, репетитора, нередко и менеджера в современных ансамблях), освещается уникальность и сложность этой профессии, особенности психолого-педагогической подготовки в части приоритетных направлений [10; 12].

В учебных пособиях последних лет раскрываются не только основные задачи в образовании музыканта, освещаются проблемы обучения в классе и предлагаются эффективные методы решения, но и профессия концертмейстера рассматривается как искусство с присущей ему художественной значимостью, содержательностью [20]. С учетом многофункциональности задач поднимается вопрос о типологическом статусе профессии, ее несомненной и весьма важной педагогической составляющей в работе с певцами, инструменталистами; упоминается особое качество концертмейстера – интуиция, «главный критерий профессионального мастерства»; затрагиваются такие проблемы, как ансамблевая чуткость во взаимосвязи с «музыкальным и человеческим пониманием» и интуитивный уровень ансамблевого взаимодействия при исполнении музыки, «единое психоэмоциональное поле», эмоциональное сопереживание в своем «сверхразвитом» психологическом свойстве и т. д., что в итоге способствует качественному, высокопрофессиональному исполнению в художественно-эстетическом смысле [15, с. 106–107].

Современными исследователями, преподавателями высшей школы подчеркивается

необходимость целенаправленного развития у будущих «мастеров концерта» и таких качеств, как особая концентрация внимания («сосредоточенность») в двух направлениях – исполнении партии фортепиано и поддержке солирующего голоса, инструмента, хорового коллектива, оркестра при глубоком знании всех нюансов партий; важна соподчиненность имеющимся ситуативным элементам, тонкостям исполнительской интерпретации солиста, включая «предвидение», «предслышание» таковых и мн. др. [5, 23]. Многими педагогами, имеющими опыт работы в классе концертмейстерского мастерства, акцентируется значимость музыкально-исполнительской культуры, устойчивого интереса к овладению искусством концертмейстера, а также готовности к систематическим занятиям и упорному труду в создании единого «музыкального организма» и т. д.; обращается внимание на сохранение и продолжение лучших традиций отечественной школы аккомпанемента [7; 17, с. 60–64].

Разные грани деятельности концертмейстера, важнейшие направления и специфика его работы в инструментальном и хореографическом, хоровом и вокальном классах раскрываются в контексте профессиональной подготовки студентов учреждений культуры и искусства при получении среднего специального и высшего образования. В одной из научных работ отмечаются необходимые качества концертмейстера, проявляющие себя в мобильности, ответственности и коммуникативности, а также – в образном мышлении, артистизме, фантазии и способности импровизировать, то есть мгновенно, адекватно реагировать на возникающие изменения в процессе исполнения музыкальных произведений. Интересна позиция в отношении многогранности, универсальности этой профессии, поскольку в деятельности концертмейстера присутствует целый ряд компонентов (организационные, педагогические и психологические) с очевидным приоритетом музыкально-инструментального исполнительства [6, с. 21].

На примере одного из разработанных пособий по концертмейстерскому классу отметим преемственность в развитии этого вида искусства музыкально-инструментального исполнительства, сохранение сложившихся отечественных традиций при совершенствовании организации и обновлении содержания обучения, равно как и методической мысли [9, с. 3–8]. В данном пособии речь идет о постижении основ художественного аккомпанемента, комплексе исполнительских задач и активной роли концертмейстера в воплощении содержания музыкального произведения, воспитании творческого отношения к участию в ансамбле (солист – концертмейстер); раскрывается специфика концертмейстерской деятельности в отношении развития ансамблевого слуха и соблюдения звуковых градаций, осмысленной поддержки гармонической и ритмической опоры при исполнении музыки; объясняется роль концертмейстера в создании творческого импульса для солиста, значение всех средств выразительности партии фортепиано в воплощении музыкального образа и др.

Все большее распространение в практике обучения искусству в высшей школе получает коучинговый подход с рассмотрением различных аспектов взаимодействия преподавателей и студентов; предлагаются конкретные модели продуктивного сотрудничества, уделяется внимание «идеалу» с присутствующими полифункциональными действиями концертмейстера, констатируется ряд его важнейших функций психологического, художественно-исполнительского и др. характера; излагается своего рода «портфель инструментов» для применения коучинга в концертмейстерском классе с целью актуализации творческих ресурсов студентов для решения разнообразных задач при исполнении музыки [12, с. 266–268]. Автором отмечается, что коучинговый подход не противоречит отечественным историко-культурным традициям музыкально-исполнительской практики, позволяет оптимизировать творческое развитие студентов и образовательный процесс в целом.

В числе глубоких и содержательных научных трудов, посвященных именно обучению основам концертмейстерской деятельности с нацеленностью на творческую самореализацию студентов вуза культуры и искусств, следует выделить диссертационное исследование Г. А. Бошук. Принципиально важно воззрение автора в отношении художественно-творческого компонента как основополагающего в структуре специально организуемой деятельности; отметим целостность и органичность заявленных задач при обучении, а также художественно-эстетический ракурс при гармоничном рассмотрении творчества как такового (исполнительского, композиторского); классично представлена специфика учебной деятельности при овладении исполнительским мастерством на основе принципа интерпретации музыкальных произведений, упомянута необходимость в обучении студентов весьма тонкому ощущению «границ дозволенного» в части творческой интерпретации при исполнении музыки [4, с. 13].

Обратим внимание на принципиально важное сочетание в обучении концертмейстерству методов общей дидактики и методов, соответствующих специфике осваиваемой музыкально-исполнительской деятельности. В качестве известных методов дидактики Г. А. Бошук называются словесный и наглядно-иллюстративный, репродуктивный, а также поисковый как «художественно-эвристический». В разработанном и апробированном авторском комплексе методов и приемов, свойственных концертмейстерскому исполнительству на фортепиано, выделим такие, как «гармоническая схема», «смысловые догадки», «впередсмотрящий», поиск «опорных точек» и обозначенные этапы с целью развития навыка чтения нот с листа. Отметим также методику чтения альтового и тенорового ключей, эскизное разучивание, а также – тренировку памяти «на условности» [3; 4, с. 17–18]. Данный теоретико-методический подход в постижении основ концертмейстерского искусства органично соединяет общедидактическое и специфическое, представляется перспективным для вдумчивого и осознанного освоения этой профессиональной деятельности.

На основе предпринятого рассмотрения видится необходимым уточнение отдельных ключевых понятий в области концертмейстерского искусства для дальнейшего теоретического осмысления и/или переосмысления, возможного обсуждения, практического применения в системе высшего музыкального образования. В контексте проблематики данной работы представим понятия в одном значении и в рамках музыки (вокальной и инструментальной; сольной, ансамблевой, хоровой, оркестровой).

Концертмейстер – пианист, содействующий исполнителям разных видов музыкального искусства в постижении, освоении выразительно-смысловых художественных средств произведений разных эпох, стилей, жанров, форм; равноправный партнер при ансамблевом исполнительстве для творческой интерпретации содержания музыки в учебной и концертной деятельности.

Искусство концертмейстера – специфическая форма творческого воспроизведения в исполнительском ансамбле духовно-нравственного содержания, интонационно-смысловой природы музыкального искусства в разных его видах; ситуативная соподчиненность певцам, инструменталистам при выражении художественных идей и музыкальных образов, воплощении эмоциональных контекстов и эстетических идеалов исполняемых произведений.

Концертмейстерская деятельность – процесс восприятия, познания и творческого воссоздания, интерпретации философско-эстетической, историко-культурной, интонационно-выразительной и смысловой сущности произведений в ансамблевом музыкально-исполнительском искусстве. Концертмейстерской деятельности – уникальной в своем многообразии, не существующей вне солиста, ансамбля, хора, оркестра – присущи особые принципы, раскрывающие характерные черты и дающие более полное представление о ее специфике.

Принцип художественно-эстетического унисона базируется на ансамблевом, эмоционально-драматургическом, образном

и интонационно-смысловом исполнительском единстве при совместной творческой интерпретации музыкальных произведений.

Принцип предуготовленности к импровизации предполагает эмоционально-психологическую устойчивость, настроенность на возможные изменения исполнителем нюансов при интерпретации музыкальных произведений; подразумевает наличие развитых пианистических возможностей для творческих решений непредсказуемых ситуаций во время концертных выступлений и в учебной деятельности.

Принцип сотворчества в интерпретации олицетворяет одухотворенное взаимодействие, взаимообусловленность, взаимозависимость исполнителей в эмоциональном, образном, интонационно-выразительном контексте при поиске и воплощении смыслов «живой музыкальной речи».

Обобщим сказанное. На примере рассмотренных научных, учебных и методических трудов очевидно глубокое, содержательное переосмысление роли концертмейстерского исполнительства на фортепиано в системе современного высшего музыкального образования. Концертмейстерское искусство с характерной полифункциональностью деятельности, само положение пианиста-концертмейстера в настоящее время являет собой позицию гораздо более высокого уровня, равноценную с солистом по смыслу и значению. «Примат содержания» А. А. Люблинского представляет не только «универсальный принцип», но и ключевой концепт, где в свернутом виде отражена вся совокупность идей для дальнейшей оптимизации теоретико-методологических основ при обучении «художественности сопровождения». Кратко очерченные функции, предлагаемые ключевые понятия и специфические принципы могут и должны быть дополнены, расширены с целью развития и упрочения современной научно-методической базы, сохранения имеющихся отечественных достижений, использования при обучении концертмейстерскому искусству в условиях цифровизации музыкального образования в высшей школе.

Список литературы

1. *Байбикова Г. В., Путинцева Т. С.* Концертмейстерский класс: учебно-методическое пособие. Белгород: БГИИК, 2021. 136 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/214796>
2. *Борев Ю. Б.* Эстетика: Учебник по курсу «Эстетика» для студентов вузов. Москва: Высшая школа, 2002. 511 с.
3. *Бошук Г. А.* Методы, активизирующие креативные способности студентов в процессе концертмейстерской практики в вузе // Многоуровневая система профессионального художественного образования: современные технологии обучения (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля искусств России, композитора Г. М. Плотниченко): Сборник материалов Третьей Южно-Российской научно-практической конференции. Краснодар, 2003. С. 300–308.
4. *Бошук Г. А.* Педагогические основы творческой самореализации личности студента в концертмейстерской практике в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2004. 23 с.
5. *Иванова И. К.* Искусство концертмейстерского мастерства // Восточно-европейский научный журнал. 2016. № 7. С. 148–150.
6. *Кабкова Е. П.* Возможности расширения спектра профессиональной подготовки студентов в высшем и среднем специальном образовании в сфере культуры и искусства // Казанский педагогический журнал. 2019. № 4. С. 20–23.
7. *Калицкий В. В.* История формирования учебной дисциплины «Концертмейстерский класс» // Музыкальное искусство и образование. 2017. № 2. С. 99–112.
8. *Калицкий В. В.* Методика преподавания дисциплины «Концертмейстерский класс» в вузе: учебно-методическое пособие. 2-е изд. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2022. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/195710>
9. Концертмейстерский класс: учебно-методическое пособие / составители Н. Я. Лузум [и др.]; под редакцией И. Г. Кузнецовой. Нижний Новгород: ННГК им. М. И. Глинки, 2012. 62 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/108404>
10. *Кравец М. В., Борисова Е. Н.* Психолого-педагогический аспект подготовки будущего пианиста-концертмейстера в контексте профессиональной коммуникативной среды // Концепт. 2017. № 3 (март). [Электронный ресурс]. URL: <http://ekoncept.ru/2017/170067.htm>
11. *Кубанцева Е. И.* Концертмейстерский класс: Учебное пособие для студентов музыкальных факультетов педагогических вузов. Москва: Академия, 2002. 181 [2] с.
12. *Курицкая Л. В.* Коучинговый подход в работе со студентами концертмейстерского класса // Мanuscript. 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 265–269. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.49>
13. *Люблинский А. А.* Теория и практика аккомпанемента: Методологические основы / Ленинградская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. Ленинград: Музыка. Ленинградское отделение, 1972. 80 с.
14. *Нигматов З. Г., Шакирова Л. Р.* Теория и технологии обучения в высшей школе: курс лекций. Казань: Казанский ун-т, 2013. 463 с.
15. *Островская Е. А.* Концертмейстерское искусство: педагогика, исполнительство и психология // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 1. С. 106–107. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1755>
16. *Паранина Е. В., Сизова О. А.* Организация самостоятельной работы студента в классе концертмейстерского мастерства: учебное пособие. Нижний Новгород: ННГК им. М. И. Глинки, 2014. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/108422>

17. Пономарёва Е. И. Советы начинающим концертмейстерам (специфика работы в вокальном классе) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2014. № 4(17). С. 60–66.
18. Самсонова Л. Н., Ануфриева Н. И. Роль объективного музыкального содержания в сотворческом процессе концертмейстера и студента-вокалиста // Будущее науки-2020: Сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции. В пяти томах. Том 3. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 88–90.
19. Соловьёва Л. А. Формирование профессиональных и психолого-педагогических качеств музыканта-концертмейстера // Концепт. 2015. № 06 (июнь). ART 15189. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15189.htm>
20. Хотенова Н. Н. Методика преподавания концертмейстерского класса: учебное пособие для самостоятельной работы студентов консерваторий и вузов искусств. Магнитогорск: ГБОУ ВО ЧО «МаГК (академия) им. М. И. Глинки», 2020. 72 с.
21. Цатурян К. А. Педагогические основы освоения учащимися нового музыкального материала: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1984. 16 с.
22. Юдин А. Н. Изучение отечественного концертмейстерства первой половины XX столетия в контексте учебного курса «История и теория аккомпаниаторского искусства» // Музыкальное искусство и образование. 2014. № 3. С. 113–126.
23. Юдин А. Н. Актуальные вопросы подготовки пианистов к концертмейстерской деятельности // Музыкальное искусство и образование. 2016. № 4. С. 103–112.

*

Поступила в редакцию 24.03.2024

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-92-97>

А. И. Юдина

Московский государственный институт культуры,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Е. Ф. Черняк

Кемеровский государственный институт культуры,
Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: lenablack57@mail.ru

А. В. Григорьева

Кузбасский государственный технический университет (филиал в г. Белово),
Белово, Кемеровская область, Российская Федерация,
e-mail: grigorieva_av@list.ru

Аннотация. Авторами отмечается, что основы воспитания культуры безопасного поведения молодёжи заложены в самой системе государственного образования и подчеркивается актуальность изучения аспектов воспитания, связанных с культурой безопасного поведения молодежи, сегодня. Оно направлено на формирование ответственного отношения к обеспечению безопасности в различных сферах жизни общества. Важность заботы о безопасности рассматривается на уровне государственной идеологии, а обязанность по обеспечению безопасности считается высшим долгом каждого гражданина. На основе изучения научных трудов и анализа практического педагогического опыта авторами статьи рассмотрен потенциал воспитательных практик советского периода, что

ЮДИНА АННА ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической и воспитательной деятельности, Московский государственный институт культуры

ЧЕРНЯК ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, Кемеровский государственный институт культуры

ГРИГОРЬЕВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Московский государственный институт культуры; начальник учебно-методического отдела, Кузбасский государственный технический университет (филиал КузГТУ в г. Белово)

YUDINA ANNA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Educational, Methodological and Educational Activities, Moscow State Institute of Culture

CHERNYAK ELENA FEDEROVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Directing Theatrical Performances and Celebrations, Kemerovo State Institute of Culture

GRIGORIEVA ANASTASIA VLADIMIROVNA – undergraduate student, Moscow State Institute of Culture; Head of the Educational and Methodological Department, Kuzbass State Technical University (Belovo branch)

© Юдина А. И., Черняк Е. Ф., Григорьева А. В., 2024

позволило определить те из них, которые можно использовать в существующих реалиях и внедрить в современное образовательное пространство. Авторами дана сравнительная характеристика отличительных особенностей практики воспитания культуры безопасного поведения молодежи в советский период и в современном образовательном процессе в России.

Ключевые слова: безопасное поведение, воспитание молодежи, мотивация, эффективность трудовой деятельности, педагогические практики.

Для цитирования: Юдина А. И., Черняк Е. Ф., Григорьева А. В. Воспитание культуры безопасного поведения советской молодежи: ретроспективный педагогический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 92–97. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-92-97>

EDUCATION OF A CULTURE OF SAFE BEHAVIOR IN SOVIET YOUTH: RETROSPECTIVE PEDAGOGICAL ANALYSIS

Anna I. Yudina

Moscow State Institute of Culture,
Moscow Russian Federation,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Elena F. Chernyak

Kemerovo State Institute of Culture,
Kemerovo, Russian Federation,
e-mail: lenablack57@mail.ru

Anastasia V. Grigorieva

Kuzbass State Technical University (Belovo branch),
Belovo, Kemerovo region, Russian Federation,
e-mail: grigorieva_av@list.ru

Abstract. The authors note that the foundations for fostering a culture of safe behavior for youth are laid in the public education system itself, and emphasize the relevance of studying aspects of education related to the culture of safe behavior for youth today. It is aimed at developing a responsible attitude towards ensuring safety in various spheres of society. The importance of concern for security is considered at the level of state ideology, and the responsibility to ensure security is considered the highest duty of every citizen. Based on the study of scientific works and analysis of practical pedagogical experience, the authors of the article examined the potential of educational practices of the Soviet period, which made it possible to identify those that can be used in existing realities and introduced into the modern educational space. The authors provide a comparative description of the distinctive features of the practice of instilling a culture of safe behavior among young people in the Soviet period and in the modern educational process in Russia.

Keywords: safe behavior, youth education, motivation, work efficiency, pedagogical practices.

For citation: Yudina A. I., Chernyak E. F., Grigorieva A. V. Education of a culture of safe behavior in soviet youth: retrospective pedagogical analysis. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 92–97. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-92-97>

На современном этапе развития общества высокий уровень автоматизации в производственной среде делает актуальной проблему подготовки будущих специалистов технического профиля в рамках безопасного поведения в профессиональной среде. Проблеме теоретических и методических особенностей формирования культуры безопасности в образовательных организациях уделено достаточное количество научных работ.

В педагогической теории и практике аспекты формирования культуры безопасности были раскрыты рядом ученых (Н. П. Абаскалова, В. В. Анисимов, Е. В. Бурмистрова, Ю. Л. Воробьев, В. В. Гафнер, Л. Н. Горина, В. Н. Мошкин, Л. А. Михайлов, С. В. Петров, Ю. В. Репин, А. М. Якупов, В. Д. Ширшов и др.)

В научных исследованиях В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева, С. Э. Косынкиной, Н. П. Кудяшева, Е. О. Лазебной, Е. Ю. Половневой, Н. Е. Харламенковой и др. представлен педагогический анализ сущности безопасного поведения молодежи.

В рамках научной статьи нам интересен опыт советской системы безопасного поведения, что позволит лучше понять эволюцию подходов к обеспечению безопасности и осознать важность адаптации и обновления системы для более эффективного предотвращения угроз.

В советский период государство уделяло огромное внимание воспитанию молодежи, это было связано с утверждением только одной идеологии – коммунистической. В советской педагогике развивалась негативная тенденция к лимитированию предмета воспитания. Воспитание человека подменялось формированием политизированной личности, упор делался на общественную сущность человека. Такая тенденция преобладала в педагогической практике и являлась причиной недостаточного раскрытия потенциала процесса воспитания.

Вследствие новаторского движения учителей (Ш. А. Амонашвили, Е. Н. Ильин, И. П. Волков, В. А. Караковский, С. Н. Лысенкова, Л. А. Никитин, Б. П. Никитин, В. Ф. Шаталов) в советский период начинают происходить важные изменения в обучении и воспитании, появляются новые подходы и способы организации учебно-воспитательного процесса.

В Советском Союзе основы воспитания культуры безопасности были заложены в системе государственного управления и образования. Они были направлены на развитие у молодежи должного отношения к вопросам безопасности во всех сферах жизни общества, поэтому забота о безопасности рассматривалась на уровне государственной идеологии и считалась высшим долгом каждого гражданина.

Объектом безопасности становились жизнь, здоровье, права и свободы, материальные и духовные ценности человека. Поэтому формирование культуры безопасности, влияющей на степень развития личности, являлось важной задачей образовательной организации в реализации социозащитной функции.

В диссертационной работе Сорокина Л. А. указывает тот факт, что «система образования призвана обеспечить воспитание личности безопасного типа, не только хорошо знакомой с современными проблемами безопасности, осознающей их исключительную важность, но и умеющей их решать, разумно сочетая личные интересы с интересами общества. Эффективное становление «безопасной» личности возможно лишь при соответствующем обучении безопасному поведению» [7, с. 3].

Не отвергая достижений коммунистического воспитания, Степанов Е. Н. все же утверждает, что основным предметом воспитательной деятельности выступал не отдельный гражданин, а коллектив. В этом случае воспитательный процесс выражался в максимальном охвате и тотальном контроле за гражданами [6]. Это же коснулось и воспитания мотивации обучающихся и молодежи к безопасному труду.

Основным показателем эффективности трудовой деятельности любого работника было выполнение плановых показателей, часто в ущерб личной безопасности работника. Профсоюзы пытались контролировать данный процесс.

Гуменюк А. А. отмечает, что к концу 40-х годов в СССР имелось «5 научно-исследовательских институтов, 12 лабораторий по охране труда. Соблюдение правил техники безопасности на производстве и законов о труде контролировали 900 тыс. членов комиссий

по охране труда при фабрично-заводских комитетах профсоюзов и общественных инспекторов. Ассигнования на охрану труда по сравнению с предвоенными годами увеличилось в 5 раз», но производственный травматизм оставался на высоком уровне [1, с.106].

Основными причинами высокого травматизма в советские годы являлись:

1. организационные (частые авралы, штурмовщина, допуск к работе рабочих в алкогольном опьянении);
2. санитарно-гигиенические (плохое освещение, запыленность, загазованность, отсутствие надлежащей спецодежды и др.);
3. технические (низкий уровень механизации при большой доле ручного труда).

Эффективным инструментом, который способствовал снижению уровня травматизма и сохранению жизни и здоровья, стала система образования и воспитания, формирующая необходимые знания, навыки и осознанное отношение к безопасности.

Система образования в Советском Союзе включала обязательные учебные программы по темам безопасности, начиная с начальных классов. Учеников обучали основам охраны труда, промышленной безопасности, а также основам гражданской обороны.

С 1 сентября 1991 года Постановлением Совета министров РСФСР в учебных заведениях страны вводится специальный учебный курс «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ).

В классической педагогике совместно с общими вопросами воспитания и образования с середины XIX века важная роль отводится вопросам воспитания гигиены труда, здорового образа жизни и навыков безопасного поведения.

В 1960 годы периода так называемой «холодной войны» окончательно сформировалась система гражданской обороны СССР. Именно тогда в населенных пунктах и крупных предприятиях стали появляться штабы гражданской обороны и проходили специальные учения. Выпускались брошюры с правилами поведения в условиях чрезвычайных ситуаций. Проводились лекции и практиче-

ские занятия, программы которых были разработаны для всех категорий граждан.

Таким образом, создание системы гражданской обороны, подразумевавшей готовность к действиям при чрезвычайных ситуациях, также способствовало воспитанию культуры безопасного поведения молодежи; у граждан формировались знания и навыки для действий в условиях военного времени или природных катастроф.

Важной составляющей воспитания молодежи в советский период была массовая пропаганда, в том числе через средства массовой информации. В то же время различные публикации, фильмы и другие формы искусства не всегда пропагандировали правила безопасного поведения. Воспитание безопасности сводилось к высмеиванию недостатков в стенгазетах и наказанию нарушителей.

Официальная культура чаще воспитывала легкомысленное отношение к личной безопасности. Например, в известном советском фильме про молодых работников завода «Весна на Заречной улице» (режиссёры Марлен Хуциев, Феликс Миронер (1956) демонстрировалось нарушение ношения спецодежды. На многих памятниках советского периода, посвященных самоотверженному труду рабочих, отсутствуют каска и другие средства индивидуальной защиты (например, памятник «Тыл – фронту» в Магнитогорске).

Известные педагоги Макаренко А. С., Шацкий С. Т., Сухомлинский В. А., Конникова Т. Е., Иванов И. П. разработали теоретические основы педагогической методики воспитательного воздействия коллектива [3; 9; 8; 4; 2]. В педагогической науке принцип воспитательного коллектива становится базовым, ориентированным на формирование духовно-нравственных ценностей молодого поколения и творческую реализацию личности.

Практика воспитания советского периода претерпела кардинальные изменения. Так советская система безопасного поведения сконцентрировалась на предотвращении угроз для безопасности общества и акцентировалась на защите общественных ценностей и контроле над людьми. Безопасность базировалась на твердых стандартах и государственной заботе о гражданах.

Советская система безопасного поведения была ориентирована на физическую безопасность, а современная система еще акцентирует внимание на кибербезопасности, информационной безопасности и безопасности личных данных. Это связано с развитием цифровых технологий и новыми вызовами, которые они представляют для общества. Принципы и подходы к обеспечению безопасности в данное время существенно изменились. Следует говорить о растущей сложности и разнообразии современных угроз. Это терроризм, кибератаки и другие формы нарушения безопасности. В приоритете государства – предотвращение негативных и трагических событий и угроз, а также развитие культуры безопасности в обществе.

Если в советский период в центре воспитательной деятельности был коллектив, то ключевым отличием современной системы является индивидуальное участие в обеспечении безопасности каждого члена общества. Также современная система использует передовые технологии и интеллектуальные системы анализа данных для выявления потенциальных угроз и предотвращения их.

В своей работе «От советского к постсоветскому воспитанию: попытка осмысления изменений» Степанов Е. Н. выделил ряд изменений идей и практик воспитания [5]. Основываясь на данной им краткой характеристике произошедших перемен, предложим

таблицу 1, в которой отразим отличительные особенности воспитания культуры безопасного поведения молодежи.

Исследование потенциала воспитательных практик советского периода, позволило нам определить те, которые, на наш взгляд, можно внедрить в современное образовательное пространство.

Важная роль в воспитании детей и молодежи советского периода принадлежит организованным в школах октябрятским группам, пионерским отрядам, комсомольским организациям. Военная обязанность и готовность к защите от внешних угроз играли ключевую роль в формировании культуры безопасности. В школах проводились военно-патриотические мероприятия, в том числе учения и симуляции чрезвычайных ситуаций. Огромным достижением советского периода было создание непререкаемого авторитета преподавателей. В современных учебных заведениях необходимо создавать если не организации, то хотя бы рабочие группы по изучению вопросов безопасности.

Эти и другие аспекты воспитания культуры безопасного поведения молодежи советского периода важные и значимые потому, что смогли обеспечить преимущество советского воспитания относительно постсоветского в эффективности влияния на развитие мотивации к безопасному поведению молодежи.

Образовательное пространство советского периода	Современное образовательное пространство России
Моноsubjектное управление воспитательным процессом.	Полиsubjектное управление воспитательным процессом.
Формирование личности.	Развитие человека – гражданина.
Массовое воспитание.	Развитие конкретного человека.
Единообразие воспитательного процесса.	Вариативность воспитательного процесса.
Авторитарно-императивное педагогическое взаимодействие.	Гуманистическое педагогическое взаимодействие.
Формализм и мероприятийность в организации воспитания.	Событийность в организации воспитания.
Аспектно разрозненное построение воспитательной деятельности.	Системное построение воспитательной деятельности.

Таблица 1. Отличительные особенности воспитания культуры безопасного поведения молодежи

В современной педагогической практике, опирающейся на опыт советской системы воспитания, решаются следующие задачи:

- развитие способностей и личностных качеств молодежи в условиях чрезвычайных ситуаций и подготовки к адекватным действиям;
- воспитание нравственной, психологической и физической готовности к профилактическим действиям и преодолению опасных ситуаций;
- организация и проведение мероприятий, в рамках которых проводятся игры, упражнения, викторины, соревнования на знания и практические действия в смоделированных условиях опасности;
- демонстрация эталонных решений и успешных действий в рамках профилактики и преодоления чрезвычайных ситуаций.

На этом основании можно сделать вывод о том, что в советский период мероприятия по воспитанию культуры безопасного поведения решали вопросы образовательные, идеологические, массовые и военно-патриотические.

До сих пор воспитательные практики советского периода являются предметом изучения в исторических, социологических и педагогических науках. Одни специалисты отмечают методы формирования коллективизма, другие считают неприемлемым ограничение свободы личности и идеологическую пропаганду, постулаты которой *расходились с реалиями жизни*. Изучение советской системы безопасного поведения позволит лучше осознать трансформацию подходов к воспитанию культуры безопасного поведения молодежи, осознать их значимость и эффективность.

Список литературы

1. *Гуменюк А. А.* Охрана труда в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. История и международные отношения. 2015. Т. 15, выпуск 1. С. 106–114.
2. *Иванов И. П.* Воспитывать коллективистов: Из опыта работы школ Ленинграда и Ленинградской области. Москва: Педагогика, 1982. 80 с.
3. *Конникова Т. Е.* Роль коллектива в формировании личности школьника: автореф. дис... д-ра пед. наук / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Ленинград, 1970. 57 с.
4. *Макаренко А. С.* Воспитание детей в семье и школе / С предисловием проф. В. Колбановского. Махачкала: Даггиз, 1941. 168 с.
5. *Степанов Е. Н.* От советского к постсоветскому воспитанию: попытка осмысления изменений // Мастерство online № 1(30), 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ripo.by/index.php?id=5712>
6. *Степанов Е. Н.* Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Сфера, 2008. 220 с.
7. *Сорокина Л. А.* Формирование готовности подростков к безопасному поведению в повседневной жизни: автореф. дис... канд. пед. наук. Тюмень, 2010. 23 с.
8. *Сухомлинский В. А.* О воспитании. 4-е изд. Москва: Политиздат, 1982. 270 с.
9. *Шатский С. Т.* Педагогика. Избранные сочинения в 2 т. Том 1, 2-е изд., стер. Москва: Юрайт, 2023. 269 с.

*

Поступила в редакцию 13.03.2024

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ НА БАЗЕ ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.61

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-98-106>

В. В. Матвеев

Орловский государственный институт культуры,
Орел, Российская Федерация,
e-mail: rector@ogik.ru

А. А. Анненкова

Орловский государственный институт культуры,
Орел, Российская Федерация,
e-mail: lprorector@ogik.ru

Е. Е. Семенова

Орловский государственный институт культуры,
Орел, Российская Федерация,
e-mail: e.semyonova@ogik.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, затрагивающие трудоустройство студентов, выпускников вузов и молодых специалистов. На примере Орловского государственного института культуры, на базе Центра развития компетенций и карьеры, представлены мероприятия по оценке и формированию надпрофессиональных компетенций, развитию потенциала к трудоустройству выпускников и студентов вуза, непосредственное взаимодействие с работодателями и органами управления регионального и областного значения. Авторами проанализированы взаимоотношения между обучающимися, преподавателями, компаниями-работодателями и органами управления, представлены функции каждой целевой аудитории и рассмотрены задачи по планированию трудовой деятельности, ориентации на потребности работодателей, созданию

МАТВЕЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, ректор Орловского государственного института культуры

АННЕНКОВА АЛЛА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной, научной и международной деятельности Орловского государственного института культуры

СЕМЕНОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат технических наук, доцент, начальник Центра развития компетенций и карьеры Орловского государственного института культуры

MATVEEV VLADIMIR VLADIMIROVICH – DSc in Economic Studies, Professor, Rector of the Oryol State Institute of Culture

ANNENKOVA ALLA ANATOLYEVNA – CSc in Economic Studies, Associate Professor, Vice-Rector for Academic, Scientific and International Activities of the Oryol State Institute of Culture

SEMEANOVA ELENA EVGENIEVNA – CSc in Technical Sciences, Associate Professor, head of the Center for Development of Competencies and Careers of the Oryol State Institute of Culture

© Матвеев В. В., Анненкова А. А., Семенова Е. Е., 2024

образовательных программ и степени готовности студентов к самореализации. В связи с кадровым голодом Центр развития компетенций и карьеры переориентирует трудоустройство в новую модель, которая интегрирует работодателей в научно-образовательные процессы и обеспечивает содействие эффективного применения труда выпускников вузов. Центры теперь могут сами вовлекать работодателей в учебные учреждения в качестве промышленных партнеров для обеспечения кадрами приоритетных отраслей, повышения производительности труда и развития условий труда для молодых специалистов.

Ключевые слова: трудоустройство, потенциал, целевая аудитория, надпрофессиональные компетенции, трудовая деятельность, центр, карьера, самореализация.

Для цитирования: Матвеев В. В., Анненкова А. А., Семенова Е. Е. Социокультурные аспекты создания центров развития компетенций на базе институтов культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 98–106. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-98-106>

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CREATION OF COMPETENCY DEVELOPMENT CENTERS BASED ON UNIVERSITIES OF CULTURE

Vladimir V. Matveev

Oryol State Institute of Culture,
Oryol, Russian Federation,
e-mail: rector@ogik.ru

Alla A. Annenkova

Oryol State Institute of Culture,
Oryol, Russian Federation,
e-mail: 1prorector@ogik.ru

Elena E. Semenova

Oryol State Institute of Culture,
Oryol, Russian Federation,
e-mail: e.semyonova@ogik.ru

Abstract. The article deals with topical issues affecting the employment of students, university graduates and young professionals. Using the example of the Oryol State Institute of Culture, on the basis of the Competence and Career Development Center, measures are presented to assess and form supra-professional competencies, develop the potential for employment of graduates and students of the university, direct interaction with employers and government bodies of regional and regional significance. The authors analyzed the relationship between students, teachers, employer companies and management bodies, presented the functions of each target audience and considered the tasks of planning work, regulating the needs of employers, creating educational programs and the degree of readiness of students for self-realization. In connection with the shortage of personnel, the Center for Competence and Career Development is reorienting employment to a new model that integrates employers into scientific and educational processes and ensures the promotion of the effective use of labor of university graduates. Centers can now themselves involve employers in educational institutions as industrial partners to provide personnel to priority sectors, increase labor productivity, and develop working conditions for young specialists.

Keywords: employment, potential, target audience, supra-professional competencies, work activity, center, career, self-realization.

For citation: Matveev V. V., Annenkova A. A., Semenova E. E. Socio-cultural aspects of creation of competency development centers based on universities of culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 98–106. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-98-106>

Актуальной проблемой в нашей стране является трудоустройство выпускников – молодых специалистов окончивших высшие учебные заведения, не имеющих опыта трудовой деятельности на современном рынке труда и не имеющих возможности общения с потенциальными работодателями. В связи с этим на территории Российской Федерации начали создавать Центры развития компетенций, которые направляют свою деятельность на создание баз данных для вузов, работодателей и студентов выпускных курсов.

Также серьезной проблемой для молодого поколения является уровень «нетрудоспособности», что может стать основанием для «маргинализации» и возникновения социальных патологий, которые могут привести к сокращению квалифицированных специалистов, являющихся стратегическим ресурсом развития страны. В связи с этим, перед вузами встала проблема по трудоустройству выпускников [3; 7].

По своей сути Центр развития компетенций и карьеры – место встречи студентов, работодателей и региональной власти, которые должны решать свои кадровые вопросы на базе вуза.

Впервые про такие Центры заговорили весной 2021 года. Проблема эта возникла потому, что при опросе студентов и выпускников выяснилось, что практически подавляющее большинство из них говорили о том, что главная их забота – поиск места работы [12].

Первый Центр развития компетенций был создан в августе 2021 года на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы после заседания Наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей». Затем Центры развития компетенций начали открываться в университетах Москвы, Томска, Самары, Санкт-Петербурга, Владикавказа, Твери, Якутска и т. д.

Центры развития компетенций создавались в масштабе всей страны как система диагностики и развития универсальных компетенций в результате стремительного роста требований работодателей к качеству молодых специалистов, которые покинули университетские аудитории и вышли на рынок труда.

Работодатели, в свою очередь, ожидают от молодых специалистов не только достойного уровня полученных профессиональных компетенций, но и развитых *универсальных* компетенций, тех самых «софт скиллс». Проект «Центр оценки и развития компетенций» на президентской платформе АНО «Россия – страна возможностей» умеет выделять эти компетенции и разрабатывать инструменты диагностики для формирования индивидуальной траектории развития молодого специалиста. На базе президентской платформы стало возможным выстраивать диалог между работодателем и университетом на новых основаниях. Теперь университеты могут предоставлять работодателям прежде недоступную информацию, а именно – информацию о надпрофессиональных компетенциях, на основании которых работодатели могут формировать свои запросы [12].

Многие студенты признают, что на старте карьеры им не хватает надпрофессиональных навыков, особенно в части их практического применения. В то же время работодатели четко формируют свой запрос к системе образования: на выходе из университетов молодые специалисты должны обладать набором универсальных компетенций [13].

На сегодняшний день открыто уже 90 Центров развития компетенций, которые охватывают практически 200 университетов по всей стране, а количество студентов, прошедших оценивание их надпрофессиональных компетенций, превысило 400 000.

Это говорит о том, что теперь студенты Российской Федерации имеют возможность не только получить оценку о текущем состоянии своих надпрофессиональных компетенций, но и построить личную траекторию развития, пройти дополнительные подготовительные курсы, получить консультации на базе университетов, найти себе команду и реализовать свои возможности [16].

Если говорить в целом о проекте, то задача стоит грандиозная: оценить проблему и обеспечить ее решение посредством развития надпрофессиональных компетенций в системе высшего образования страны.

Центр развития компетенций и карьеры в Орловском государственном институте культуры был создан 1 декабря 2022 года. Центр работает по следующим направлениям: управление взаимодействием, энергия, управление задачами, общие знания и ценности (см. рисунок 1). Эти направления объеди-

нили в себе двадцать две надпрофессиональные компетенции необходимые для развития универсальных компетенций у обучающихся и выпускников: лидерство; эмоциональный интеллект; оказание влияния; партнерство/сотрудничество; клиентоориентированность; наставничество; анализ информации и выработка решений; планирование и организация; стратегическое мышление; следование правилам и процедурам; ориентация на результат; стрессоустойчивость; инновационность; адаптивность/гибкость; саморазвитие; цифровая грамотность; финансовая грамотность; правовая грамотность; коммуникативная грамотность; честность и этичность; служение Родине; семейные ценности [4].

Цель создания Центра на базе института культуры – гармонизация системы высшего образования и развития потенциала к трудоустройству выпускников, то есть помочь студенту после окончания вуза найти и сохра-

Рисунок 1. Направления надпрофессиональных компетенций

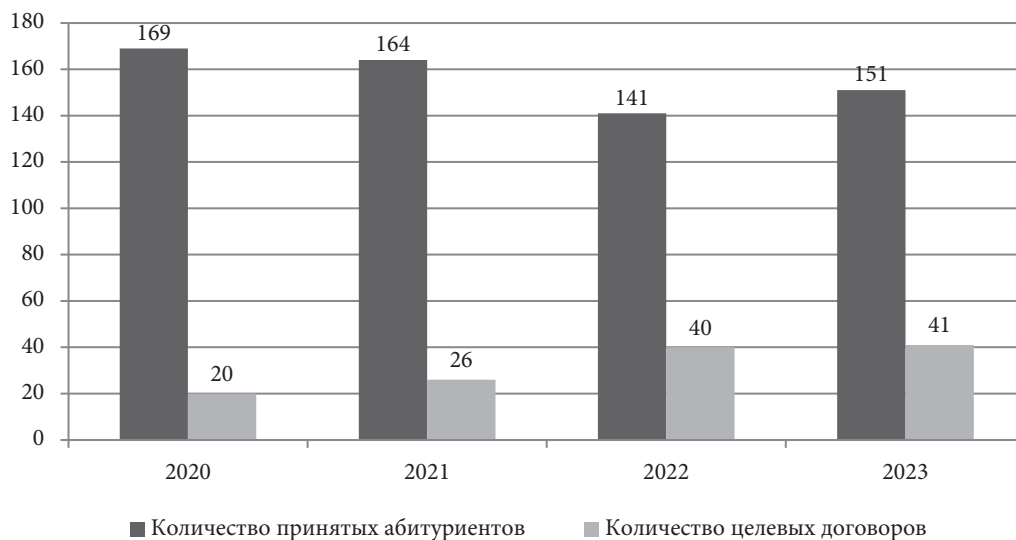

Рисунок 2. Динамика количества целевых договоров

нить достойную работу. Задачами развития центра является своевременная ориентация на потребности работодателей и создание образовательных программ для выявления над- профессиональных компетенций у студентов.

На базе Центров карьеры студенты готовятся переходить из статуса обучающегося в статус работающего. Это один из лифтов, которыми занимается АНО «Россия – страна возможностей». Особенностью создания Центра является дополнительное обучение выпускников на курсах, актуальных для развития нужных компетенций, и выдача им удостоверения повышения квалификации государственного образца.

В ходе обучения студенты уже могут тренировать свои навыки, набираться опыта и проявлять себя. В Центре проводятся форумы, где потенциальные работодатели высказывают свои требования к обучающимся – будущим работникам [6].

Обеспечение достойного уровня трудоустройства в Орловском государственном институте осуществляется посредством заключения целевых договоров уже во время образовательного процесса. Целевые договоры, по своей сути, уже обеспечивают трудоустройством выпускника вуза. По условиям

договора студент после окончания вуза должен отработать не менее трех лет на предприятии, заключившем целевой договор.

Ежегодно институт заключает около 60% целевых договоров от общего набора абитуриентов на места, выделяемые Федеральным бюджетом Российской Федерации.

Также основными видами деятельности Центра развития компетенций и карьеры ОГИК являются:

- взаимодействие с работодателями на ярмарках вакансий, действующих на платформах «Работа в России»;
- проведение Дня карьеры;
- оценка уровня развития компетенций у студентов и разработка рекомендаций по его повышению;
- временное трудоустройство обучающихся на базе института;
- проведение практик и стажировок;
- организация дополнительного профессионального образования и т. д. [12].

Естественно, свою деятельность Центр ведет в зависимости от специфики института. С одной стороны, Центр ведет работу непосредственно по трудоустройству, профориентации и адаптации выпускников к современному рынку труда, с другой

Задачи	Студенты	Преподаватели	Работодатели
Взаимодействие с работодателями (форум работодателей, ярмарка вакансий)	+		+
Оценка уровня компетенций обучающихся и разработка рекомендаций	+		
Организация курсов повышения квалификации, практик, стажировок	+	+	
Организация временного трудоустройства обучающихся	+		+
Разработка и внедрение программ по развитию навыков поведения на рынке труда		+	
Изучение рынка труда молодых специалистов и информирование о спросе вакансий	+		

Таблица 1. Виды деятельности Центра развития компетенций и карьеры

стороны, – по формированию и мотивации к самостоятельному построению карьеры и развитию компетенций. Кроме этого, вуз может сконцентрироваться на подготовке преподавателей, обучающих методам формирования компетенций.

Современный мир ускорил процесс развития инноваций и глобализации во всех сферах, что вынуждает человека овладеть такими навыками, как умение быстро учиться и способность к постоянному обучению [1]. Эти качества, несомненно, влияют на общие навыки и развивают новые, что дает больше шансов на получение работы и способствует дальнейшему эффективному выполнению своих профессиональных задач. В свою очередь, именно Центры развития компетенций помогают не только студентам, но и работодателям.

Целевой аудиторией для Центра, в первую очередь, выступают студенты и выпускники вуза. Важно понимать, что вопрос трудоустройства должен изучаться не только с теоретической и практической точки зрения, но и в целях информирования о значимости планирования своей трудовой деятельности для развития и продвижения на современном рынке труда [2; 16; 17].

Основными функциями Центра для данной целевой аудитории являются:

- взаимодействие с молодежными организациями по вопросу трудоустройства;

- организация научных исследований вопросов занятости молодого населения;
- информирование студентов о потенциальных работодателях, о возможностях прохождения практик и стажировок, о требованиях, предъявляемых к соискателю, а также информирование работодателей и руководителей, государственных и муниципальных учреждений.

Профессорско-преподавательский состав вуза является ключевым звеном в процессе развития необходимых навыков, поэтому ППС тоже является целевой аудиторией Центра. ППС может оценить степень развития у студентов необходимых навыков, определить их потенциал и степень готовности к самореализации. Основными функциями работы Центра для данной целевой аудитории являются:

- обучение по программам дополнительного образования и профессиональной подготовки;
- разработка и внедрение программ практик и стажировок;
- реализация работы кафедр и факультетов по вопросам развития компетенций и трудоустройства выпускников посредством образовательных программ дополнительного образования [13].

На основании изученных материалов – на примере Орловского государственного института культуры – нами также предлагаются методы по трудоустройству выпускников с использованием определенных направлений по взаимодействию с учреждениями культуры и региональными органами управления.

1. Орловский государственный институт культуры использует как традиционные направления работы по трудоустройству выпускников – Ярмарки вакансий, Дни карьеры, тесно сотрудничая с Центрами занятости населения Орла, Брянска, Тулы, Липецка, Белгорода, Курска, так и формы работы, продиктованные пандемией коронавируса: участие в цифровых ярмарках вакансий на различных платформах, таких как Факультетус в формате онлайн.

2. С 2021 года Институт стал своего рода амбассадором между представителями органов управления в сфере культуры и работодателей.

3. В регионах присутствия ОГИК насчитывается порядка 9000 учреждений культуры и искусства. Лишь 113 из них заключили договоры о целевом обучении. И только 5 заказчиков «целевиков» из 113 или 4% – это региональные органы управления в сфере культуры. Учитывая такую низкую потребность в «целевиках», ОГИК стал инициатором проведения серии нетворкинг-сессий «Подготовка кадров для учреждений сферы культуры Центрального федерального окру-

га» с приглашением к диалогу представителей органов управления в сфере культуры и работодателей.

Следует сказать еще об одном важном аспекте деятельности ОГИК, влияющем на востребованность выпускников на рынке труда.

4. Руководство начало осуществлять процедуры профессионально-общественной аккредитации ряда направлений подготовки. В ходе экспертизы, работодатели указали на необходимость увеличения объемов подготовки по получению таких навыков, как организаторские, навыки работы в команде, навыки лидерства, мотивации, коммуникативные навыки. То есть в требованиях, предъявляемых к выпускнику вуза, работодатели делают наибольший акцент не столько на специальных знаниях и умениях, сколько на личностных качествах [11].

За 50 лет работы в Орловском государственном институте культуры выпустилось около 18000 специалистов в области культуры и искусства. Более 90% из них работают в сфере культуры, искусства и сохранения культурного наследия – как в регионах России, так и за рубежом. А в 2022 году – это 96%.

Благодаря Центру развития компетенций и карьеры доля трудоустроенных выпускников стремится к 100%, а также положительным моментом в данном аспекте является то, что большинство выпускников работает по специальности, полученной в вузе.

Период	Количество выпускников, человек	Трудовая деятельность		Продолжение обучения в вузе	Трудоустройство %
		по специальности	другая специальность		
2018	279	209	21	32	92,5
2019	271	235	17	10	93
2020	262	233	13	20	94
2021	224	181	34	7	96
2022	255	239	13	10	98,8

Таблица 1. Данные по трудоустройству выпускников Орловского государственного института культуры за 2018–2022 г

Список литературы

1. *Абрамова А. В., Авиллов И. А.* Проблемы проектирования, применения и безопасности информационных систем в условиях цифровой экономики: сборник научных статей международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2022. 446 с.
2. *Азарков Г. А.* Успешность выпускников и уровень оплаты труда преподавателей как факторы конкурентоспособности университетов Уральского региона. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 217 с.
3. *Борисова А. А.* Конкурентоспособность и профильная занятость выпускников вузов: вопросы теории и методологии: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. 510 с.
4. *Ваза А. М.* Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями, при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов // *Личность: ресурсы и потенциал: сборник научных статей международной научно-практической конференции.* Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2020. С. 116–126
5. *Вахтина Е. А.* Актуальные проблемы профессионального образования и социализации личности в условиях цифровой трансформации общества: монография. Ставрополь: АГРУС, 2021. 196 с.
6. *Вишневецкая Н. Г.* Механизм формирования конъюнктуры молодежного сегмента рынка труда: региональный аспект: учебное пособие. Москва: Директ-Медиа, 2021. 188 с.
7. *Горшков М. К.* Непрерывное образование в современном контексте: монография. Москва: Юрайт, 2023. 200 с.
8. *Двуреченская А. С., Елескина О. В.* Региональная культурная политика: теория и практика (на материале Кемеровской области). Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2010. 260 с.
9. *Карташов С. А., Тохтиева Л. Н.* Рынок труда и занятость населения: 50 лет в службе занятости // *Академия труда и социальных отношений сборник научных трудов: сборник научных статей научно-практической конференции.* Москва: Директ-Медиа, 2023. Том 1. 372 с.
10. *Кязимов К. Г.* Регулирование рынка труда и занятости населения: монография. Москва: Берлин: Директ-Медиа, 2017. 204 с.
11. *Лищук Е. Н., Капелюк С. Д.* Трудоустройство молодых специалистов на российском рынке труда: ключевые тенденции // *Экономика труда.* 2019. № 3. С. 1079–1092.
12. *Матвеев В. В., Анненкова А. А., Семенова Е. Е.* Особенности и перспективы трудоустройства выпускников институтов культуры во взаимодействии с региональными органами управления // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета.* Ставрополь: СКФУ, 2023. № 5 (98) С. 76–85.
13. *Мокеева Е. Ю.* Система подготовки кадров для отраслей социальной сферы в рамках реализации национальных проектов // *Научный журнал: Образование и культурное пространство:* Орел; ОГИК, 2021. № 3. С. 80–88.
14. *Моцалкова В. В.* Практический опыт Калужской международной школы прохождения международных и российских процедур оценки качества образования // *Тенденции развития образования: эффективность образовательных институтов: материалы XVI ежегодной Международной научно-практической конференции (Москва, 14–16 февраля 2019 г.) / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.* Москва: Дело, 2020. 236 с.
15. *Нуждин В. Н.* Стратегия и тактика управления качеством образования: монография. Иваново: Иваново, 2006. 238 с.

16. Садон Е. В., Могилёвкин Е. А. Карьерные компетенции будущего специалиста в период профессиональной подготовки в вузе / Социальная психология труда: теория и практика Т. 1. Москва: Институт философии РАН, 2010. С. 428–449.
17. Солнцев М. Н. Технологический потенциал социально-культурной деятельности в профилактике деструктивных поведенческих стратегий подростков // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки: сборник научных статей международной научно-практической конференции. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 2018. С. 122–127.
18. Труд и вызовы современности: от уроков прошлого к перспективам будущего: сборник научных трудов / под науч. ред. С. А. Шапиро. Москва: Директ-Медиа, 2022. 256 с.

*

Поступила в редакцию 25.03.2024

ГОРОДСКИЕ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ «ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ВУЗ»

УДК 378+374:7+008+37.0

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-107-115>

М. О. Кучеревская

Новосибирский государственный педагогический университет,

Новосибирск, Российская Федерация,

e-mail: keymarina@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ участия преподавателей и студентов педагогического вуза в городском культурно-творческом проекте для школьников с целью развития непрерывного художественного образования в системе «Дополнительное образование – вуз». Высказывается мнение о том, что участие в них студентов художественных профилей подготовки отвечает потребности человека в непрерывном образовании. Реализация в образовательной среде города идеи непрерывного художественного образования проанализирована с опорой на теоретический метод исследования (анализ нормативных документов и литературы по проблеме непрерывного и художественного образования, анализ и синтез, сравнение, обобщение и интерпретация данных). Автор делает выводы, что городские культурно-творческие проекты позволяют активизировать процесс развития непрерывного художественного образования в системе «Дополнительное образование – вуз» на городском уровне при условии взаимодействия заинтересованных субъектов образования, создания координационного центра, доступности информации об их проведении и формах регистрации, при соответствии содержания и формы проведения мероприятий интересам и потребностям участников.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, дополнительное образование, культурно-творческие мероприятия, культурно-творческий проект, непрерывное образование, художественное образование, художественная педагогика.

Для цитирования: Кучеревская М. О. Городские культурно-творческие проекты как условие развития непрерывного художественного образования в системе «Дополнительное образование – вуз» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 107–115. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-107-115>

КУЧЕРЕВСКАЯ МАРИНА ОЛЕГОВНА – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научно-методической работе Института искусств, Новосибирский государственный педагогический университет

KUCHERESKAYA MARINA OLEGOVNA – CSc in Pedagogy, Deputy Director for scientific and methodical work, Institute of Arts, Novosibirsk State Pedagogical University

© Кучеревская М. О., 2024

URBAN CULTURAL AND CREATIVE PROJECTS AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF CONTINUOUS ART EDUCATION IN THE SYSTEM «ADDITIONAL EDUCATION – UNIVERSITY»

Marina O. Kucherevskaya

Novosibirsk State Pedagogical University,

Novosibirsk, Russian Federation,

e-mail: keymarina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the participation of teachers and students of a pedagogical university in a city cultural and creative project for schoolchildren with the aim of developing continuous art education in the “Additional education – university” system. The opinion is expressed that the participation of art students in them meets the human need for lifelong education. The implementation of the idea of lifelong arts education in the educational environment of the city is analyzed based on the theoretical research method (analysis of regulatory documents and literature on the problem of lifelong and arts education, analysis and synthesis, comparison, generalization and interpretation of data). The author concludes that urban cultural and creative projects will make it possible to intensify the process of development of continuous art education in the “Additional education – university” system at the city level, subject to the interaction of interested subjects of education, the creation of a coordination center, the availability of information about their implementation and registration forms, subject to the content and form of the events to the interests and needs of the participants.

Keywords: higher professional education, additional education, cultural and creative events, cultural and creative project, continuing education, art education, art pedagogy.

For citation: Kucherevskaya M. O. Urban cultural and creative projects as a condition for the development of continuous art education in the system “Additional education – university”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 107–115. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-107-115>

Идея непрерывного образования впервые была аргументирована в материалах, опубликованных Организацией Объединенных Наций по вопросам образования в 1970 году и трактовалась как «...необходимость обучения человека на протяжении всей жизни, получения им образования как в существующих видах формального образования, так и в новых, внеинституциональных» [8, с. 38]. С тех пор, благодаря государственной поддержке в области образования разных стран, изучение идеи непрерывного образования носит междисциплинарный характер. В педагогической науке, прежде всего, исследуются такие проблемы организации непрерывного образования как интеграция учебных планов разных уровней образования, творческое саморазвитие личности обучающегося, построение профессиональной карьеры педагогом,

эффективное использование форм, методов и технологий обучения, другие [3; 4; 7; 8].

Для исследований проблемы непрерывного образования характерно разнообразие используемой терминологии. В международных исследованиях чаще используются такие понятия, как «продолжающееся образование», «возобновляемое образование», «непрерывное образование», «непрерывное обучение» и другие. Закрепление понятия «непрерывное образование» в российских нормативно-правовых документах произошло лишь в 2012 году (в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»). На сегодняшний день в отечественных сравнительно-педагогических исследованиях чаще применяют термины «образование в течение всей жизни», «непрерывное профессиональное образование», «образование взрос-

ных как непрерывное образование». При различиях в наполнении содержания понятия и сохранении многообразия употребляемой терминологии, наиболее важными критериями для нашего исследования является указание на формальный и неформальный характер системы непрерывного образования, в котором результаты обучения дают право на переход к следующему уровню образования или являются источником удовлетворения образовательных потребностей личности как элемента самообразования. То есть, формализует такую систему обеспеченность «...государственными и общественными институтами» [2], а неформальный характер ей придает возможность удовлетворить как образовательные потребности личности, так и «...потребность общества в росте образовательного (общего и профессионального) потенциала граждан» [8, с. 41].

С принятием в 2012 году федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» нормативное поле системы непрерывного образования изменилось. Статья 3 (пункты 7, 8, 12) данного закона предусматривает государственное и договорное регулирование права человека на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями, в различных формах обучения и получения образования [13]. Важным аспектом данной деятельности на уровне органов государственной власти Российской Федерации и органов местного самоуправления является оказание содействия обучающимся, показавшим высокий уровень творческих способностей в учебной и научно-исследовательской деятельности, в научно-техническом и художественном творчестве [13].

Как следствие, на уровне городов и регионов нашей страны стали создаваться различные системы сопровождения талантливой творческой молодежи (в том числе сетевые программы профессионального обучения), реализовываться разовые культурно-творческие проекты и мероприятия. На уровне личности формирование такой системы важно для организации досуговой деятель-

ности молодежи, создания условий для ее творческой самореализации в социально одобряемой деятельности. На государственном уровне такая система способна решать задачи воспитания подрастающего поколения, профориентационной работы с молодежью и функционирования подсистем непрерывного образования по определенному профилю подготовки. Одной из таких подсистем является система непрерывного художественного образования.

Исследователи состояния современного российского образования предлагают различные подходы к решению проблемы развития системы непрерывного образования, но единодушны в определении вузов базовой структурной единицей, формирующей любой подход.

В частности, исследователи О. П. Шабанова и М. П. Шабанова указывают на следующие проблемы, провоцирующие негативные тенденции в системе российского образования:

- «...сформирован квалификационный пробел: не хватает специалистов, сочетающих в себе достойный уровень теоретических знаний и практико-ориентированный характер их реализации»;
- «...отчужденность работодателя от подготовки педагогических кадров»;
- «...отсутствие этнохудожественной и образовательной среды будущего учителя»;
- «неготовность к выявлению одаренных детей в раннем возрасте», кадровый голод научных кадров в системе СПО [14, с. 124–125].

Для решения указанных проблем в Курской области был создан Центр научных инноваций в педагогическом образовании (инновационная модель и технология педагогического образования, реализуемая в сетевом взаимодействии вуза, колледжа и других образовательных организаций) [14, с. 125].

Интеграционный подход к решению проблемы непрерывного педагогического образования предлагают Н. Ю. Ган и Л. И. Поно-

марёва: «Новый взгляд на подготовку учителей, обладающих необходимыми компетенциями», формирует запрос к интеграции высшего педагогического, общего и дополнительного образования [5, с. 17]. В подтверждение исследователи приводят успешный опыт получения студентами дополнительных квалификаций на факультете дополнительных профессий Шадринского государственного педагогического университета и опыт созданной в вузе годичной педагогической интернатуры, где студентов выпускных курсов не только распределяют на практику в школы и детские сады, но и прикрепляют на учебный год к наставнику (учителю, воспитателю).

В настоящее время в художественной педагогике также идет поиск моделей организации непрерывного образования, в том числе во взаимодействии учреждений нескольких уровней образования (начального и среднего, среднего и высшего профессионального образования). Например, в 2008–2015 годах в рамках созданной в институте искусств Омского государственного педагогического университета экспериментальной площадки была предпринята попытка построения «...единого художественно-эстетического центра – “художественная школа (начальный уровень) – художественный колледж (средний уровень) – вуз – послевузовское образование (высший уровень)”, в котором определена последовательная образовательная профессиональная система, ориентирующая обучающихся на непрерывное повышение эстетического, творческого, профессионального уровня и научной квалификации выпускников» [12, с. 197]. Опыт экспериментальной площадки способствовал поиску решения таких задач непрерывного образования, как обновление содержания и технологии художественного образования, раннее выявление и развитие одаренных детей и талантливой молодежи.

Уникальный опыт построения системы непрерывного художественного образования в «Дополнительном образовании – вуз» реализуется с 2017 года в институте искусств Новосибирского государственного педагоги-

ческого университета [6]. Эта система позволяет желающим получить начальное художественное образование в рамках деятельности ДАХТиД, пройти подготовительные курсы для поступающих в вуз, освоить основные образовательные программы вузовской подготовки (бакалавриат и магистратура), а также – продолжить обучение в аспирантуре.

Созданная при институте Детская академия художественного творчества и дизайна (далее – ДАХТиД) реализует дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы «Ступени художественного творчества» трех ступеней: «Повелитель чудес» для младших школьников, «Магия искусства» для учащихся среднего и «Арт-мастер» для учащихся старшего школьного возраста, а также – программу подготовки абитуриентов к сдаче творческих экзаменов в вуз [11, с. 334–339]. Важным аспектом данной деятельности является привлечение специалистов вузовского, общего, дополнительного образования к работе в Академии, консолидация профессиональных усилий педагогов дополнительного образования, преподавателей педагогического вуза и профессиональных художников. Как следствие, обучающиеся ДАХТиД имеют возможность выстроить индивидуальный образовательный маршрут к профессиональной деятельности в стенах педагогического университета, пройдя в нем весь цикл обучения от общеразвивающей к профессиональной программе художественной направленности. Непрерывный характер образовательной деятельности ДАХТиД усиливает тот факт, что академия является стажировочной площадкой и базой прохождения учебных практик студентов института искусств.

Идею непрерывности художественного образования поддерживает научно-образовательный центр «Художественное образование» института искусств (далее – НОЦ), в рамках деятельности которого студенты, начиная с первого курса, добровольно пополняют свои знания за счет освоения авторских дополнительных образовательных программ художественной направленности. В структуру

НОЦ входят четыре лаборатории («Современное и традиционное декоративное искусство», «Изобразительное искусство», «Мультимедийный дизайн», «Психолого-педагогические исследования в художественном образовании») и 15–20 творческих мастерских и кружков, состав которых вариативен, так как «... зависит от результатов диагностики потребностей и интересов студентов» [9, с. 70].

Под системой непрерывного художественного образования в данной статье мы понимаем систему государственных и общественных институтов, направленную на удовлетворение потребности человека в художественном творчестве и (или) получение профессионального художественного образования в различных формах.

В настоящее время в России не выработан единый подход к формированию системы непрерывного художественного образования. Несмотря на наличие в структуре образования учреждений различного типа, государственные власти регионов и городов нашей страны по-разному воплощают эту идею:

- формально, когда отслеживается лишь наличие и функционирование в системе образования города (региона) учреждений художественной направленности различных ступеней подготовки (дополнительного, общего и профессионального);
- неформально, что предполагает не только наличие и функционирование учреждений художественной направленности, но и содействие созданию городской (региональной) системы непрерывного художественного образования – через проведение культурно-творческих мероприятий и реализацию долговременных проектов для художественно одаренных детей и молодежи, через организацию деятельности по раннему выявлению и поддержке талантливой молодежи, а также путём согласования учебных планов разных ступенях обучения и требований к выпускникам и абитуриентам.

Результаты исследования. Базовым условием реализации неформального подхода к созданию системы непрерывного художественного образования в городе является взаимодействие органов управления образованием, учреждений дополнительного и профессионального образования, а также наличие Центра, координирующего данную деятельность. Модель такого взаимодействия представлена на рисунке 1.

Таким образом, мы считаем взаимодействие органов управления образованием с педагогическим вузом и учреждениями образования художественной направленности главным признаком неформального подхода к организации системы непрерывного художественного образования в городе. Это взаимодействие обеспечивает реализацию культурно-творческих мероприятий и долговременных проектов, направленных на реализацию права человека на непрерывное образование в течение всей жизни в соответствии с его потребностями, способностями и интересами и (или) получение профессионального художественного образования в различных формах, в том числе деятельности по раннему выявлению художественно одаренных детей и молодежи. Кроме того, культурно-творческие мероприятия и проекты всегда вариативны по требованиям к уровню образовательной подготовки и особенностям развития человека, что способно существенно увеличивать количество их участников.

Культурно-творческие мероприятия и проекты подразделяются по различным критериям, наиболее важным для нас является локализация (страна, регион, город, учреждения и организации). Значимым долговременным культурно-творческим проектом, направленным на содействие системе непрерывного художественного образования в муниципалитете, является городской культурно-творческий проект «Арт-суббота», реализуемый с 2018/19 учебного года. Координатором проекта выступает Департамент образования Мэрии города Новосибирска. Результативность проекта в настоящее вре-

Компоненты системы	Направления деятельности	Результаты деятельности
<p>Органы управления образованием города</p>	<p>Реализация во взаимодействии с педагогическим вузом и учреждениями образования художественной направленности города культурно-творческих мероприятий и долгосрочных проектов, направленных на удовлетворение в системе образования на протяжении всей жизни потребности человека в художественном творчестве и (или) получение профессионального художественного образования в различных формах, в том числе деятельности по раннему выявлению и поддержке художественно одаренных детей и молодежи</p>	<p>Во взаимодействии с педагогическим вузом учреждениями образования художественной направленности города реализуются культурно-творческие мероприятия и долгосрочные проекты, направленные на удовлетворение в системе образования на протяжении всей жизни потребности человека в художественном творчестве и (или) получение профессионального художественного образования в различных формах, в том числе деятельность по раннему выявлению и поддержке художественно одаренных детей и молодежи</p>
<p>Педагогический вуз</p>	<p>Поддержка и развитие профессиональных компетенций педагогических работников учреждений художественной направленности системы дополнительного образования и средне-профессионального образования; реализация дополнительных общеобразовательных программ общеразвивающих программ художественной направленности для школьников и студентов.</p>	<p>Повышены профессиональные компетенции педагогических работников учреждений художественной направленности системы дополнительного образования и средне-профессионального образования посредством обучения в вузе по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки; реализуются дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы художественной направленности для школьников и студентов.</p>
<p>Внутривузовский Центр, координирующий взаимодействие</p>	<p>Научно-методическое сопровождение деятельности педагогических коллективов учреждений художественной направленности (базовые школы и стажировочные площадки), в том числе учебной, творческой и проектной деятельности обучающихся и студентов</p>	<p>Осуществлено научно-методическое сопровождение деятельности педагогических коллективов учреждений художественной направленности (базовые школы и стажировочные площадки), в том числе учебной, творческой и проектной деятельности обучающихся и студентов (методические семинары, научные конференции и мастер-классы)</p>
<p>Учреждения системы дополнительного образования художественной направленности</p>	<p>Сопровождение обучающихся и выпускников системы дополнительного образования художественной направленности</p>	<p>Осуществлена подготовка обучающихся и выпускников учреждений системы дополнительного образования художественной направленности для продолжения обучения на уровне профессионального художественного образования и (или) для удовлетворения потребности человека в художественном творчестве</p>

Создана и функционирует городская система непрерывного художественного образования в системе «Дополнительное образование – вуз»

Рис. 1. Модель непрерывного художественного образования в городской системе «Дополнительное образование – вуз»

мя подтверждают два фактора: добровольная востребованность у субъектов системы образования (обучающихся, родителей, педагогов, образовательных организаций) и срок реализации (пять лет без учета 2020/21 учебного года, когда были ограничения по эпидемиологической ситуации, связанной с пандемией).

Департамент образования мэрии города Новосибирска управляет деятельностью учреждений дополнительного образования детей. Целью культурно-творческого проекта «Арт-суббота» является привлечение внимания молодого поколения к вопросам развития культуры, освоения и сохранения исторических и культурных ценностей родного города [10]. Предусмотрен разнообразный формат проведения мероприятий проекта (встречи с художниками и писателями; посещение лекций, спектаклей, экспозиций, выставок, концертов; участие в мастер-классах по различным видам художественного творчества; экскурсии в образовательные и культурно-творческие учреждения города), их выбор осуществляет организация-партнер проекта.

Логика участия в проекте проста и понятна. Партнерами проекта могут стать любые учреждения и организации, разделяющие его цели. С момента получения от Департамента образования мэрии Новосибирска подтверждения об участии в проекте партнеры получают доступ к интерфейсу для внесения данных о своих мероприятиях в календарь проекта, где указывается направленность на определенную возрастную группу, и начинают ждать заявки на участие в них. Площадки проекта открыты для посещения любому школьнику города. Регистрация его участия в том или ином мероприятии проекта может осуществляться как самостоятельно, так и родителями (законными представителями), и педагогами образовательных учреждений. Формы посещения мероприятий проекта разнообразны: индивидуальные, групповые, семейные.

На сайте «Арт-суббота» размещена инструкция по регистрации участия в мероприятиях проекта [1]. Для регистрации необходимо зайти в желаемое для посещения мероприятие «Арт-субботы» и кликнуть

по кнопке «Регистрация». При индивидуальной регистрации требуется указать фамилию, имя, отчество, район города, образовательное учреждение, класс и свою контактную информацию. Вкладка «групповая регистрация» доступна педагогам, сопровождающим на мероприятие группу школьников. Педагоги вносят помимо данных школьников для индивидуальной регистрации свои контактные данные для обратной связи с организаторами мероприятий. Родители (законные представители) регистрируются во вкладке «семейная регистрация» и вносят те же данные, что и педагоги через кнопку «добавить участника».

Институт искусств Новосибирского государственного педагогического университета включился в проект «Арт-суббота» в первый год его осуществления, имея целью, прежде всего, профориентационную работу со школьниками. Доступность участия в проекте любого городского школьника открывает перед вузом широкие возможности для презентации направлений своей деятельности. При выборе содержания и формата взаимодействия с участниками проекта за основу были взяты направления деятельности ДАХТиД и НОЦ. В частности, для детей среднего школьного возраста проводились мастер-классы песочной анимации по различным темам в оборудованном кабинете мультимедиа ДАХТиД; мастер-классы по живописи, декоративно-прикладному искусству и графике в мастерских НОЦ («Художественная керамика», «Художественная роспись тканей», «Мастерская портретной живописи», «Мастерская акварельной живописи», «Мастерская графики»); мастер-классы по фотографии и дизайну в кружках НОЦ («Фотостудия», Актуальные вопросы дизайна»). Кроме мастер-классов школьники могли принять участие в экскурсиях «С искусством по дорогам детства» для знакомства со структурой и материально-технической базой института искусств, а также для просмотра выставок творческих работ. Ресурс электронной площадки проекта «Арт-суббота» также использовался для информирования школьников города о творческих состязаниях, соорганизатором

которых на городском, региональном уровне являлся педагогический университет. Последнее, в частности, способствовало широкому информированию школьников о профильной олимпиаде по изобразительному искусству для учащихся 8–11 классов и студентов СПО, об оборочном туре Дельфийских игр в номинации «Декоративно-прикладное искусство».

Особенностью реализации проекта «Арт-суббота» в институте искусств стало привлечение к нему студентов, которые совместно с преподавателями принимали участие в презентации материально-технической базы института и лабораторий НОЦ «Художественное образование», отвечали на различные вопросы школьников по теме непрерывного образования.

Подводя промежуточные итоги участия института искусств в городском культурно-творческом проекте «Арт-суббота», отметим, что количественные показатели участия в мероприятиях проекта не являются для педагогического вуза основным критерием, поскольку считаем главным выявление и поддержку талантливой художественно-творческой молодежи. Качественными показателями результативности проекта для нас стали:

- приобретение успешного опыта использования городского культурно-творческого проекта в профориентационной работе со школьниками;
- апробация содержания и форм проведения мероприятий проекта (встречи с художниками; участие в мастер-классах по различным видам художественного творчества; экскурсии в вуз);
- укрепление партнерства участников проекта (субъектов образования города);

- перспективное планирование, опирающееся на результаты анкетирования участников о содержании и формах проведенных мероприятий, об учете в них интересов и потребностей участников.

Итоги участия педагогического вуза в городском культурно-творческом проекте «Арт-суббота» показали, что перспективным ресурсом взаимодействия педагогического вуза и учреждений художественной направленности города может стать придание статуса базовых школ и стажировочных площадок педагогического вуза учреждениям художественной направленности города Новосибирска.

Вышеперечисленное доказывает, что взаимодействие органов власти и учреждений образования различного типа в реализации городских культурно-творческих проектов способствует развитию непрерывного художественного образования в системе «Дополнительное образование – вуз» на городском уровне. Таким образом достигается цель непрерывного образования – «рост образовательного потенциала граждан и удовлетворение образовательных потребностей личности в системе формального и неформального образования».

В заключение отметим: город Новосибирск обладает мощным научно-образовательным и художественным потенциалом, что, с одной стороны, позволяет повышать вовлеченность в знаковые культурно-творческие проекты мотивированных горожан, а с другой, знакомит талантливую молодежь с возможностями получения непрерывного образования в городской систем «Дополнительное образование – вуз».

Список литературы

1. Арт-субботы. О проекте. [Электронный ресурс]. URL: <http://arts.nios.ru/>
2. Асафьева С. С. Второе высшее образование как фактор социализации личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2005. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/vtoroe-vysshee-obrazovanie-kak-faktor-sotsializatsii-lichnosti>
3. Бахарев Н. П., Гордеев А. В. Интеграция учебных планов при непрерывном образовании // Интеграция образования. 2000. № 1. С. 27–28.

4. *Гаврилова А. О.* Специфика творческого саморазвития личности на ступенях системы непрерывного художественного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (158). С. 60–67.
5. *Ган Н. Ю., Пономарёва Л. И.* Подготовка будущих педагогов в условиях интеграции систем высшего педагогического, общего и дополнительного образования // Образовательный вестник «Сознание». 2021. Т. 23. № 9. С. 13–19.
6. Институт искусств НГПУ: Детская академия художественного творчества и дизайна. [Электронный ресурс]. URL: <https://dahtiid.lpmotortest.com/>
7. *Ксенофонтова А. Н., Леденева А. В.* Освещение проблемы развития профессиональной карьеры учителя // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 3 (215). С. 28–33.
8. *Кучеревская М. О.* Реализация принципов непрерывного образования в государственной политике Российской Федерации в области образования // Философия образования. 2019. Т. 19. № 2. С. 36–51.
9. *Кучеревская М. О.* Особенности построения индивидуального образовательного маршрута студентов института искусств // Современные тенденции изобразительного, декоративно-прикладного искусства и дизайна. 2018. № 1. С. 67–73.
10. Официальный сайт города Новосибирска: Департамент образования мэрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://do.nios.ru/>.
11. *Павленко Т. В., Севостьянов Д. А., Чернова С. В.* Детская академия художественного творчества и дизайна: достижения и перспективы развития // Педагогический профессионализм в образовании: сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции (Новосибирск 15–16 февраля 2018 г). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 496 с.
12. *Сухарев А. И.* К вопросу о повышении качества художественного образования // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 196–198.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362/>
14. *Шабанова О. П., Шабанова М. Н.* Практико-ориентированная подготовка педагога как стратегия российского образования // Ученые записки: электронный журнал Курского государственного университета. 2015 № 1 (33). С. 123–127. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23106892>

*

Поступила в редакцию 19.04.2024

ВОЛОНТЕРСТВО И ГОРОДСКИЕ ПАРКИ: ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА

УДК 316.354.4

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-116-122>

Н. И. Горлова

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: gorlovanat@yandex.ru

Аннотация. В рамках статьи автором предпринят анализ реализуемых волонтерских проектов по сохранению и развитию городских парков Великобритании, Канады, США и Австралии. Рассмотрена основная роль и функционал добровольных помощников. Сегодня парковое волонтерство – одно из распространенных и востребованных направлений сферы приложения добровольческого труда в зарубежных странах со своими атрибутивными характеристиками и отличительными чертами, четкой организованной структурой. Движение призвано объединить волонтеров, нацеленных на преобразование городских территорий парков и обустройство общественных пространств. Тренд развития паркового волонтерства в России только набирает обороты. Охватив сначала столичные крупные парки, добровольческое движение получило импульс развития на территории городских парковых пространств в регионах. Теоретический материал подкреплен примерами практик отечественных парков в сфере применения волонтерского труда и взаимодействия с добровольческим активом.

Ключевые слова: волонтеры, волонтерская деятельность, городские парки, природоохранная деятельность, социальное партнерство.

Для цитирования: Горлова Н. И. Волонтерство и городские парки: перспективное направление социально-культурного партнерства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 116–122. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-116-122>

VOLUNTEERING AND CITY PARKS: A PROMISING AREA OF SOCIO-CULTURAL PARTNERSHIP

Natalya I. Gorlova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: gorlovanat@yandex.ru

Abstract. As part of the article, the author has undertaken an analysis of ongoing volunteer projects for the conservation and development of city parks in Great Britain, Canada, the USA and Australia. The main role and functionality of volunteer assistants is considered. Today, park volunteering is one of the most common and popular areas of volunteer labor in foreign countries with its own attributive characteristics and

ГОРЛОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – доктор исторических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

GORLOVA NATALYA IVANOVNA – DSc in History, Associate professor, Plekhanov Russian University of Economics

© Горлова Н. И., 2024

distinctive features, and a clear organized structure. The movement is designed to unite volunteers aimed at transforming urban park areas and arranging public spaces. The trend of developing park volunteerism in Russia is only gaining momentum. Having first covered the capital's large parks, the volunteer movement received an impetus for development in urban park spaces in the regions. The theoretical material is supported by examples of practices of domestic parks in the field of using volunteer labor and interaction with volunteer activists.

Keywords: volunteers, volunteer activities, city parks, environmental activities, social partnership.

For citation: Gorlova N. I. Volunteering and city parks: a promising area of socio-cultural partnership. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 116–122. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-116-122>

В связи с возросшей популярностью общественных пространств парки стали не только местом для отдыха и прогулок на свежем воздухе, но и новыми полноценными культурными институциями, которые задают повестку, предлагая различные мероприятия и активности для посетителей [3; 4]. С развитием технологий и изменением образа жизни людей парки стали еще более доступными и привлекательными для посещения, что привело к значительным изменениям в их функциональном назначении и организации работы с учетом региональных особенностей и исторических кодов территории [7]. Так, на территории парков общего пользования формируются пространства для социальных контактов и социальной сплоченности, проходят фестивали и концерты, социальные акции и многое другое [5]. В стремительно урбанизирующемся мире культурные пространства приобретают стратегическое значение, адаптируясь под многочисленные потребности посетителей и гостей. И, конечно, в современных реалиях мы все чаще употребляем термин «волонтеры» применительно к городским паркам.

Совместная работа с волонтерским сообществом способствует созданию современных общественных пространств за счет изменения инфраструктуры парков, формирования новой событийной повестки и ивент-активности, организации новых сервисов для посетителей и гостей, а также создания площадок для проведения городских, корпоративных и семейных мероприятий.

В последние годы к содействию волонтеров стали обращаться и отечественные городские парки, к преимуществам которых можно отнести доступность рекреационных возможностей для различной возрастной аудитории, возможность приятного времяпрепровождения в городской среде и проведения городских мероприятий и акций.

К примеру, один из крупнейших парков в историческом центре Москвы «Зарядье» на протяжении нескольких лет системно выстраивает работу с добровольными помощниками – «Хранителями Зарядья», привлекая их к сохранению культурного и обширного природного пространства [2, с. 108].

Команда волонтеров «Друзья парка» совместными усилиями делает столичный Парк Горького чище, интереснее и красивее: сажает цветы, фотографирует, играет с детьми, убирает и многое другое. К примеру, ежегодно парк приглашает добровольных помощников к проведению грандиозного городского выпускного. Так, в 2023 году более 150 волонтеров старше 18 лет создавали праздничную атмосферу на мероприятии: встречали выпускников и сопровождали участников, помогали гостям пройти через турникеты, осуществляли навигацию, знакомили с программой мероприятий, раздавали воду и проверяли наличие специальных браслетов.

В московском парке «Сокольники» волонтеры ежегодно, приводя в порядок его территорию, сажают деревья, работают в розарии.

Однако необходимо констатировать, что лишь малая часть российских парков практикует привлечение добровольческого актива. У большинства парков пока нет достаточного понимания выстраивания алгоритма взаимодействия и долгосрочного сотрудничества с волонтерами, а также реализации совместных проектов и мероприятий.

Цель данной статьи – представить комплексный обзор и анализ зарубежного опыта по развитию отраслевого добровольческого движения городских парков.

Одним из ярких примеров успешного сотрудничества парка и добровольных помощников является деятельность команды волонтеров Олимпийского парка Королевы Елизаветы (Лондон, Великобритания), который, как многофункциональный объект, с участием активистов реализует научно-исследовательские, образовательные, спортивные и культурно-просветительские проекты. Парк представляет собой идеальное инклюзивное пространство для семейного отдыха, прогулок с детьми и занятий спортом, а также творческую среду, где каждый может найти сообщество по интересам. Только в 2019 году волонтеры потратили более 17 700 часов на развитие многофункциональности и наполненности парковых пространств, их эстетическую привлекательность, создавая необходимые условия для отдыха и развлечений, занятий спортом, а также улучшения физического и психического здоровья [8].

Волонтеры работают на информационных стендах и на кассах, помогают посетителям сориентироваться в парке и отвечают на их вопросы, проводят экскурсии, распространяют информацию об услугах парка и др. Отдельное внимание уделяется участию волонтеров в уборке территории городского парка, создании новых зеленых зон и установке новых объектов. Парк стремится к созданию доступной, комфортной среды для посетителей и гостей. В рамках программы доступной среды парка действует команда обученных и опытных волонтеров – водителей багги Службы мобильности, которые

с 2014 года помогли более 38 тыс. посетителям. Значительный штат медиаволонтеров обеспечивает информационное сопровождение культурно-досуговых, праздничных и социокультурных мероприятий на территории общественного пространства, используя медиапотенциал Интернета и социальных сетей в продвижении деятельности парка, реализуемых проектов, а также в привлечении внимания волонтерского сообщества и поиске единомышленников.

Среди мероприятий, проводимых парком с участием волонтеров, значительный интерес представляет двухмесячный проект «Оздоровительные прогулки», стартовавший в июне 2022 года. Проект предлагает посетителям уникальную возможность провести время на свежем воздухе и восстановить свое здоровье. Прогулки включают в себя не только физические упражнения, но и медитацию, йогу и другие методы релаксации.

Волонтеры активно привлекаются для реализации городским парком проектов по пропаганде физкультуры и спорта, вовлечению населения в спортивный образ жизни. К примеру, каждую субботу утром на территории парка волонтерами организуется спортивный забег Parkrun – бесплатное еженедельное мероприятие, которое организуется на волонтерских началах. Основатель проекта parkrun – англичанин П. Синтон-Хьюитт. Именно по его инициативе и под его руководством состоялся первый паркран в 2004 году в парке «Bushy» в пригороде Лондона. Изначально еженедельный 5-километровый забег задумывался как одиночный, однако со временем к Полу присоединились его друзья и местные любители бега, и мероприятие превратилось в масштабное спортивное движение. В наше время parkrun активно развивается в Великобритании, Дании, Франции, Польше, Италии, Австралии, России, Новой Зеландии, США, Южной Африке и других странах мира. Parkrun – это не только спортивное событие, но и возможность для людей всех возрастов и уровней физической подготовки встречаться, общаться и поддер-

живать друг друга. Каждый волонтер ответственен за собственный участок работы. Как правило, их действия координирует руководитель забега [9]. Они помогают организаторам с подготовкой к мероприятию, в том числе с установкой маршрута, расстановкой разметки и размещением стартовой и финишной линий. В день забега волонтеры помогают участникам зарегистрироваться и получить номера. На маршруте при необходимости оказывают первую помощь.

В команде Parkrun волонтеры трудятся на следующих позициях:

- руководитель забега; на нем лежит ответственность за все принятые решения, связанные с организацией забега, его проведением и завершением; как правило, на данную позицию выбирается наиболее опытный волонтер;
- секундомер – волонтер, который засекает время финиша участников;
- раздача карточек позиций – волонтер помогает участникам забега зарегистрироваться и получить номера участников;
- сканер штрих-кодов – волонтер сканирует специальным устройством штрих-код на карточке позиции и на карточке parkrun-id участника.
- маршалы – волонтеры, контролирующие движение участников в наиболее ответственных местах, помогающие разобраться с поворотами, а также поддерживающие их на дистанции;
- замыкающий – волонтер стартует позже всех и финиширует следом за всеми участниками;
- проводящий разминку – волонтер, который перед стартом проводит разминку для участников забега;
- медиаволонтер фотографирует участников и снимает видео с последующим размещением на сайте парка и в социальных сетях.

В последние годы парк стал популярным местом для корпоративных волонтеров. Организации в рамках корпоративной социальной

ответственности предлагают своим сотрудникам принять участие в благоустройстве территории, уборке мусора и других проектах, связанных с улучшением городского парка.

В связи с тем, что сфера волонтерства приобретает популярность и среди бизнес-корпораций, продвигающих идеи корпоративной социальной ответственности, парк предоставляет уникальные проекты для развития корпоративного волонтерства. Одним из примеров такого проекта является ежегодный «День заботы о парке», в рамках которого корпоративные волонтеры совместно с сотрудниками городского парка убирают мусор, сажают деревья и улучшают общественные пространства. Так, с 2017 года, по данным отчета парка, наблюдается положительная динамика роста числа корпоративных волонтеров. За несколько лет более 1000 волонтеров 37-и различных предприятий стали частью дружной команды добровольных помощников Олимпийского парка [1, с. 65].

Многие парки активно расширяют линейку экскурсионных программ по природным и культурно-историческим местам, в проведении которых активно задействованы волонтеры. Например, волонтеры сообщества «Друзья Ричмонд-парка» (Лондон, Великобритания), выступая в качестве гидов, предлагают посетителям бесплатную двухчасовую прогулку (около 3-х миль) по территории крупнейшего из королевских парков Лондона общей площадью 955 гектаров. Чтобы стать волонтером-экскурсоводом, кандидату предстоит подать заявку на сайт парка, пройти отбор и собеседование с координатором волонтеров, на завершающем этапе предусмотрено обучение. В подготовке волонтеров участвуют практикующие экскурсоводы: они проводят теоретические и практические образовательные интенсивы, мастер-классы. От волонтеров требуется опыт взаимодействия с различными возрастными аудиториями, а также знание истории и туристических маршрутов парка.

Помимо этого добровольные помощники участвуют в благоустройстве городского парка (уборке территории, сохранении объектов

культурного наследия, организации комфортных пешеходных маршрутов и др.), повышая их функциональность и увеличивая пешеходный трафик [11]. Согласно Кодексу поведения «Друзей Ричмонд-Парка» организаторы добровольческого труда обеспечивают инклюзивную среду для волонтерского актива, создают условия для комфортной работы. В частности, организаторы обеспечивают волонтеров необходимым оборудованием и материалами (например, перчатками, халатами, мусорными мешками, инвентарем и др.) для выполнения задач, проводят функциональное обучение и инструктаж по технике безопасности [14, с. 21].

Вовлечение граждан в планирование и реализацию проектов повышает социальную значимость последних и обеспечивает удовлетворение потребностей и интересов местного населения. Так, новинка Ричмонд-парка – флагманский волонтерский проект культурно-просветительская программа «Первооткрыватели», предназначенная для семей с детьми школьного возраста. В рамках программы командой волонтеров из 20 человек проводятся различные мероприятия, включая экскурсии, походы, игры, мастер-классы по декоративно-прикладному искусству и занятия на свежем воздухе [12].

Как и в любом другом центре для посетителей, волонтеры Центра для посетителей Ричмонд-парка выполняют ряд функций, которые направлены на обеспечение комфортного пребывания посетителей в парке, а именно:

- помощь посетителям в получении необходимой информации о парке, его истории, достопримечательностях, маршрутах и т. д.;
- организация персональных и коллективных экскурсий по парку, знакомство с разными достопримечательностями, историей парка.

Помогают благоустраивать территорию парка и волонтеры Гринвичского парка в Лондоне. «Друзья парка» – это проактивное и неравнодушное сообщество волонтеров, которые проводят различные мероприятия, такие как уборка территории, сбор мусора, озеленение

и уход за растениями, также они занимаются вопросами организации экскурсий и мероприятий для посетителей парка.

Волонтеры участвуют и в мониторинге территории парка с целью общего анализа инфраструктуры, определения задач и механизмов развития общественного пространства, а также изучения запросов горожан и туристов.

Ежедневно на сайте парка обновляется информация о новых вакансиях для потенциальных волонтеров. К примеру, в период с 1 марта по 17 мая 2024 года требуются медиаволонтеры для обработки фотографий и подготовки печатной продукции парка (календарей, листовок, брошюр), готовые потратить около 30 часов своего времени на выполнение данного задания.

Волонтеры оказывают неоценимую помощь во всех аспектах деятельности Королевских парков Лондона (Великобритания), ежегодно жертвуя около 127 тыс. часов своего времени на развитие парков. Спектр функций волонтеров достаточно широк и варьируется от участия в фанрайзинговых акциях, экопросветительских мероприятиях до сбора мусора, проведения археологических раскопок и работы с посетителями. По данным результатов опроса за 2021 год, 90% добровольческого актива отмечают высокий уровень удовлетворенности от выполняемой работы [6]. Приведем портрет волонтера парков: это социально активный, дружелюбный, отзывчивый, надежный и решительный человек, который будет заботиться об объектах парка, следить за общественным порядком на его территории. Внимательный, коммуникабельный и тактичный с посетителями и гостями парка, готовый прийти в любую минуту на помощь, отвечает на вопросы, направляет людей по территории парка, помогает в случае необходимости вызвать скорую помощь или полицию.

Приоритет при подборе команды добровольных помощников Королевских парков отдается тем, кто не боится физической работы на природе, обладает определенными навыками в сфере восстановления исторических сооружений на территории парков, организации событийных мероприятий, проведении мастер-классов, лекций и экскурсий, а также –

в проведении фото- и видеосъемки, ведении социальных сетей.

Сообщество Сиэтлских парков и отдыха – это государственное учреждение, которое занимается управлением и развитием парковой инфраструктуры в городе Сиэтл (штат Вашингтон, США). Сообщество создано в 2001 году и на сегодняшний день управляет более чем 400 парками, площадками для спорта и открытыми пространствами в Сиэтле [13].

Основная цель сообщества – создание и поддержание качественной инфраструктуры для отдыха и активного образа жизни горожан. Для достижения этой цели Сообщество разрабатывает и реализует программы по улучшению состояния парков, созданию новых зон отдыха и спорта, проведению мероприятий и многое другое.

Одним из ключевых направлений работы Сообщества является сотрудничество с волонтерскими организациями. Добровольным помощникам предоставляется возможность участвовать в различных проектах по улучшению парковой инфраструктуры, проведению мероприятий и экологических проектов.

Для подачи заявок на участие в мероприятиях городских парков кандидатам в добровольные помощники необходимо перейти на специальный раздел сайта под названием «Календарь событий (мероприятий) городских парков». В этом разделе они найдут полный список предстоящих мероприятий на несколько месяцев вперед, а также – информацию о вакансиях для волонтеров, виды деятельности, время работы и контакты координаторов проектов.

С 2017 года Сообщество Сиэтлских парков и отдыха реализует программу мониторинга состояния парков, в которой ключевую роль играют инспекторы-волонтеры, осуществляющие контроль за состоянием парковых зон, за чистотой территории и соблюдением правил поведения посетителей. Волонтеры также задействованы в мониторинге состояния зеленых насаждений и других объектов инфраструктуры парка.

За последние несколько лет многими городскими парками взят курс на формирование волонтерского сообщества. Один из та-

ких – парк Корлеарс-Хук (Нью-Йорк, США), который регулярно проводит акцию «День добровольцев», в рамках которой добровольные помощники в течение целого дня выполняют в парке различные задания, связанные с озеленением и благоустройством территории.

Парки Калгари – это система парков, расположенных в городе Калгари (Канада), включающая в себя более 8 тыс. гектаров зеленых зон, охватывающих более 890 парков и зон отдыха [10]. Практика создания и развития волонтерского движения – это одно из ключевых условий успешного функционирования парков в современных условиях. Анализ деятельности парковых волонтеров Калгари демонстрирует явные преимущества и эффективность работы помощников на добровольных началах. Одна из лучших практик – программа «волонтеры-переводчики» для работы в парках Калгари с туристами и посетителями в течение летнего сезона. Добровольные помощники прикладывают максимум усилий, чтобы гости парков Калгари чувствовали себя комфортно, предоставляя необходимую информацию о достопримечательностях парка, оказывая помощь с приобретением билетов на различные мероприятия в парках. Волонтеры оказывают и лингвистическое сопровождение – это открытые, доброжелательные и общительные люди, которые говорят на нескольких иностранных языках. Еще один проект – «Зеленые лидеры» – выступает инструментом для стимулирования активного участия молодых людей в решении природоохранных вопросов парков Калгари (уход за зелеными насаждениями, посадка деревьев, уборка мусора и др.), обладая значительным потенциалом для укрепления экологических знаний и развития «зеленых» навыков.

Таким образом, за последние годы активно развиваются общественные пространства, к которым относятся городские парки с уникальными концепциями и различными форматами отдыха. Значительную роль в развитии и формировании экосистемы городских парков играют команды волонтеров, выполняющие самые разнообразные функции – от создания экотроп и орнитологических маршрутов

до проведения социальных акций и навигации посетителей и туристов. Появилось целое направление – парковые волонтеры. Добровольные помощники участвуют в модернизации и улучшении городских парков, развитии качественных и наполненных смыслом зон отдыха, формировании современного, комфортного пространства для повышения социальной активности городского населения. В настоящий момент парковое волонтерство в России находится на этапе становления и нуждается в целостной, системной и долгосрочной концепции развития. Качественный и количественный рост профильного волонтерского движения

может быть достигнут за счет создания методических материалов и образовательных программ: например, стандарта организации паркового волонтерства, методических пособий для организаторов волонтерской деятельности в данной сфере, базовых и продвинутых онлайн-курсов по тематике. Следует регулярно отслеживать и обзирать лучшие отечественные волонтерские практики в сфере помощи городским паркам и в развитии общественного пространства, а также насытить медиaproстранство материалами о волонтерских программах городских парков и возможностях участия в них.

Список литературы

1. Горлова Н. И., Маковецкая Д. Т. Сборник волонтерских практик в сфере культуры. Москва, 2020.
2. Килина А. Г., Кондаранцева К. А. Путеводитель по миру волонтерства. Москва: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018.
3. Морозова Г. Ю. Развитие парковых пространств как элемента планирования устойчивого города // Региональные проблемы. 2023. Т. 26. № 2. С. 54–59.
4. Мурзин А. Д. Экологический парк как инструмент обеспечения устойчивости городского пространства // Экономика и экология территориальных образований. 2019. Т. 3. № 4. С. 60–66.
5. Нагибина И. Ю. Значение парковых зон для жителей городской среды // Молодой ученый. 2014. № 20 (79). С. 84–85.
6. Стратегия волонтерской деятельности Royal Parks на 2018–2021 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://www.royalparks.org.uk/park-management/park-strategies/volunteer-strategy>
7. Цурик Т. О. Современные тенденции и проблемы развития городских парков // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22. № 4 (79). С. 57–65.
8. Elizabeth Olympic Park. URL: <https://volunteers.queenelizabetholympicpark.co.uk/index-classic>
9. Inside Track: Parkrun phenomenon continues to spread worldwide. URL: clck.ru/36e4kH
10. Parks Calgary. URL: <https://parksofcalgary.com/>
11. Richmond Park. URL: <https://www.frp.org.uk/the-friends>
12. Richmond Park Volunteers. URL: <https://www.frp.org.uk/volunteering/>
13. Seattle Parks and Recreation. URL: <https://seattle.gov/parks>.
14. The Friends of Richmond Park Volunteering Policy. URL: <https://www.frp.org.uk/wp-content/uploads/2023/01/The-Friends-of-Richmond-Park-Policies-2.0.pdf>

*

Поступила в редакцию 22.03.2024

О РГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ: ТРАЕКТОРИИ КАРЬЕРНОГО РОСТА ОБУЧАЮЩИХСЯ

УДК 378.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-123-128>

А. И. Юдина

Московский государственный институт культуры,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Аннотация. В научной статье рассматриваются актуальные вопросы организации практической подготовки обучающихся вуза культуры с целью повышения качества образовательной деятельности и развития траектории карьерного роста. Определены требования современного рынка труда, которым должен соответствовать специалист сферы культуры. Практическая подготовка рассматривается как форма организации образовательной деятельности в ходе освоения образовательной программы. Автор приходит к выводу, что организация практической подготовки в условиях проектной и социально значимой деятельности повышает уровень профессиональной подготовки специалиста сферы культуры, развивает практические навыки и компетенции по профилю соответствующей образовательной программы, что влияет на его профессиональную компетентность в целом и конкурентоспособность на рынке труда.

Ключевые слова: практическая подготовка, образовательная деятельность, трудоустройство, современный рынок труда.

Для цитирования: Юдина А. И. Организация практической подготовки в вузе культуры: траектории карьерного роста обучающихся // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 123–128. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-123-128>

ORGANIZATION OF PRACTICAL TRAINING AT A CULTURAL UNIVERSITY: CAREER GROWTH TRAJECTORIES OF STUDENTS

Anna I. Yudina

Moscow State Institute of Culture,
Moscow Russian Federation,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

ЮДИНА АННА ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической и воспитательной деятельности, Московский государственный институт культуры
YUDINA ANNA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Educational, Methodological and Educational Activities, Moscow State Institute of Culture

© Юдина А. И., 2024

Abstract. The scientific article discusses current issues of organizing practical training for students at a cultural university in order to improve the quality of educational activities. The requirements of the modern labor market that a cultural specialist must meet are determined. Practical training is considered as a form of organizing educational activities during the development of the main educational program. The author comes to the conclusion that the organization of practical training in the context of project-based and socially significant activities increases the level of professional training of a cultural specialist, develops practical skills and competencies in the profile of the relevant educational program, which generally affects his competitiveness in the labor market.

Keywords: practical training, educational activities, employment, modern labor market.

For citation: Yudina A. I. Organization of practical training at a cultural university: career growth trajectories of students. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 123–128. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-123-128>

Социально-экономическая и геополитическая ситуация в современной России диктует новые *требования* в подготовке высококвалифицированных кадров в сфере культуры, которые можно охарактеризовать как:

- необходимость наличия универсальных компетенций;
- способность к деятельности в смежных сферах профессиональной деятельности;
- высокий уровень практической подготовки;
- мотивация на развитие траектории профессионального роста;
- стрессоустойчивость;
- креативное мышление и инициативность [1].

Сегодня, когда в России формируется прообраз новой национальной системы высшего образования, вузы культуры могут и должны играть в этом процессе ключевую роль, так как именно культура является сферой, где сохраняются и приумножаются важнейшие смыслы и ценности [3].

В этой связи возникает необходимость соответствия образовательной системы вуза культуры требованиям международного стандарта качества, удовлетворению запросам всех потребителей образовательных услуг – учреждений культуры, рынка труда, работодателей, родителей и обучающихся.

Большое внимание в образовательном процессе необходимо уделять практической

подготовке специалиста. Практическая подготовка – это «форма организации образовательной деятельности при освоении образовательной программы в условиях выполнения обучающимися определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью и направленных на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенций по профилю соответствующей образовательной программы» [6].

Образовательная деятельность в форме практической подготовки может быть организована при реализации учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов образовательных программ, предусмотренных учебным планом. Практическая подготовка организуется путем проведения практических занятий, практикумов, лабораторных работ и иных видов учебной деятельности, предусматривающих участие обучающихся в выполнении отдельных элементов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

В Московском государственном институте культуры практическая подготовка обучающихся организована, с одной стороны, непосредственно в Институте, в том числе в структурном подразделении Института, предназначенном для проведения практической подготовки, в лабораториях Института; с другой стороны – в организациях, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы,

в том числе в структурном подразделении профильной организации, предназначенном для проведения практической подготовки, на основании договора, заключаемого между Институтом и профильной организацией.

Практическая подготовка при проведении практики организуется путем непосредственного выполнения обучающимися определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

Практика проводится в следующих формах:

а) непрерывно (рассредоточенная, без отрыва от учебных занятий) – путем выделения в календарном учебном графике непрерывного периода учебного времени для проведения всех практик, предусмотренных ОПОП ВО (практика может проводиться одновременно с теоретическим обучением, если это предусмотрено соответствующей ОПОП ВО);

б) дискретно:

- по видам практик – путем выделения в календарном учебном графике непрерывного периода учебного времени для проведения каждого вида (совокупности видов) практики;
- по периодам проведения практик – путем чередования в календарном учебном графике периодов учебного времени для проведения практики с периодами учебного времени для проведения теоретических занятий.

Обучающиеся, совмещающие обучение с трудовой деятельностью, имеют возможность проходить практику по месту трудовой деятельности в случаях, если профессиональная деятельность, осуществляемая ими, соответствует требованиям образовательной программы к проведению практики.

Программа практики разрабатывается выпускающей кафедрой с учетом требований к организации практики, содержащихся в соответствующих ФГОС ВО, является составной частью основной профессиональной образовательной программы высшего образования (далее – ОПОП ВО), обеспечивающей реали-

зацию стандартов, и утверждается Учебно-методическим советом факультета.

Программа практики включает в себя:

- общие положения (пояснительную записку);
- цели и задачи;
- компетенции, знания, навыки и умения, которыми должны овладеть обучающиеся в ходе практики;
- описание вида (типа) практики, способа (при наличии) и формы (форм) ее проведения;
- перечень планируемых результатов обучения при прохождении практики, соотнесенных с планируемыми результатами освоения образовательной программы;
- указание места практики в структуре образовательной программы;
- указание объема практики в зачетных единицах продолжительности в неделях либо в академических часах;
- содержание практики, отражающее конкретный перечень индивидуальных, групповых или коллективных заданий (работ), которые должны выполнить обучающиеся, их порядок и сроки выполнения;
- формы отчетности по практике (образцы отчетных документов содержатся в Приложении о практической подготовке);
- фонд оценочных средств для проведения промежуточной аттестации обучающихся по практике;
- перечень учебной литературы и электронных ресурсов сети «Интернет», необходимых для проведения практики;
- перечень информационных технологий, используемых при проведении практики, включая перечень программного обеспечения и информационных справочных систем (при необходимости);
- описание материально-технической базы, необходимой для проведения практик.

С целью повышения эффективности реализации программ по практической подготовке Московский государственный институт культуры активно включился в федеральные проекты, направленные на содействие трудоустройству выпускников вузов. Одним из ключевых проектов является Единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», которая решает следующие актуальные задачи:

- содействие занятости населения, в том числе посредством размещения информации о возможностях трудоустройства, работодателях, испытывающих потребность в работниках, наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, о гражданах, ищущих работу;
- обеспечение предоставления государственных услуг в области содействия занятости населения, в том числе оказания таких услуг в электронном виде;
- создание, использование и хранение электронных документов, связанных с работой, а также – с выполнением работ и оказанием услуг по договорам гражданско-правового характера, прохождением практической подготовки, стажировки, профессионального обучения или получения дополнительного профессионального образования, авторским договорам, заключенным с физическими лицами;
- формирование аналитической информации о трудоустройстве граждан в Российской Федерации [2].

Занесение сведений о результатах практической подготовки студента в единую информационную систему «Работа в России» будет формировать портфолио обучающегося и в полной мере характеризовать его профессиональные практические умения, опыт участия в социально значимых проектах, лидерские качества и мотивацию на успех, что, в свою очередь, будет способствовать его конкурентоспособности и успешному трудоустройству.

Вторым значимым федеральным проектом, который реализуется на базе Московского государственного института культуры, является внедрение программы «Обучение служением». Данная программа осуществляется согласно поручению Президента России от 29 января 2023 г. № Пр-173ГС п. 8. «О включении в образовательные программы высшего образования курса (модуля) «Обучение служением» [4, 5].

«Обучение служением» – образовательный подход, при котором студенты обучаются и одновременно приносят пользу обществу, применяя свои профессиональные навыки для решения реальных социальных задач. Любая некоммерческая организация, орган власти или представитель социального бизнеса может разместить заказ на решение важной социальной проблемы, а образовательная организация реализовать заказ силами студенческих команд [4].

В рамках Международной выставки-форума «Россия» на ВДНХ в декабре 2023 года прошёл масштабный Международный форум гражданского участия #МЫВМЕСТЕ. На ключевой сессии форума «Обучение служением – новое слово в развитии молодежи» был представлен масштабный проект, реализованный Московским государственным институтом культуры и Союзом писателей России в технологии «Обучение служением». Фестиваль новых литературных форматов «Молодой Пушкин» был проведен МГИК по заказу Союза писателей России. Студенческие команды кафедры журналистики под руководством опытных преподавателей разработали концепцию фестиваля, подготовили и провели мероприятия в иммерсивных форматах, обеспечили информационную поддержку: писали посты в социальных сетях, создавали видео-контент. В итоге более 100 мероприятий прошло на 20 площадках Москвы и Подмосковья. В проект были вовлечены более 60 тыс. молодых читателей и зрителей. Проект был поддержан Российским фондом культуры.

В декабре 2022 года на Государственном Совете по молодежной политике Президент России В. В. Путин отметил необходимость «создавать условия, при которых студенты колледжей и вузов могли бы проходить учёбу

и практику в волонтерских центрах, благотворительных фондах, социально ориентированных НКО, приобретать опыт гражданской ответственности и солидарности».

Развитие волонтерского движения в вузе призвано стать связующим элементом реализации задачи практической подготовки обучающихся и основанием для развития и становления самих волонтеров как активных членов гражданского общества.

В Московском государственном институте культуры сегодня успешно развивается система студенческого самоуправления, создано первичное отделение Всероссийского движения детей и молодежи «Движение первых», на базе которого работает студенческий Хор Движения первых МГИК. Основаны студенческий педагогический отряд «Арголида», отряд сервиса и проводников. Нашла отклик среди студентов идея о формировании строительного отряда. Командиры и бойцы студенческих отрядов МГИК принимают активное участие в деятельности РСО по Московской области.

В вузе не первый год реализуется программа «Инклюзивное волонтерство», в рамках которой студенты и преподаватели МГИК выступают наставниками для учащихся и педагогов коррекционных образовательных учреждений Москвы и регионов России. В институте успешно развивается инклюзивное пространство, создаётся благоприят-

ный климат для обучения студентов с ОВЗ и студентов-инвалидов различных нозологий. Ежегодно среди студентов проводится конкурс социального плаката «Мы нужны друг другу», основными задачами которого являются привлечение внимания студенческой общественности к инвалидам и инвалидности, формирование в студенческой среде толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Преподаватели МГИК и студенты активно участвуют в проведении акций и мероприятий, направленных на поддержку защитников Отечества в зоне СВО, неоднократно студенческие творческие бригады выезжали с концертными программами в военные части, госпитали.

Таким образом, практическая подготовка является важной составной частью учебного процесса образовательной организации. Практическое обучение нацелено на формирование у студентов профессиональных компетенций, навыков применения полученных теоретических знаний на практике, использование профессионально значимых личностных качеств в профессиональной деятельности с целью разрешения профессиональных проблем. В конечном счёте это позволит сформировать в России новое поколение социально ответственной и самоорганизованной молодежи, активно включенной в перспективы развития страны.

Список литературы

1. *Дискурсова М. Ю., Маслова С. Ю.* Управление профессиональной карьерой как способ повышения эффективной деятельности организации // Экономика управления, финансы: Материалы II международной научной конференции. Пермь: Меркурий, 2012.
2. *Христидис Т. В.* Развитие мотивации к профессиональной деятельности: опыт педагогической практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023, № 6 (116). С. 97–107.
3. *Шарковская Н. В., Юдина А. И., Алексеева Л. Л.* Формирование креативного потенциала менеджера социально-культурной деятельности: личностно-ориентированный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Москва, 2024, № 2 (118). С. 128–137.
4. Постановление Правительства РФ от 13 мая 2022 года № 867 «О Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/404612909/>

5. Паспорт Федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 года № 9) [Электронный ресурс]. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/03/pasport_cgu_dec2019
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года П. 24, ст. 2. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

*

Поступила в редакцию 05.05.2024

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ

УДК 793.3; 7.03; 377.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-129-135>

Н. Ф. Спинжар

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: spinjar@mail.ru

Ц. Ян

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: jing19093@yandex.ru

Аннотация. В современной практике хореографического образования наблюдается широкое методическое обеспечение китайских и монгольских народно-сценических танцев и недостаточное внимание к учебно-методическим вопросам в профессиональном образовании – монгольской хореографии, которая обуславливает научно-практическое изучение вопросов, актуальных для студентов вузов Китая. Одним из важных условий обучения студентов народным танцам является изучение лексической точности хореографических традиций, тогда как неправильная их интерпретация негативно влияет на формирование профессионально важных умений и навыков. В статье осуществляется поиск решения учебно-методических вопросов, возникающих в хореографическом образовании, что позволяет выявить этнокультурные особенности, которые могут рассматриваться как закономерности, обеспечивающие его дальнейшее развитие. Предмет «Народно-сценический танец» относится к дисциплинам художественного цикла, основывается на достижениях педагогики, народных традициях и представлениях о культуре и искусстве танца.

Ключевые слова: этнокультурные особенности, хореографическое образование, китайский народный танец, монгольский народный танец, методика обучения народно-сценическим танцам.

Для цитирования: Спинжар Н. Ф., Ян Ц. Этнокультурные особенности хореографического образования в Китае // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 129–135. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-129-135>

СПИНЖАР НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА – кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт культуры

ЯН ЦЗИНЦЗИН – аспирант кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт культуры

SPINZHAR NATALYA FEODOROVNA – CSc in Pedagogy, Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture

YAN JINGJING – Postgraduate at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture

© Спинжар Н. Ф., Ян Ц., 2024

ETHNOCULTURAL FEATURES OF CHOREOGRAPHIC EDUCATION IN CHINA

Natalya F. Spinzhar

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: spinjar@mail.ru

Jingjing Yan

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: jing19093@yandex.ru

Abstract. In the modern practice of choreographic education, there is a wide methodological support for Chinese and Mongolian folk stage dances and insufficient attention to educational and methodological issues in professional education – Mongolian choreography, which determines the scientific and practical study of issues relevant to Chinese university students. One of the important conditions for teaching students folk dances is to study the lexical accuracy of choreographic traditions, while their incorrect interpretation negatively affects the formation of professionally important skills. The article searches for solutions to educational and methodological issues that arise in choreographic education, which makes it possible to identify ethnocultural features that can be considered as patterns that ensure its further development. The subject “Folk stage dance” belongs to the disciplines of the artistic cycle and is based on the achievements of pedagogy, folk traditions and ideas about the culture and art of dance.

Keywords: ethnocultural characteristics, choreographic education, Chinese folk dance, Mongolian folk dance, methods of teaching folk stage dances.

For citation: Spinzhar N. F., Yan J. Ethnocultural features of choreographic education in China. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 129–135. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-129-135>

Национальное развитие России и Китая представляется культурным многообразием. Каждая национальная автономия Китая и России обеспечивает сохранение культурного наследия посредством профессионального образования. Этнокультурные особенности Китая представляются такими автономными районами как Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский и Тибетский автономные районы, где сформировались центры культурного развития, в том числе и профессионального образования. Этнические группы Китая представляют научный интерес для изучения народной танцевальной культуры. Исследование этнокультурных особенностей хореографического образования во Внутренней Монголии отли-

чается тем, что на ее территории проживают разные этносы, но преобладают монголы и китайцы. Данная автономия существует с 1947 (по некоторым источникам – с 1949) года, за этот период сложилась система профессионального образования, которая соединила китайские и монгольские традиции подготовки хореографов. Если к настоящему времени в процессе развития китайского народного танца сложились три основных направления (исполнение этнического народного танца, преподавание этнического танца и хореография этнического народного танца), то монгольский танец представляется разрозненными элементами.

Первые попытки систематизировать этнокультурные особенности в профессиональном образовании привели к открытию

в 1927 году Китайской школы песни и пляски, основанной Ли Цзиньхуэй в Шанхае, где осуществлялась профессиональная подготовка певцов и танцоров; в 1939 году была открыта школа Юцай, основанная Тао Синчжи в Чунцине, где впервые стали преподавать этнический народный танец, что позволило систематизировать, упорядочить его содержание, определить задачи его изучения; в 1944 году Дай Айлянь использовала опыт школы Юцай и создала свой коллектив, ученики танцевальной группы стали не только обучаться народному танцу, но и изучать его как самостоятельный вид культуры [11, с. 2]. Творческий коллектив школы внес существенный вклад в изучение народного танца, традиций, заложенных в них. В 1945 году основана Китайская ассоциация танцевальных исследований в Куньмине, представителем которой был Лян Лунь. Он осуществлял этнографические исследования в Гуйшань, Юньнань, что привело к популяризации народных танцев, привлечению внимания к национальной танцевальной культуре [1, с. 167].

Малые народы Китая (всего 56 этнических групп) сохраняют свои традиции, что подтверждают этнографические исследования, в результате которых были получены различные образцы народной хореографии, не включенные в хореографическое образование. Однако даже с открытием в 1954 году Пекинской академии танца, где осуществлялась подготовка специалистов по трем направлениям – исполнители танца, режиссеры танца, балетоведы, научно-методическое обеспечение концентрировалось на изучении и систематизации только китайского народного танца, а монгольский танец не был представлен. К 80-м годам XX века коллектив преподавателей (Ли Же И, Тан Мань Чэн) разработал художественную систему китайского национального искусства (концепция «Шень Юнь»), которая определила сущность этнокультурных традиций [11, с. 3–4]. До сегодняшнего времени ситуация не изменилась, и преподаватели этнических народных танцев в Пекинской академии танца Дай Айлянь, Пэн Сун,

Шэн Цзе, Сюй Шуин, Луо Сюньян, Сы Цинь Тажиха в своей деятельности больше ориентированы на принцип «служить прошлому и настоящему...» китайского танца [8]. В средних специальных учебных заведениях (Китайский колледж музыки и танца в Шанхае, Яньбяньский колледж искусств, Университет искусств Внутренней Монголии, Синьцзянский институт искусств, Тибетский колледж искусств) народный танец стал изучаться студентами как базовый, а возросший интерес к этническому народному танцу требовал обновления образовательных программ, что привело к «Реформе Янкэ» [9, с. 70]. «Реформа Янкэ» способствовала появлению сценического китайского народного танца, создала предпосылки изучения наследия танцевальной культуры. Однако монгольский национальный танец лишь частично представлен в образовательной программе по народно-сценическому танцу. Интерес сторонников «Реформы Янкэ» к изучению этнических особенностей народных танцев способствовал разностороннему анализу культуры [7, с. 20]. Так, благодаря исследованиям Дай Айлианом, Дай Айлянь и Пэн Сунн, появился «Пограничный танец» на основе собранных народных песен. Народные песни и танцы, используемые в спектакле, показали сценические возможности народной хореографии. На театрализованных подмостках был представлен своеобразный путь к трансформации этнического танцевального искусства. Это преобразование является революционным событием в истории развития китайского хореографического образования [5, с. 3].

Синтез народной музыки и танцев способствовал созданию народного сценического танца на основе традиций не только китайского танца, но и монгольской хореографии [2, с. 43–45]. Традиционность народной хореографии соединяет достижения разных культур (европейской, китайской и других), при этом каждая из них рассматривается как самостоятельное направление в профессиональном хореографическом образовании. Специфика китайской народной хореогра-

фии отражает движения, которые соединяют традиционные боевые искусства с сюжетами народных песен, танцевальных представлений, а европейская традиционная культура использует образы, взятые из реальной жизни, которые полностью отличаются от древних китайских танцев [8, с. 92]. Соединение элементов разных культур привело к организации внутренней структуры традиционной китайской хореографии.

Понятно, исходя из сложившихся в Китае этнокультурных особенностей, что профессиональная подготовка специалистов в области искусства нуждается в обновлении, поскольку она не отражает хореографические особенности всех национальных групп. Так, практика профессионального хореографического образования в Школе танцев Академии искусств Внутренней Монголии в большей степени придерживается китайских этнокультурных традиций в исполнении народных танцев, при этом монгольским традициям уделяется недостаточно внимания. Обращаясь к практике профессиональной подготовки хореографов в России, следует отметить, что накопленный опыт научного изучения и систематизации этнокультурных особенностей народно-сценического танца представлен в учебных планах подготовки по профилю «Педагогика народно-сценического танца». Перечень учебных предметов, направленных на изучение региональных особенностей народной хореографии, позволил представить целостную картину лексического многообразия каждого танца [4]. Народные танцы Внутренней Монголии не получили должного уровня изучения, что подтверждается содержанием учебно-методических разработок по хореографии. Можно высказать предположение о доминировании китайской хореографической культуры в системе профессиональной подготовки студентов во Внутренней Монголии.

С одной стороны, совершенствование профессионального хореографического образования связано с заложенными в культуре Китая смыслами, символами, отражающими систему миропонимания коренного населе-

ния указанных выше районов, представляющих уникальное этнокультурное развитие. Опираясь на идею Э. Кассирера, можно сказать, что устойчивость инвариантных структур, которые остаются неизменными в ходе исторического развития, позволяют рассматривать этнокультурные особенности как определенную устойчивую основу развития хореографической культуры.

С другой стороны, культура Китая веками сохраняла основы, свойственные не только танцу, но и другим видам искусства. Понимание этнокультурных особенностей народных танцев Китая позволит выявить их общие компоненты, которые можно использовать для их систематизации. К ведущим характеристикам народного танца относят: *традиционность*, под которой понимается система представлений народа о природе, человеке, социальных явлениях и *синкретичность* как объединяющее единство и целостность танца, музыки, драматургии.

Компоненты, представленные в народном танце, обеспечивают единство культурных процессов, устойчивое развитие и сохранение основ традиционной хореографии, сохраняют национальный колорит – элементы художественного творчества, орнамент, чувства, отраженные в образах, ценностные смыслы. Очевидно, что этнокультурные особенности в хореографическом образовании представляются как фундаментальные основы совершенствования хореографического образования.

Решение методических вопросов изучения народного танца позволит не только показать природу этнокультурных особенностей, но и понять истоки их происхождения, сопоставить сложности танцевальных движений, связь каждого элемента в танцевальных комбинациях (плавно, еле уловимыми движениями или резкими, стремительными), что будет обеспечиваться содержанием учебных программ.

Очевидно, что профессиональные образовательные программы формируют целостный образ на основе продуманного содержания и исполнения танцевальных движений,

связок, пластики, по разным направлениям профессиональной подготовки. Монгольский народный танец имеет свой неповторимый стиль, связанный с «кочевой» романтикой, «необузданным» ритмом, энергичностью. Мужской и женский танцы – это разные по своему характеру образы, движения тела, рук. Позы девушек сдержаны; характер подчеркивается движениями рук – переворачивают кисти, в танце видим частое пожимание плечами, некоторую игривость, жизнерадостность. А мужские позы демонстрируют силу, природную ловкость, легкие и свободные шаги и др. Отсутствие такого содержания в программах хореографического образования в Китае не позволяет сформировать у будущих специалистов целостной картины профессиональной деятельности с разным этнокультурным материалом. Кроме того, хореографическое образование не может осуществлять профессиональную подготовку без организации и построения теоретической и практической деятельности в области культуры и искусства [1, с. 19].

Теоретическое наследие китайской цивилизации связано с историей монгольской культуры и формированием этноса во Внутренней Монголии как самого крупного района, население которого заинтересовано в сохранении и передаче последующим поколениям полученного опыта. Передача культурного наследия возможна при теоретическом обобщении и обосновании практики профессиональной подготовки современных специалистов в вузе. Кроме того, в нашем исследовании речь идет не о популяризации монгольской культуры, а об объективных потребностях при подготовке хореографов – с учетом этнокультурных особенностей Внутренней Монголии. Это позволит обеспечить не только контроль социально-культурных процессов, влияющих на воспроизводство исторических образов хореографического искусства, но и развитие способов организации их в новых исторических условиях, с учетом аутентичности, методов передачи и освоения опыта художественного творчества.

В последние годы в Китае созданы предпосылки для разработки учебно-методических пособий для хореографического и музыкального образования. Совершенствованию профессиональной подготовки студентов-хореографов в Китае, может помочь опыт России. Многие годы в Китае работали и продолжают работать известные мастера сцены, среди которых Елена Львовна Рябинкина, которая, наряду с другими представителями Большого театра России, активно обучала студентов в Китае. Ее опыт послужил основой для разработки методических приемов работы со студентами из Китая в Московском государственном институте культуры [7, с. 23]. Задачи, которые решала Е. Л. Рябинкина в области хореографического образования в Китае, были сложны, поскольку физические особенности обучающихся и специфика национальной танцевальной лексики (движений, поз, мимики) отличались от сложившихся европейских традиций, что создавало определенные трудности в обучении. Е. Л. Рябинкина отмечала, что приобщение студентов к европейским танцевальным традициям имело свои сложности, даже при высокой работоспособности обучающихся. В беседе выпускник хореографического факультета Московского государственного института культуры, А. Угаслов, который с 2017 года преподает классический танец в Китае, отмечал, что в процессе обучения не используется монгольский или какой-либо другой танец, всегда речь идет о китайском танце, даже в престижных вузах, где осуществляется профессиональная подготовка студентов-хореографов. Привлечение в хореографическое образование европейских и российских преподавателей расширяет понимание педагогами методологических основ образования, его принципов организации и способов научного познания этнографических фактов, закономерностей хореографической деятельности и др. [1].

Очевидно, что фундаментом развития хореографического образования Китая были

и остаются этнокультурные особенности. Их рассматривают как систему норм, правил, образцов, которые складывались с древних времен на основе накопленного опыта, которые признаются в Китае приоритетными, так как ориентируют студентов на передачу наследия народной хореографии от одного поколения к другому. Благодаря этнокультурному наследию обеспечивается связь между поколениями и сохраняется уникальность народной хореографии, что отражается в танце как единство духа, движения, ритма, дыхания и тела, чем укрепляются основы национального самосознания, преемственности и культурной идентичности народа.

Сегодня хореографические постановки в Китае строятся с учетом европейских и российских принципов, обеспечивающих связь с этнокультурными особенностями. Так, исследователь Ли Чжэнъи, один из первых педагогов, изучающих народные танцевальные традиции, подтвердил действенность принципов взаимосвязи танца с жизнью, а полученные знания и опыт позволили ему разработать методику обучения, содержание которой направлено на решение актуальных задач обучения: каждый танец всегда нужно проанализировать, а не просто выполнять движения; образы танца нужно изучать и понимать, на чем они построены – на подражании или перевоплощении; танцы могут изучаться на основе ритмов гонгов и барабанов; в каждом танце нужно учиться находить «стиль» и «вкус», понимать выученное действие [5, с. 29]. Другой исследователь, Сюй Шуин предложил свой подход к пониманию

китайского народного танца на основе этнографических исследований, результатом которых стали учебные материалы для преподавания [8, с. 21–24]. Такие единичные методические наработки (когда в Китае нет единой системы классификации народных танцев, а базовыми элементами в их изучении остаются элементы ритуалов, древних историй и легенд) создают предпосылки для совершенствования хореографического образования, позволяют сохранить устойчивость системы обучения не только китайскому, но и монгольскому народным танцам. Благодаря им становится возможным исследовать уникальные элементы культуры на разных этапах развития разных этнических групп, создавать образовательные учреждения, которые станут привлекательными для многих преподавателей и известных исполнителей народного танца.

Таким образом, анализ основ развития хореографического образования в Китае показывает, что этнокультурные особенности остаются доминирующими в разработке методики преподавания и подготовки специалистов. Образцы танцевальной культуры должны рассматриваться через призму истории ее развития, они закреплены в устойчивых (базовых) танцевальных движениях, в которых положению кистей, пальцев рук и выражению глаз отводился не только философский, но и сакральный смысл. Разработка содержания хореографического образования с учетом этнокультурных особенностей каждого национального района позволит совершенствовать подготовку студентов в соответствии с современными требованиями.

Список литературы

1. Ван Кэфэнь, Лонг Инь Пей. История развития китайского современного танца. Пекин: Народное музыкальное издательство. 1999.
2. Ван Чжэньцин. Статус и функции Кангбаер Хана в истории развития современного танца в Синьцзяне. Синьцзян: Журнал Синьцзянской академии художеств. 2006.
3. Дэн Юлин, Хуан Цзиин. Исследование духа китайского танца – из практики «Пограничного танца» Дай Айляня» Гуйян // Журнал Художественного издания Университета Гуйчжоу. Вып. 6. 2020.

4. *Заикин Н. И., Заикина Н. А.* Областные особенности русского народного танца: учебное пособие. Орел, Издательство Труд, 2004. 688 с.
5. *Ли Чжэнъи.* Квест. История создания китайского классического танца. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2017.
6. *Мин Вэньцзюнь.* Сознание от народной природной формы к научному наследию. Шанхай: Музыкальное издательство. 2015.
7. *Новиков А. М.* Методология образования. Москва: Эгвес, 2006. 488 с.
8. *Спинжар Н. Ф., Рябинкина Е. Л.* Педагогика в профессиональной подготовке хореографа: учебное пособие. Москва: МГУКИ, 2011. 165 с.
9. *Сюй Шуин.* Новое исследование «танцевальных элементов», «танцевальных рифм» и «танцевальных символов»: исследование законов учебников по китайским народным танцам // Журнал Пекинской танцевальной академии, 1989 (1). С. 21–24.
10. *Фэн Шуанбай.* История китайского современного танца. Пекин: Издательство культура и искусство. 1999. С. 70–92.
11. *Цзо Яньбао.* Об образовании школы Тао Синчжи Юцай. Хэйлунцзян: Изд-во Век. 2007 (2). 1981.
12. *Чэнь Цинн.* Педагогические основы развития традиций хореографии Китая: дис. ... канд. педагогических наук. Москва. 2012. 178 с.

*

Поступила в редакцию 15.04.2024

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРИОБЩЕНИИ ДЕТЕЙ К ИСКУССТВУ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТЕАТРА

УДК 371.321

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-136-143>

Л. Л. Алексеева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: klara63@list.ru

М. В. Подковырова

Институт стратегии развития образования РАО,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: mar4ullasun@gmail.com

Л. Г. Савенкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: lgbloknot@mail.ru

Аннотация. В статье сделан акцент на важную особенность приобщения детей младшего школьного возраста к искусству театра, который рассматривается авторами через взаимодействие трех тесно взаимосвязанных между собой видов художественного творчества: театра, декоративно-прикладного искусства и дизайна. Такое взаимодействие в настоящее время очень важно, поскольку современных детей отличает активный ритм жизни, умение быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, владение разнообразными способами коммуникации. Уникальная особенность представляемых видов искусства – это интерактивность и взаимодействие, что и определило разработки новых адекватных форм обучения в Детском образовательном театре, в котором творчество детей проявляется в самых разных его видах и направлениях художественной деятельности.

АЛЕКСЕЕВА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, доцент, эксперт Управления научной работой, Московский государственный институт культуры

ПОДКОВЫРОВА МАРИЯ ВАЛЕРИЕВНА – педагог-режиссер по актерскому мастерству, соискатель, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования

САВЕНКОВА ЛЮБОВЬ ГРИГОРЬЕВНА – доктор педагогических наук, доцент, эксперт Управления научной работой, Московский государственный институт культуры

ALEKSEEVA LARISA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Associate professor, Expert, Scientific Work Management, Moscow State Institute of Culture

PODKOVYROVA MARIA VALERIEVNA – acting theater, Postgraduate Student, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education

SAVENKOVA LUYBOV GRIGOREVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Expert, Scientific Work Management, Moscow State Institute of Culture

© Алексеева Л. Л., Подковырова М. В., Савенкова Л. Г., 2024

Ключевые слова: детский театр, декоративно-прикладное искусство, дизайн, креативность, взаимодействие, художественное творчество.

Для цитирования: Алексеева Л. Л., Подковырова М. В., Савенкова Л. Г. Общее и особенное в приобщении детей к искусству в условиях детского образовательного театра // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 136–143. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-136-143>

COMMON AND SPECIAL IN INTRODUCING CHILDREN TO ART IN THE CONDITIONS OF CHILDREN'S EDUCATIONAL THEATRE

Larisa L. Alekseeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: klara63@list.ru

Maria V. Podkovyrova

Institute for Strategy of Education Development of the RAE,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: mar4ullasun@gmail.com

Luybov G. Savenkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: lgbloknot@mail.ru

Abstract. The article focuses on an important feature of introducing primary school children to the art of theater, which is considered by the authors through the interaction of three closely interrelated types of artistic creativity: theater, decorative and applied arts and design. Such interaction is currently very important, since modern children are distinguished by an active rhythm of life, the ability to quickly switch from one type of activity to another, and mastery of various ways of communication. A unique feature of the presented types of art is interactivity and interaction, which determined the development of new adequate forms of education in the so-called Children's Educational Theater, in which children's creativity is manifested in its most diverse types and directions of artistic activity.

Keywords: children's theater, decorative and applied arts, design, creativity, interaction, artistic creativity.

For citation: Alekseeva L. L., Podkovyrova M. V., Savenkova L. G. Common and special in introducing children to art in the conditions of children's educational theatre. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 136–143. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-136-143>

В современной России и мире в целом произошли значительные перемены, которые характеризуются высокими темпами социальной динамики, что не может не отражаться на детях. Их сегодня отличает другой ритм жизни, способность быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, умение «общаться» с современной техникой (интер-

нет, мобильный телефон, планшет) и владение разнообразными способами коммуникации. Такая ситуация провоцирует создание новых, адекватных времени, форм обучения. Исходя из этого, образовательные организации стараются находить и внедрять в практику разнообразные методы обучения, составляющей которых нередко становится искусство

и творческая деятельность детей в самых разных ее видах и направлениях. Многие школы при этом делают акцент на дополнительное образование, частью которого являются занятия разными видами творчества. Среди таких занятий, как показывает практика, все активнее используется театр, в основе которого лежит синтез искусств: художественного слова, декоративно-прикладного искусства (костюмы, реквизит) и дизайна (создание определенной предметно-пространственной среды).

В связи с этим нами проанализирован целый ряд размышлений известных театральных педагогов прошлого по освоению актерского мастерства, а именно К. С. Станиславского, П. М. Ершова, М. О. Кнебель, В. Э. Мейерхольда, Л. П. Новицкой, М. А. Чехова, М. С. Щепкина, с целью выявления возможностей адаптации актерского мастерства к детской театральной педагогике. Изучены современные педагогические исследования, связанные с театральным искусством: Е. А. Аккуратовой, В. М. Букатова, А. В. Гребенкина, А. П. Ершовой, А. Б. Никитиной, с опорой на которые, разработана адаптированная к детскому возрасту методика внедрения актерского мастерства в обучении детей младшего школьного возраста. При этом предполагается активное приобщение детей к разным видам художественной деятельности, в том числе – декоративно-прикладному искусству и дизайну.

В конце XIX – начале XX века ученые и педагоги всерьез задумались о значении игры в процессе обучения детей. Именно в это время была осознана существенная роль индивидуальности ребенка и этапов ее развития. Важным инструментом стала драматическая импровизация в образовании, основанная на игровых методах обучения. Драматизация часто становилась дополнительным предметом и была популярной в школах, о чем свидетельствуют архивные материалы педагогической библиотеки имени К. Д. Ушинского в Москве. Это было развитие детей через игровые перевоплощения по определенным правилам игры.

Следует заметить, что в истории педагогики искусства направление театральной деятельности в практике обучения детей не оставалось без внимания. Так, в середине прошлого века первый директор Института художественного воспитания АПН СССР В. Н. Шацкая писала: «Театральное искусство является одним из действенных средств эстетического воспитания в школе; оно призвано способствовать всестороннему развитию личности школьника, формированию его <...> мировоззрения. <...> эстетическое воспитание ставит перед собой задачу идейного и морального воспитания в единстве с задачей художественного развития детей, развития их эстетического восприятия, эстетического чувства, воспитания художественных вкусов и взглядов» [8, с. 5–6].

Этот факт имеет особое значение для нашего исследования, поскольку именно в детском возрасте, как правильно указывает В. Н. Шацкая, формируется художественный вкус и интересы ребенка. В данном случае следует отметить деятельность Центрального Дома художественного воспитания детей (ЦДХВД). Позднее, в конце 40-х годов XX века, он был преобразован в Институт художественного воспитания АПН СССР. Именно в тот период Е. П. Перельманом была поставлена задача выявления элементов системы Станиславского с целью их применения в качестве методов воспитания школьников в драмкружке. Сказанное способствовало тому, что ряд актеров и деятелей культуры в этот период стали приобщаться к детской аудитории. Часто это было в виде «игры в театр» или домашний театр, где проводились спектакли, созданные детьми для родителей или гостей.

Позднее выдающиеся деятели, такие как Н. И. Сац, С. А. Ауслендер, С. М. Бонди, Н. С. Шер, С. Г. Розанов, связали свою деятельность с художественным развитием личности ребенка через театральную деятельность. Они начинают заниматься театром с детьми в школе, чтобы помогать решать проблемы воспитания и образования. Следует добавить, что история педагогики искусства богата примерами разнообразных направлений в области приобщения детей к театральному творчеству.

Интерес вызывает работа В. Н. Гроховской «Художественное воспитание школьников младших классов средствами театра», где автор рассматривает проблему с позиций формирования у ребенка духовно-нравственной культуры, отзывчивости и развития вкуса к классической литературе и искусству в целом [5].

А. А. Антокольский-Фейгельман подчеркивал значение для детей театральной деятельности, доказывая, что эстетическое воспитание средствами театра, в частности, в единстве с умственным, нравственным и физическим воспитанием, является одной из сторон единого процесса воспитания всесторонне развитой личности [1].

В исследованиях Л. С. Выготского, который активно сотрудничал с Центральным домом художественного воспитания детей, было доказано, что ключевым аспектом детского развития является взаимодействие со взрослыми. Он выделил понятие "зоны ближайшего развития", подчеркивая важность взаимодействия ребенка со взрослым. Этот аспект мы подчеркиваем, поскольку театральные занятия, с точки зрения психологии и педагогики, обеспечивают ребенку "опору" и раскрывают перспективы его развития через социокультурное взаимодействие со взрослым педагогом-режиссером и группой детей [3, с. 241]. Важнейшей частью процесса обучения и воспитания ребенка, по словам Л. С. Выготского, является развитие его изначальных способностей: умения говорить, двигаться, слушать и слышать, видеть и действовать. Образование предполагает передачу знаний, умений, навыков, общечеловеческих ценностей и развитие индивидуальных способностей от взрослых к ребенку. Однако одним из самых эффективных и гармоничных средств формирования ребенка является игра. А. С. Макаренко, описывая роль игр в воспитании и обучении детей, подчеркивал: "Игра играет важную роль в жизни ребенка, аналогичную значению работы или службы для взрослого. То, как ребенок играет, во многом определяет, как он будет работать. Поэтому формирование будущего человека происходит, прежде всего, через игру..." [6, с. 34].

Д. Б. Эльконин в своей работе "Психология игры" также выделяет значимость детской игры, подчеркивая, что игровая техника, основанная на переносе значений с одного предмета на другой и сокровенности игровых действий, является ключевым условием для вовлечения ребенка в социальные отношения и их моделирование в рамках игровой деятельности [9, с. 5].

Ученые-педагоги, такие как Я. А. Коменский, Е. А. Покровский, И. А. Сикорский, К. Д. Ушинский, Ф. Фребель, были среди первых, кто рассматривал детскую игру как важное педагогическое явление. Они подчеркивали, что именно в игре дети получают уникальную возможность для своего развития, активности и творчества, раскрытия личного потенциала.

Опираясь на сказанное, мы попытались выделить и апробировать на практике индивидуальный подход в различных видах театральной деятельности, и это в результате позволило нам сформулировать следующие выводы: 1) развитие ребенка представляет собой сложный процесс на протяжении всего детства, зависящий от его личностных особенностей; 2) индивидуальность каждого ребенка уникальна, и ее формирование во многом определяется окружающей социокультурной средой; 3) индивидуальный подход к ребенку способствует открытию его творческих способностей и позволяет сформировать гармоничную личность.

Помимо сказанного, на наш взгляд, важен факт объединения в театральной деятельности трех видов искусства. Это *театр, декоративно-прикладное творчество и дизайн*. Без указанного, во-первых, невозможно создать спектакль, во-вторых, их нельзя рассматривать вне взаимосвязи, так как каждый спектакль связан с созданием костюмов героев и общей организации сцены, то есть всей предметно-пространственной среды. Указанная идея не обосновывалась ранее. Потому попытаемся рассмотреть общее и особенное в каждом из них с разных сторон, что позволит продуктивнее использовать в процессе освоения театрального искусства декоративно-прикладное творчество и дизайн. Заметим, что направление в образовании под названием «полихудожественное»

ственный подход», автор которого Б. П. Юсов [10], уже более 30 лет назад появился в словаре педагогики искусства и в последние годы начинает активно внедряться в практику обучения детей на занятиях искусством [7].

В первую очередь выделим особенности каждого из названных видов искусства с позиций *функциональности, коммуникации, эмоциональности и коллективности* – наиболее важных условий в приобщении детей к художественно-творческой деятельности, к развитию индивидуальной заинтересованности и желания ребенка проявлять себя в творчестве. Эти три искусства, во-первых, *способствуют развитию креативности и самовыражению обучающихся*. Педагогика в этой области обычно акцентирует внимание на стимулировании индивидуального творческого потенциала. Во-вторых, эти искусства часто *предполагают интеграцию* с другими изучаемыми предметами (дисциплинами), такими как история, литература, наука и технологии. Это помогает формировать более глубокое понимание искусства, его места в культуре. Как показывает практический опыт, обучающиеся обычно осваивают предмет не столько через изучение и дискуссии, сколько через *активное самостоятельное или коллективное творчество*, в том числе эксперименты с разными видами искусства.

Рассмотрим некоторые *общие и специфические* черты разных искусств, важные для педагогики искусства, например: а) одной из ключевых особенностей *декоративно-прикладного искусства* является его красота и функциональность, а также – разнообразие техник, технологий и материалов; б) в *дизайне* – это функциональность, эстетика и визуальная коммуникация, что помогает развивать навыки создания дизайн-концепций организации сцены, в том числе, передача информации через визуальные художественные средства; в) в искусстве *театра* – эмоциональное напряжение, включающее в себя еще и работу над голосом, интонацией, а также мимикой – способностью воспроизводить и передавать различные эмоции в условиях конкретной предметно-пространственной среды.

С другой стороны, в результате предлагаемого исследования нам удалось выделить следующие *пять особенностей*, характеризующих много общего у декоративно-прикладного искусства, дизайна и театра. Назовем лишь некоторые из них, которые очень важны, как в освоении искусства в школе, так и в подготовке будущего педагога в области искусства, а также режиссера, художника. С *позиций эстетики* объединяющим для разных видов искусства является следующее: все искусства *стремятся к созданию гармоничных и привлекательных визуальных образов*, в основе чего лежит художественная форма, цвет, пропорции и другие особенности, которые вызывают у зрителей эстетическое удовольствие. Относительно *эмоциональной коммуникации* можно сказать, что именно в выделенных нами искусствах коммуникация часто используется для передачи определенных чувств или идей, которые возможно передать не только с помощью актерского мастерства, но также с помощью цвета, формы, стиля. Третьим общим качеством является *функциональность*, которая даже в театре, искусство которого предназначено, в том числе, для развлечения и эмоционального возбуждения зрителей, очень важна; а вот в декоративно-прикладном искусстве и дизайне функциональные аспекты исключительно значимы. Доказательством являются театральные костюмы и декорации, с помощью которых можно создавать необходимую атмосферу и помогать в передаче сюжета, настроения, эпохи и многого другого.

Следует подчеркнуть, что каждое из искусств – это *творческий процесс*, к составляющим которого относятся исследование, экспериментирование, разработка и реализация идей. Не секрет, что художники, дизайнеры и актеры стремятся к инновациям и оригинальным подходам в своей работе. Наконец, еще одной общей особенностью этих искусств является *способность воздействовать на аудиторию* и вызывать у зрителей различные эмоции, мысли и реакции. Они могут вдохновлять, удивлять, провоцировать и поднимать вопросы, стимулируя диалог и обмен идеями. И это является очень важным в освоении искусства в любом

возрасте и именно это делает их уникальными и интересными для изучения и понимания.

Чтобы иметь более полное представление об общем и различном в этих видах искусства, рассмотрим театр, дизайн и декоративно-прикладное творчество еще и со следующих позиций: а) *цель и функция*; б) *средства выражения*; в) *интерактивность и взаимодействие*. Начнем с *цели и функции*. В декоративно-прикладном искусстве целью является создание самого предмета, который может быть применен в повседневной жизни (керамическая посуда, текстиль, мебель и украшения). Но такие предметы сочетают в себе одновременно эстетическую привлекательность и функциональность. Само название этого вида искусства включает слово «прикладное», что указывает на использование в некоторой деятельности. *Дизайн фокусируется на создании функционально значимых объектов* или систем, которые удовлетворяют определенным потребностям и целям человека. К ним относится все – от промышленного дизайна и предметов интерьера до графического дизайна и веб-дизайна. *Целью искусства театра* является создание эмоционального и интеллектуального опыта у зрителей. Это может быть представление спектакля, в котором актеры передают определенные сюжеты, идеи и эмоции через актёрское мастерство и сценические элементы. В театре ключевыми средствами выражения являются актерское мастерство, сценическая речь, музыка, свет, звук, костюмы и декорации. Все это опирается на атмосферу спектакля на сцене, что помогает передаче содержания и вызову определенных эмоций у зрителей.

Еще одна общая особенность представляемых нами видов искусства – это интерактивность и взаимодействие. В дизайне и декоративном искусстве это выражается в основном в контакте со зрителем, который может наблюдать и восхищаться работой художника или дизайнера, не взаимодействуя напрямую с произведением искусства, с которым он встречается, например, в музее или на выставке. Этот контакт часто становится более тесным, а предметы приобретают функциональную значимость

и одновременно создают определенную атмосферу и настроение. Театр же в этом плане – вид и форма искусства, которые не обходятся без контакта как с создателями спектакля (режиссером и актерами), так и со зрителями, то есть включает в себя активное участие зрителей, которые смотрят представление, реагируют на действия на сцене, часто смеются, плачут или переживают вместе с персонажами.

Оглядываясь на сказанное выше, следует подчеркнуть, что в истории педагогики искусства всегда уделялось важное внимание декоративно-прикладному искусству, где особое место занимает народное искусство, разнообразием направлений и видов промыслов которого славится Россия. В современный период это относится и к дизайну, его роль чувствуется буквально во всем. Можно сказать, что дизайн и декоративно-прикладное искусство нередко объединяются в руках мастеров, художников, архитекторов и дизайнеров. Вот почему так важна методика обучения, при которой концентрация внимания детей происходит не только на театре, но еще и на декоративно-прикладном искусстве и дизайне. И это стимулировало и стимулирует методистов и учителей к созданию разнообразных форм и методов обучения, направленных на формирование креативности и самовыражения обучающихся именно таким путем. В качестве примера можно представить социогимнастический стиль обучения, авторами которого являются известные ученые Е. Е. Шулешко, А. П. Ершова, В. М. Букатов. Его основой является внедрение в систему организации урока в школе театральных технологий, предлагаемых как «режиссура» урока. Суть здесь в работе в малых группах, направленной на самообучение [2, с. 39].

«Для педагога, работающего в социогимнастическом стиле, – пишет В. М. Букатов, – учебный материал – это россыпи счастливых предлогов для того, чтобы каждый из учеников занялся установлением (возобновлением, укреплением, обновлением и т. п.) деловых взаимоотношений со сверстниками. Идеал социогимнастической педагогики не «передача знаний», а формирование поколения. Начинается

оно с появления участников чувства ровесничества, при котором для учеников очевидна и уважаема взаимная и равная заинтересованность в проявлении себя друг перед другом. И первоначально именно учебный материал и продвижение в нем делают эту заинтересованность очевидной» [2, с. 39].

В настоящее время в сфере декоративно-прикладного искусства наблюдаются новые подходы к использованию материалов к внедрению разнообразных культурных традиций. В дизайне такие обновления были всегда, и сегодня они развиваются достаточно быстро и часто неожиданно, особенно в области создания предметно-пространственной среды. Что касается театра, то здесь могут происходить различные события: премьеры новых постановок, фестивали, интересные перформансы и эксперименты в театральном искусстве, которые требуют оригинальных форм и представлений. В этом случае именно дизайну и декоративно-прикладному искусству принадлежит важная роль, например, использование виртуальной реальности или интерактивных элементов.

Хочется выделить характерные направления работы с детьми младшего возраста, так как именно в этом возрасте приобщение к искусству театра – это уникальная возможность вдохновлять ребенка на разнообразный творческий процесс и формировать таким образом способности к самостоятельной творческой деятельности. Здесь следует выделить факт *обучения через игру и экспериментирование (с игрой актера, настроениями, ситуациями, предметами, костюмами и многим другим)*, поскольку это способствует активному привлечению ребенка к процессу создания чего-то нового в увлекательной форме в контакте с другими детьми, а также в сотворчестве с педагогом. С другой стороны, важен процесс *развития фантазии и воображения* – основной задачи в приобщении ребенка к искусству, развития его умения соотносить свои знания и представления с созданием чего-то необычного и в то же время своего, понятного в процессе коллективного сотрудничества. Развитие воображения в младшем школьном возрасте наиболее важно,

поскольку именно в этот возрастной период ребенок, по словам Л. С. Выготского, синкретичен, то есть способен воспринимать и действовать одновременно в разных видах деятельности [4]. А искусство театра как раз и опирается на разные виды творческой деятельности и разнообразие работы с различными материалами.

Следует добавить, что такой подход к приобщению детей к театральному искусству был вызван следующими обстоятельствами: современные дети очень рано становятся самостоятельными, что предполагает изменение форм обучения, разнообразие предлагаемого материала и репертуара спектаклей, направленности на индивидуальное обучение каждого ребенка и его творческого развития. Именно в таких обстоятельствах создатель Детского образовательного театра М. В. Подковырова разработала и внедрила в практику педагогическую технологию творческого развития детей младшего возраста в рамках специальных занятий актерским мастерством в детском образовательном театре на основе дополнительного образования.

М. В. Подковыровой были созданы оригинальные технологии обучения и формы организации самого обучения, где все необходимые атрибуты, предметы, костюмы, оформление сцены создавалось всеми участниками, в котором дети-актеры были главными. Современный репертуар на основе классической, отечественной и зарубежной литературы, учитывающий психолого-педагогические особенности возраста детей; программа творческого развития и рабочая тетрадь; технология организации образовательного процесса, направленная на творческое развитие ребенка в рамках детского образовательного театра, также были разработаны автором М. В. Подковыровой.

На основе педагогического исследования с детьми младшего школьного возраста в рамках детского образовательного театра были выявлены базовые *качества*, которые необходимо формировать у детей в процессе освоения актерского мастерства: а) *культурно-творческие* – основаны на работе с качественным репертуаром (развитие критического мышления и эмпатии к персонажам, а также к различным людям),

благодаря общей командной работе, дети стали более пунктуальными и дисциплинированными; б) *коммуникативные* – дети научились эффективно взаимодействовать в команде, у них развивались лидерские качества, умение слушать других и проявлять осознанность, они научились управлять собой и ориентироваться на результат; в) *эмоционально-образные* – работа над ролью способствует развитию эмоционального интеллекта детей, в результате они становятся более раскрепощенными, учатся выражать свои чувства как на сцене, так и в жизни; развивается воображение и фанта-

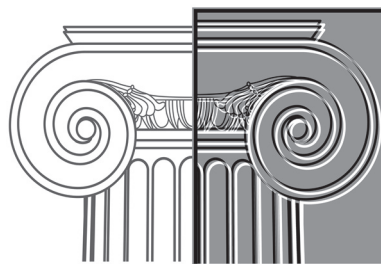
зия; г) *социально-личностные* – работа в спектаклях формирует у детей командный дух, дружелюбное отношение друг к другу, они учатся решать, самоорганизовываться и помогать друг другу; д) *художественно-эстетические* – работа над спектаклями позволяет детям знакомиться с различными культурами и эпохами, что способствует их эстетическому и духовному развитию. А в итоге, как показала практика, это позволяет пробудить у детей художественный интерес в более глубоком и синтетическом качестве: они начинают интересоваться музыкой, живописью, скульптурой и кинематографом.

Список литературы

1. Антокольский-Фейгельман А. А. Некоторые вопросы специфики к педагогической направленности в спектакле для детей среднего возраста /Фонд ГПБ им. К. Д. Ушинского № 40, опись № 3, ед. хр. № 15. 23 с.
2. Букатов В. М. Педагогические таинства дидактических игр. Учебное пособие. Москва: Флинта, 1997. 93 с.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. Москва: Педагогика. 1991. 480 с.
4. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. Санкт-Петербург: СОЮЗ, 1997. 96 с.
5. Гроховская В. Н. Художественное воспитание школьников младших классов средствами театра / Фонд ГПБ им. К. Д. Ушинского. Из архивного материала 225, Ф. 40, оп.1. т. 1 1931–1977].
6. Макаренко А. С. О воспитании молодежи Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство «Трудрезервиздат». 1951. 396 с.
7. Савенкова Л. Г. Воспитание человека в пространстве мира и культуры: интеграция в педагогике искусства. Москва: МАГМУ-РАНХиГС, 2014, 156 с.
8. Шацкая В. Н. Эстетическое воспитание в советской школе: драматические кружки и театр для детей. Москва: Издательство Академии Педагогических Наук РСФСР. 1954. 125 с.
9. Эльконин Д. Б. Психология игры. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.
10. Юсов Б. П. Современная концепция образовательной области «Искусство» // Взаимосвязь культурогенных факторов в формировании современного художественного мышления учителя образовательной области «Искусство». Москва: 2004. С. 54–68.

*

Поступила в редакцию 19.04.2024

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ

ВЫПУСКНИКИ БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

УДК 02+378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-145-150>

О. Б. Сладкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: olgasladvkova2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме трудоустройства выпускников вузов. Отмечается, что по данным Федеральной службы государственной статистики только 25% выпускников работают по полученной в вузе специальности. Обращается внимание на специфику в трудоустройстве выпускников библиотечно-информационных факультетов. Приводятся общие позиции работодателей, связанные с оценкой профессиональной подготовки и ценностно-мотивационных установок выпускников, а также – данные о мнениях выпускников на проблему трудоустройства. Выпускники отмечают недостаточную оплату труда и сложности с адаптацией в профессиональной сфере. Выпускники испытывают сложности с профессиональным сознанием и самоопределением. Предлагаются возможные меры помощи молодым специалистам в профессиональном самоопределении и трудоустройстве. Особая роль отводится университетским центрам трудоустройства, причем их функции меняются с посреднических на диагностические. Подчеркивается значение сотрудничества между всеми подразделениями университета в решении этой проблемы.

Ключевые слова: трудоустройство, рынок труда, библиотечное образование, рынок образовательных услуг, информационные технологии, управление качеством образования, выпускники вузов, молодые специалисты, карьерные цели.

Для цитирования: Сладкова О. Б. Выпускники библиотечно-информационных факультетов на рынке труда // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 145–150. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-145-150>

GRADUATES OF LIBRARY-INFORMATION FACULTIES ON LABOR MARKET

Olga B. Sladkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: olgasladvkova2@mail.ru

СЛАДКОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры

SLADKOVA OLGA BORISOVNA – DSc in Cultural Studies, Professor, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture

© Сладкова О. Б., 2024

Abstract. The article is devoted the problem of young specialist's employment. There are disclose contradiction between the opportunities of the young specialist's employment and labor market's offers. The Federation State Department of Statistics certificates that 25% graduates will find the job of their specialization. This problem is more critical in library profession. There are analysed positions of holders employments to professional competence and the young specialist's opinions about professional offers: a few of professional offers, difficulties to value make one's career, social adaptation in professional sphere and low salary. Among this possibilities to young specialists are the competition to the best vacancy, to rise prestige of vacancy, comfortable organization of work. There are described the role of employment centers of universities: change functions from mediator to diagnosis, the main of monitoring of educational sphere. There are underlined the important of collaboration between all university departments in this problem.

Keywords: employment, labor market, professional education, library education, library profession, information technologies, quality management of education, University graduates, career purposes, youth specialists.

For citation: Sladkova O. B. Graduates of library-information faculties on labor market. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 145–150. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-145-150>

Государственный аспект проблемы трудоустройства выпускников вузов

Анализ статистических данных выборочного наблюдения за трудоустройством выпускников организаций профессионального образования 2016–2020 гг. выпуска демонстрирует в целом благоприятную картину [1]: в Москве трудоустроено 86% выпускников. Однако большинство российских высших учебных заведений озабочено трудоустройством собственных выпускников, потому что тот же источник сообщает, что каждый четвертый выпускник находит работу не по специальности, полученной в университете. В некоторых областях количество выпускников, работающих не по специальности даже выше, например, в сельскохозяйственных отраслях [3; 10]; неоднозначна картина среди различных профессий в информационной области деятельности [4] и т. д. В общегосударственном масштабе трудоустройство не по специальности приводит не только к экономическим, но и к нравственным и культурным потерям, а в итоге снижает ценность высшего образования как такового.

Федеральная служба государственной статистики, под эгидой которой проводилось выборочное наблюдение трудоустройства выпускников, выявляет основные тенденции этой проблемы [7]:

- среди нетрудоустроенных по специальности доминируют студенты очной формы обучения;
- постоянно повышается доля студентов, непрерывно работающих на протяжении всех лет обучения;
- молодые специалисты отмечают недостаточную оплату труда;
- многие разочаровываются в профессии, окунувшись в реальные условия предметной деятельности.

Учитывая перечисленные трудности, педагогика взрослых (андрагогика) неслучайно относит выпускников вузов к категории незащищенных слоев населения, которой необходимо помогать в трудоустройстве, чтобы они не оказывались в числе безработных или частично занятых. Эту задачу должны совместно решать и государственные, и общественные организации.

В каждой профессиональной сфере имеются специфические нюансы, с которыми сталкиваются выпускники вузов. Цель данной статьи заключается в анализе причин, препятствующих трудоустройству выпускников библиотечно-информационного факультета по специальности и в выработке рекомендаций, следование которым поможет повысить долю трудоустроенных выпускников по направлению подготовки *библиотечно-информационная деятельность*.

Позиции соискателей рабочих мест и работодателей различаются

Разумеется, что предложения рынка труда и спрос рынка образовательных услуг не могут полностью совпадать, так как практика объективно опережает учебные планы и программы университетов. Специфика исследуемой области состоит в том, что почти во всех библиотеках (даже в Москве, не говоря о провинции) имеются вакансии на места библиотекаря высшей квалификации. Во многих случаях эти вакансии занимаются людьми, не имеющими высшего библиотечного образования. Эти вакансии могли бы быть предоставлены выпускникам факультетов библиотечно-информационной деятельности, но проблема не решается так просто. Во-первых, в библиотеках различных типов картина трудоустройства складывается неодинаково (например, научные библиотеки и публичные муниципальные библиотеки требуют разной степени подготовки специалистов и, соответственно, предполагают различные профессиональные обязанности, условия карьерного роста, оплаты труда и т. д.). Во-вторых, профессиональная среда выпускников библиотечно-информационного факультета включает не только библиотеки, но информационные бюро, институты информации, информационно-аналитические отделы организаций и др., в которых перечисленные аспекты труда отличаются еще в большей степени.

Кроме отличий, объясняемых предметной областью, имеются и совпадения как в позициях работодателей, так и в позициях претендентов на рабочие места.

Анализ публикаций [8; 9; 10] показывает общее в позициях работодателей. В основном работодатели не довольны уровнем профессиональной подготовки выпускников, а также тем, что молодые специалисты не всегда в полной мере разделяют устои, сложившиеся в организации, и ее корпоративную культуру. В частности, это проявляется в различных ценностно-мотивационных установках выпускников и работодателей. Например, работодатели полагают, что выпускники

не обладают достаточными знаниями для выполнения определенных профессиональных обязанностей, однако при этом имеют высокий уровень собственных притязаний. Что же касается молодых женщин, они, как правило, вообще ориентированы не на профессиональную карьеру, а на создание семьи. Кроме того, цели организации не всегда понятны молодым специалистам. Практически в каждой организации складываются собственные технологические особенности профессиональных процессов, не знакомые выпускникам. (В библиотеках это может ощущаться довольно сильно даже в процессах, требующих формализации действий: например, в тонкостях библиографического описания документов).

Для молодых специалистов очень важен институт наставничества. Наставники нужны новичкам, так как помогают усвоить правила жизни рабочего коллектива. Но, к сожалению, финансовые, трудовые и другие ресурсы организации ограничены, и не всегда молодому специалисту в начале профессионального пути будет обеспечена встреча с умным, опытным и доброжелательным старшим товарищем. Надо также иметь в виду, что учебные программы вузов не могут в полной мере соответствовать задачам практики, ее специфическим особенностям в каждом конкретном случае, поэтому выпускник должен быть готов к тому, что придется доучиваться, осваивать своеобразные технико-технологические приемы и принимать уже сложившийся психологический климат рабочего коллектива.

Как показало исследование, во мнениях выпускников также прослеживаются общие настроения:

- профессиональные амбиции, которые воспитывались в вузе, не поддерживаются предложениями рынка труда;
- карьерные цели молодых специалистов не всегда соответствуют реальной обстановке, которая ожидает их на практике;
- молодым специалистам сложно принять нормы и правила трудовых коллективов и адаптироваться к ним;

- молодые люди, приехавшие учиться из провинции, не всегда желают уезжать из столичных и других больших городов, так как их мотивация пребывания в университете не всегда была связана с получением профессии, а ориентировалась на другие факторы: жить в этом городе, получать образование за счет бюджета и т. д.;
- многие выпускники рассматривают первое место своей работы только в качестве стартовой площадки для приобретения опыта, поэтому готовы терпеть неудобства и «тяготы» положения, чтобы в дальнейшем найти более выгодное место трудоустройства.

«Правильное поведение» студентов

Итак, как бы ни банально это звучало, к трудовой деятельности лучше подготовлены те студенты, которые хорошо и с интересом учились. Поэтому в профессиональном самоопределении выпускников должны принимать участие и сами студенты, и преподаватели, обучающие их на протяжении всех лет пребывания в вузе.

Следует принять, что мотивационная сторона профессионализма в библиотечной сфере не очень высока, поэтому роль преподавателей, особенно специальных дисциплин, очень ответственна и заключается в том, чтобы объяснять общественное значение профессии, подчеркивать ее роль в различных областях жизни, помогать выстраивать студентам собственное профессиональное целеполагание. Особенный смысл действиям педагога придает современный информационно-коммуникативный формат, который должен быть освоен библиотечно-информационными работниками. Имеется в виду, что студенты должны обучаться новым технологиям и методикам аналитико-синтетической переработки информации; знать приемы информационного оперирования; понимать принципы системы информационных потребностей населения; учитывать повышение общего уровня информационной культуры; знакомиться

с новыми моделями информационного поведения людей. Все это и многое другое должен сегодня знать специалист информационной сферы и обладать соответствующими умениями и навыками [2; 4; 5; 6].

В течение всей профессиональной жизни человека происходит продолжение, углубление, уточнение профессионального самоопределения как поиска личного смысла в осваиваемой профессиональной деятельности. И этот путь не противоречит социализации личности, а тесно с ней связан – усвоением общественно выработанного опыта, становлением собственного мировоззрения, развитием духовных ценностей, воспроизводством социальных связей и т. д. Замечено, что социальная адаптация проходит более успешно у студентов, которые активно участвовали в жизни университета, помогали товарищам по академической группе, кроме учебы занимались спортом, участвовали в творческих мероприятиях и т. д. В этом направлении тоже заметна роль преподавателей и кураторов групп.

Студент не всегда представляет реальную профессиональную практику, и какие-то его заблуждения и неправильная трактовка событий и явлений может осложнить его дальнейший путь в профессии. Важно помочь студенту выстроить свои карьерные представления, оценить возможность профессионального роста, представить этапы восхождения к профессионализму: как в широком смысле – достижение высокого профессионального статуса, так и в узком – занятие определенных должностей. В больших компаниях существуют специальные кадровые службы и консалтинговые фирмы, которые помогают молодым специалистам планировать карьерный рост. В библиотечной практике вряд ли имеются такие специальные службы, поэтому на преподавателей возлагается и эта задача. Студентов полезно научить создавать собственные карьерограммы на 5–10 лет, предусматривающие горизонтальное (освоение различных операций и даже смежных сфер деятельности) и вертикальное (занятие более

высоких должностей) перемещение по службе на основе повышения уровня образования, квалификации, профессионального мастерства и т. д. Этой цели может соответствовать специальная дисциплина по выбору.

Большое значение имеет воспитание профессионального самосознания

Оно включает осознание норм, правил, эталонных качеств, моделей своей профессии, а также – способности увидеть эти качества у других людей и оценить их наличие у себя. Большую роль в профессиональном становлении играет соотнесение себя с профессиональным сообществом, умение представить себя в более широком профессиональном контексте. Этому способствует привлечение студентов к научной деятельности: участие в научно-практических конференциях, подготовка научных докладов, публикация статей, выполнение различных творческих заданий, разработка проектов, которые реализуются в конкретных библиотеках и других информационных учреждениях. Для расширения представлений о профессии имеют значение знания о профессиональных общественных организациях, специальной периодической печати и, конечно, о выдающихся деятелях в профессии.

Несомненно, что профессиональное самоопределение и самосознание может и должно способствовать трудоустройству выпускников, однако человеку нужно быть готовыми и к кризисным ситуациям. Все молодые специалисты с большей или меньшей болезненностью переживают кризис, когда впервые вливаются в профессиональный коллектив, потому что им нужно не только показать уровень профессиональной подготовки, но и принять дисциплинарные нормы, правила поведения в данном сообществе, особенности делового и межличностного общения. Знание об этих психологических новообразованиях может в дальнейшем уберечь молодого специалиста от срывов, перегрузок и стрессов.

Итак, возьмем на себя смелость дать советы молодому специалисту: быть готовым

- переучиваться,
- осознавать, что вы еще не профессионал,
- представлять собственную карьеру,
- не «гнаться» только за зарплатой,
- уметь создавать свое резюме,
- подготовиться общаться с людьми,
- знать приемы борьбы с эмоциональным выгоранием,
- найти работу еще во время учебы.

Действия университета по трудоустройству выпускников

На наш взгляд, возможное решение проблем успешного трудоустройства заключается в тесной взаимосвязи всех структурных подразделений университета, также – в определенных функциональных изменениях в их деятельности по трудоустройству выпускников. Представляется, что полезным было бы

1. организовать в каждом университете Центр по трудоустройству выпускников и для поддержания связи с молодыми специалистами;
2. расширить функции Центра по трудоустройству, не ограничивая его только посредничеством между работодателями и университетом, а обязать вести мониторинг потребностей рынка труда: выявлять наиболее перспективные профессии и сферы занятости [7];
3. на постоянной основе контактировать с работодателями;
4. создать и поддерживать сайт вакансий;
5. организовать клуб выпускников;
6. активнее использовать социальные сети для общения выпускников различных лет;
7. проводить среди студентов конкурсы на занятие лучших рабочих мест;
8. рекомендовать работодателям предлагать выпускникам более удобные формы организации работы: свободный режим занятости, неполный рабочий день, дистанционные формы труда и т. д. [4];

9. продолжать и расширять практику объявления грантов и назначения стипендий, установленных различными конкретными органами территориального управления и отдельными предприятиями;
10. усилить рекламу учебного заведения, более активно используя для этого средства коммуникации: электронную рассылку анкет, телефонные звонки, социальные сети, встречи с выпускниками, личные контакты;
11. осознать необходимость создания в университетах службы психологической поддержки.

Список литературы

1. *Бронникова Е. М., Васютина Е. С., Виноградова М. В., Горюнова Н. А., Единак Е. А., Ерохин С. Г., Капчиц В. Е., Конов А. А., Королькова Н. А., Крюкова Е. М., Кулямина О. С., Матраева Л. В., Петровская Е. Л., Рыскина О. И., Солодуха П. В.* Анализ различных аспектов трудоустройства выпускников – 2021: статистический бюллетень: монография. Москва: Российский государственный социальный университет, 2022. 179 с.
2. *Дворкина М. Я.* Библиотека: сфера образования, науки, культуры, интеллектуального культурно-досугового обслуживания // Библиосфера. 2013. № 1. С. 81–82.
3. *Калиниченко Г. С.* Информационная среда как связующее звено в отношениях «соискатель-работодатель» // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы XXI века. 2020. Выпуск 4. С. 109–112.
4. *Лопатина Н. В.* Библиографическая профессия: перспективы развития в цифровом мире // Научные и технические библиотека. 2021. № 10. С. 29–44.
5. *Лопатина Н. В.* Информационные кадры цифровой экономики: новый этап информационной профессии // Информационные ресурсы России. 2019. № 3 (169). С. 9–15.
6. *Лопатина Н. В.* Дополнительное профессиональное образование библиотекарей: реализация образовательных проектов национального уровня // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (106). С. 154–159.
7. Наши исследования: трудоустройство выпускников в Российской Федерации // ВНИИ труда. Минтруда России. [Электронный ресурс] URL: <http://vcot.info/blog/nashi-issledovaniya-trudoystroystvo-vypusnikov-rossiyskoj-federatsii>.
8. *Саксельцева, Л. Я.* Проблемы занятости и трудоустройства молодежи в фокусе социологии // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 4 (55). С. 85–87.
9. *Сергеева С. Ю.* Современные подходы и методы оценки качества образования // Молодой ученый. 2019. № 37. С. 162–165 [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/275/62424/>
10. *Сладкова О. Б.* Молодые специалисты на рынке труда // АПК: инновационные технологии. 2020. № 1. С. 22–25.

*

Поступила в редакцию 13.03.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМАТИКИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ЧТЕНИЯ

УДК 37.022

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-151-158>

Ю. П. Мелентьева

ФГБУН НИЦ «Наука» Российской академии наук (РАН),
Москва, Российская Федерация,
e-mail: dreitser@yandex.ru

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: dreitser@yandex.ru

Аннотация. Авторы представляют анализ Перечня актуальных тематик диссертационных исследований в сфере «Науки об образовании», разработанный по направлениям исследований паспортов научных специальностей, входящих в группу научных специальностей «5.8 Педагогика» Номенклатуры научных специальностей 2021 года. Выявлены причины, обуславливающие необходимость включения проблем чтения в современную исследовательскую повестку. Раскрыто противоречие между упрощением подходов в организации чтения и цивилизационным характером чтения как социального и культурного явления. Определена необходимость теоретической разработки актуальных проблем чтения в междисциплинарном исследовательском поле и в современной педагогике. На основе анализа содержания Перечня выявлены позиции, связанные с проблемами чтения. Определены актуальные направления исследования чтения в рамках научной специальности 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Ключевые слова: чтение, педагогические науки, науки об образовании, диссертации, научная повестка, актуальные тематики исследований.

МЕЛЕНТЬЕВА ЮЛИЯ ПЕТРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, заведующий отделом проблем чтения ФГБУН НИЦ «Наука» Российской академии наук, Заслуженный работник культуры Российской Федерации

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой библиотечно-информационных наук Московского государственного института культуры, Почетный работник сферы образования Российской Федерации

YULIA PETROVNA MELENTYEVA – DSc in Pedagogy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Reading Problems of the Federal State Budgetary Institution Scientific Research Center “Science” of the Russian Academy of Sciences (RAS), Honored Worker of Culture of the Russian Federation

LOPATINA NATALIA VIKTOROVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation

© Мелентьева Ю. П., Лопатина Н. В., 2024

Для цитирования: Мелентьева Ю. П., Лопатина Н. В. Актуальные тематики диссертационных исследований по проблемам чтения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 151–158. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-151-158>

CURRENT TOPICS OF DISSERTATION RESEARCH ON READING PROBLEMS

Yulia P. Melentyeva

Federal State Budgetary Institution Scientific Research Center "Science"
of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Moscow, Russian Federation,
e-mail: dreitser@yandex.ru

Natalia V. Lopatina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: dreitser@yandex.ru

Abstract. The authors present an analysis of the List of relevant topics of dissertation research in the field of "Science of education", developed according to the research directions of the passports of scientific specialties included in the group of scientific specialties "5.8 Pedagogy" of the Nomenclature of scientific specialties in 2021. The reasons for the need to include reading problems in the modern research agenda have been identified. The contradiction between the simplification of approaches in the organization of reading and the civilizational nature of reading as a social and cultural phenomenon is revealed. The necessity of theoretical development of actual problems of reading in the interdisciplinary research field and in modern pedagogy is determined. Based on the analysis of the contents of the List, positions related to reading problems have been identified. The current directions of reading research within the framework of the scientific specialty 5.8.1 - General pedagogy, history of pedagogy and education are determined.

Keywords: reading, pedagogical sciences, education sciences, dissertations, scientific agenda, current research topics.

For citation: Melentyeva Yu. P., Lopatina N. V. Current topics of dissertation research on reading problems. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 151–158. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-151-158>

В 2023 году Российская академия образования и Высшая аттестационная комиссия Российской Федерации представили перечень актуальных тематик диссертационных исследований в сфере «Науки об образовании», разработанный по направлениям исследований паспортов научных специальностей, входящих в группу научных специальностей «5.8 Педагогика» Номенклатуры научных специальностей 2021 года [6]. Перечень является результатом масштабного и многоуровневого исследования мнения экспертов в области педагогических наук, проводимого на протяжении двух лет РАО и ВАК. Документ имеет

стратегический характер, выступая «ориентиром для соискателей ученой степени кандидата / доктора педагогических наук, их научных руководителей / научных консультантов при выборе темы диссертации, а также для формирования основных направлений научных исследований об образовании в организациях высшего образования и научных организациях» [6, с.13].

В этой статье мы анализируем новое решение, предлагаемое РАО и ВАК, с точки зрения представленности в нём исследовательских вопросов, связанных с феноменом чтения, и стремимся выявить актуальные

тематики этого исследовательского поля, выступающие ответом на современные общественные вызовы. Постановка этой задачи обусловлена, как минимум, тремя причинами, определяющими своевременность её решения.

В первую очередь, речь идёт о понимании чтения как явления цивилизационного масштаба, выступающего одним из базовых компонентов культуры и образования [5]. Анализ корпуса научных исследований чтения в структуре социальных и гуманитарных наук прошлого и настоящего устанавливает устойчивую традицию его изучения в онтогенетической и филогенетической проекции. С одной стороны, чтение рассматривается как особый вид деятельности личности, встроенный во все социальные практики человека и направленный на удовлетворение широкого круга мировоззренческих и повседневных информационных потребностей. Вместе с тем специфика чтения как деятельности состоит в его формирующем и развивающем потенциале, в способности влиять на личностные характеристики, на психологическое состояние и мыслительные процессы, на модели поведения, систему ценностей и жизненных ориентиров. С другой стороны, чтение демонстрирует черты социального института как исторически сложившейся формы организации и регулирования общественной жизни посредством трансляции знаний, накопленных человечеством в пространстве и времени и обеспечивающих социализацию и инкультурацию [4].

Однако существующая система организации и исследования читательских практик демонстрирует упрощённое понимание чтения как психофизиологического процесса восприятия текста, зафиксированного на традиционном (бумажном) носителе, что не позволяет в полной мере использовать потенциал чтения в социальном управлении в условиях актуальных геополитических вызовов. Наблюдается противоречие между бытованием прагматичных подходов в организации чтения и цивилизационным характером чтения как социального и культурного явления. Оно

требует разработки проблем чтения в междисциплинарном исследовательском поле, в том числе – на стыке педагогических наук и других наук социально-гуманитарного цикла.

Диалектика онтогенетического и филогенетического подходов в изучении чтения в исторической проекции [5] позволяет аргументировать влияние чтения на качества личности в различные исторические периоды, с одной стороны, и, с другой стороны, выявляет влияние качества читательских практик, инфраструктуры чтения на интеллектуальный и ценностный потенциал нации в конкретные эпохи. Однако исследования чтения в русле ретроспективного и историко-сравнительного видов исторического анализа не могут обеспечить современные институции чтения и читательские практики наукоёмким инструментарием, достаточным для решения актуальных задач развития общества и личности на настоящем этапе. Именно это позволяет говорить о целесообразности акцентирования внимания исследователей, во-первых, на личностном уровне динамики читателя в условиях цифровых трансформаций и на возможности педагогического воздействия на человека и его читательские практики, на проектировании педагогических и библиотечно-информационных систем управления чтением различных социальных, в том числе, возрастных, групп. Во-вторых, следует обратить особое внимание на разработку механизмов целенаправленного влияния на общественные и культурные процессы посредством чтения.

Высокая социальная значимость исследований чтения позволяет обозначить следующую причину наших усилий по разработке актуальных тематик: снижение интереса соискателей ученой степени к разнообразию проблем чтения. За последние 5 лет по научной специальности «Библиоковедение, библиографоведение и книговедение» было представлено лишь два исследования, напрямую связанные с чтением [1; 2]. В рамках научных специальностей, непосредственно относящихся к отрасли педагогических наук

(наук об образовании), количество представленных диссертационных исследований, посвящённых различным аспектам чтения и смежным вопросам, составляет менее 3% от общего числа работ. Вывод сделан на основе сбора метаданных, представленных на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии России в разделе «Объявления о защитах», и их анализа. Данная ситуация требует активизации интереса к изучению чтения как отдельных исследователей и исследовательских коллективов, так и организаций, обладающих соответствующим ресурсом. Определение круга приоритетных проблем чтения, требующих изучения и разработки, включение их в документы стратегического характера, может содействовать повышению внимания отечественных учёных к ним в междисциплинарном и монодисциплинарном исследовательском поле.

Понимание возможностей целенаправленного использования читательских практик в социальном управлении, в культурном процессе, в увеличении интеллектуального потенциала и технологического суверенитета страны требует построения национальной стратегии изучения чтения и направленного развития читательских практик в рамках наук об образовании и смежных наук, в первую очередь, библиотечно-информационных наук.

Задачи определения приоритетных направлений исследований чтения, поставленные в данной статье, решались с помощью

- 1) анализа содержания перечня актуальных тематик диссертационных исследований на предмет отражения в нём задач изучения чтения в фундаментальном, операциональном, прикладном ракурсе;
- 2) пробельного анализа, выявляющего разрыв между представленными в перечне позициями и исследовательскими вопросами, обусловленными современной государственной культурной, образовательной, информационной политикой;

- 3) моделирования междисциплинарного поля исследований чтения в современной системе науки и определения актуальных направлений исследования чтения в рамках научной специальности 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Анализ перечня актуальных тематик диссертационных исследований в сфере «Науки об образовании» [6] показал, что позиции, связанные с чтением, отражены в следующих разделах:

- Тематики по направлению исследований «1.22. Научно-педагогические основы формирования функциональной грамотности»: «Исследование проблемы чтения и формирования читательской грамотности» (1.22.1) [6, с. 30];
- Тематики по направлению исследований «2.4. Научные основы проектирования методических систем обучения и воспитания по областям и уровням образования»: «Методика обучения функциональному чтению на уроках русского языка» (2.4.2) [6, с. 43];
- Тематики по направлению исследований «2.11. Формирование мотивации обучающихся средствами учебного предмета (дисциплины, курса, модуля)»: «2.11.3. Развитие мотивации к чтению литературы (по уровням образования)» [6, с. 48]. Следует отметить, что другие тематики этого раздела могут быть уточнены с акцентированием на чтении как предмете диссертационного исследования или одной из исследовательских задач. Например, изучение применения социализирующего потенциала чтения детей – как на уровне теоретических моделей, так и на уровне разработки конкретных методик – может осуществляться в соответствии с пунктами «2.11.8. Формирование индивидуальных образовательных траекторий обучающихся (по уровням образования)»

и «2.11.10. Формирование познавательного интереса к учебным предметам на уровне общего образования». Исследование методов информационного анализа текстов художественных произведений и инструментов библиографии в проектировании читательских практик отвечают направленности пунктов «2.11.4. Развитие мотивации у обучающихся к изучению родного языка» и «2.11.9. Формирование мотивации обучающихся средствами русского / иностранного языка, лингвокультурологии, лингвострановедения, лингвокраеведения». Цифровое чтение как новый объект исследования соответствует пункту «2.11.12. Цифровая образовательная среда – новое пространство для мотивации обучающихся».

- Тематики по направлению исследований «2.12. История становления и развития теории и методики обучения и воспитания по областям знаний и уровням образования»: История развития читательской культуры обучающихся (2.12.7) [6, с. 49].

Отдельные исследовательские вопросы, связанные с чтением, могут быть рассмотрены в рамках следующих позиций: «1.7.15. Роль и значение библиотечного дела в системе отечественного и зарубежного внешкольного образования и просвещения» [6, с. 22] и «7.1.26. Профессиональная подготовка библиотечных кадров в условиях цифровой трансформации общества и научных коммуникаций» [6, с. 106].

Учитывая направленность и формат анализируемого Перечня, мы считаем перспективным включение в него следующих позиций, интегрирующих актуальные исследовательские вопросы в области приложения общей теории чтения к научным задачам сферы образования:

- в раздел 1.2. «Междисциплинарные основы педагогических исследований (исследование различных на-

правлений развития образования на основе интеграции различных научных областей знаний; исследование педагогической деятельности в контексте социально-философской антропологии; актуализация педагогической составляющей социальных процессов)» [6] пункта «Разработка теоретических и прикладных инструментов изучения и развития чтения, руководства читательской деятельностью на основе интеграции различных областей знаний»;

- в раздел 1.20 «Типы и модели обучения, образовательные технологии; концепции развития учебно-методического обеспечения процесса обучения и средств обучения; специфика обучения на разных уровнях образования» [6] пунктов «Учебное чтение, познавательное чтение на разных уровнях образования» и «Библиотеки образовательных организаций (школьные библиотеки, библиотеки высших учебных заведений), традиционные и электронные информационно-образовательные ресурсы в структуре учебно-методического обеспечения процесса обучения».

Вместе с тем теоретическая разработка актуальных проблем чтения в педагогике целесообразна также в рамках следующих направлений исследований:

«1.3. Научно-педагогические основания трансформаций в образовании в условиях изменяющегося социума. Инновации в образовании» [6] – в аспекте влияния цифрового чтения, а также основанных на нём форм медиапотребления, на эффективность содержания и методики образовательного процесса по уровням обучения; в аспекте информационно-библиографического компонента дистанционного образования, читательского компонента неформального образования и воспитательных практик в условиях цифровизации; в плане создания циф-

ровых ресурсов, реализующих социально-педагогическое воздействие, в помощь самообразовательному и развивающему чтению;

«1.4. Методология оценки качества образования. Теоретические основы педагогической экспертизы» [6] – в аспекте разработки инструментов диагностики и экспертизы читательских практик и библиотечно-информационного сопровождения образовательного процесса по уровням образования;

«1.5. Развитие педагогической науки как целостной системы научного знания и научной деятельности; система современного педагогического знания. Исследования терминологического аппарата педагогической науки» [6] – в аспекте определения позиций общей теории чтения в структуре современного педагогического знания, в аспекте разработки понятий «учебное чтение», «познавательное чтение»;

«1.10. Теории и концепции образования» [6] – в аспекте изучения влияния чтения как социального института на институт образования, а также изучения чтения как социокультурного фактора, обуславливающего образовательные траектории личности;

«1.11. Динамика образования на различных этапах жизненного пути человека; социокультурные эффекты образования» [6] – в аспекте разработки инструментов применения чтения в психолого-педагогическом сопровождении образовательных и воспитательных практик;

«1.12. Педагогические аспекты формирования самосознания, самоопределения и саморазвития человека» и «1.13. Развитие непрерывного образования. Взаимосвязь формального, неформального и информального образования» [6] – в аспекте чтения как инструмента самообразования, создания инфраструктуры самообразовательного чтения, педагогического сопровождения читательского развития и читательской деятельности, педагогического проектирования «цифрового мира чтения»; в аспекте чтения как механизма преемственности в системе непрерыв-

ного образования, в том числе, чтения детей в системе подготовки к школе;

«1.14. Педагогическое взаимодействие в информационно-образовательной, гибридной среде» [6] – в аспекте разработки позиций и роли чтения в образовательной медиасреде; в аспекте проектирования цифровых платформ чтения для конкретных групп пользователей; применения искусственного интеллекта для создания научно-популярных и адаптированных произведений для определенных групп читателей;

«1.16. Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья и/или инвалидностью...» [6] – в аспекте тифлобиблиографии, педагогического проектирования читательского репертуара в рамках конкретных нозологических групп, организации читательских практик тьюторов и родителей;

«1.17. Инклюзивное образование лиц, для которых ограничен доступ к образованию на основании социально приписываемых или предполагаемых различий, таких как пол, этническое/социальное происхождение, язык, религия, национальность, экономическое состояние ...» [6] – в аспекте педагогического сопровождения читательских практик как наиболее доступного вида социальных практик образовательной и культурной направленности;

«1.18. Индивидуализация и дифференциация образования. Гуманизация образования» [6] – в аспекте разработки педагогического сопровождения читательской деятельности в структуре дополнительного образования детей, индивидуальной внеурочной деятельности, поддержки литературной деятельности детей;

«1.23. Теоретико-методологические проблемы проектирования и моделирования содержания образования» [6] – в аспекте проектирования репертуаров чтения и книгоиздания в проекции актуальных задач социальной педагогики;

«1.26. Теории и концепции развития, воспитания и социализации. Социокультурная

и личностная обусловленность воспитания; антропология современного детства. Взаимосвязь воспитания личности и развития коллектива (сообщества)», «1.27. Ценностные основания построения воспитательных систем в современном социокультурном пространстве, в образовательных организациях различных уровней образования», «1.29. Межкультурное, этнокультурное воспитание в современном мире», «1.30. Исследования развития и воспитания несовершеннолетних, содержащихся в образовательных организациях различного типа» [6] – в аспекте целенаправленного применения чтения во всех видах воспитания и типах воспитательных практик, в аспекте разработки понятия «чтение детей»;

«1.28. Теория и практика организации воспитательного процесса в образовательных организациях различных типов, по различным уровням образования» [6] – в аспекте деятельности школьной библиотеки в решении соответствующих задач;

«1.32. Педагогические исследования воспитательных и социокультурных практик, детских и молодежных общественных движений и объединений» [6] – в аспекте разработки инструментов чтения в воспитании в сфере молодежных субкультур;

«1.33. Семейное воспитание и обучение; педагогическая поддержка семейного воспитания. Педагогическое просвещение родителей» [6] – в аспекте разработки проблем семейного чтения;

«1.34. Педагогические исследования профилактики и коррекции асоциального поведения обучающихся» [6] – в аспекте чтения как инструмента педагогической коррекции;

«1.36. Управление образованием. Модели, концепции и технологии управления образованием» [6] – в аспекте создания цифровой инфраструктуры чтения школьников, студентов, в том числе, электронных библиотек внеклассного чтения, моделей организации учебного и познавательного чтения;

«1.41. Образовательная политика. Стандартизация образования. Государственно-

общественное управление образованием. Теория и практика лидерства в образовании» [6] – в аспекте проектирования учета читательской деятельности в современной образовательной политике и т. д.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были определены направления исследования чтения, соответствующие актуальным тематикам диссертационных исследований, разработанным для научной специальности 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования. Между тем необходимо обратить внимание на целесообразность привлечения междисциплинарного теоретико-методологического инструментария в педагогических исследованиях чтения, что доказал опыт моделирования этой предметной области в энциклопедическом словаре «Чтение» [7].

Мы надеемся, что предпринятая в этой статье попытка экспликации паспорта научной специальности и актуальных тематик в многообразии исследовательских задач в области общей теории чтения и ее приложений в современных образовательных практиках поможет молодым учёным и их научным руководителям выбрать ориентиры для научной работы, отвечающие запросам современного общества. Кроме того, будем очень рады, если наш опыт продолжат коллеги в плане проведения подобных исследований для других специальностей группы 5.8, а также – для постановки задач определения актуальных тематик диссертационных работ по исследованию чтения в рамках научно-исследовательской повестки научной специальности 5.10.4 – Библиоковедение, библиографоведение и книговедение (педагогические, исторические, филологические науки, культурология). Это имеет большое значение для организации научных исследований в библиотеках как активных участников государственной культурной политики [3], в высших учебных заведениях, реализующих программы подготовки кадров высшей квалификации, в аспирантуре.

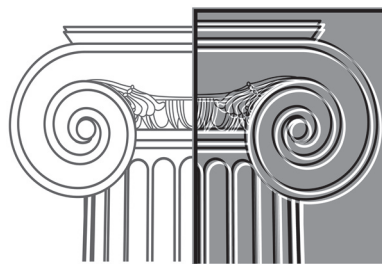

Список литературы

1. *Грушевская Н. В.* Формирование читательской компетентности будущих библиотечных специалистов: концептуальные основы и условия реализации: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2019. 31 с.
2. *Дроздова О. В.* Чтение трудных подростков и его стимулирование возможностями интерактивной книги: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2022. 29 с.
3. *Лодыгина П. А., Фирсов В. Р.* Организация научных исследований в библиотеках: постановка проблемы // Библиотековедение. 2023. № 72(6). С. 561–572.
4. *Лопатина Н. В.* Чтение в цифровом мире: от методологических новаций к практикам направленного развития // Доклады научного совета по проблемам чтения РАО / Под редакцией В. А. Лекторского. Москва, 2019. Выпуск 16. С. 65–71.
5. *Мелентьева Ю. П.* Общая теория чтения. Изд. 2-е, доп. Москва: Наука, 2022. 303 с.
6. Перечень актуальных тематик диссертационных исследований в области наук об образовании / Российская Академия образования, Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки России. Текст: электронный // Российская академия образования: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2023/09/3_broshjura_perechen-aktualnyh-tematik-08.09_itog_redaktor-.pdf
7. Чтение: энциклопедический словарь / Под редакцией Ю. П. Мелентьевой; Российская академия наук, ФГБУН НИЦ "Наука" РАН, Отдел проблем чтения, Российская академия образования, Отделение образования и культуры, Научный совет по проблемам чтения РАО. Москва: Наука, 2021. 438 с.

*

Поступила в редакцию 12.05.2024

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Вклад Ю. Б. Шмарова в музейную практику XX века

УДК 929.52(470) (045)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-160-168>

Н. А. Александрова

Государственный музей А. С. Пушкина,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: natasha.a.aleksandrova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена Юрию Борисовичу Шмарову, создателю генеалогической коллекции по истории российского дворянства, хранящейся уже более тридцати лет в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва). Ю. Б. Шмаров внес неоценимый вклад в формирование музейного фонда, предметы из его собрания можно увидеть в столичных и провинциальных музеях, в том числе Музее-панораме «Бородинская битва», Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» и многих других. Начавший свой путь собирателя в послереволюционные годы и не отклонившийся от исследовательских интересов на протяжении всей жизни Ю. Б. Шмаров внес неоценимый вклад в сохранение историко-культурного наследия. В статье впервые на основе архивных документов анализируется вклад Ю. Б. Шмарова в сохранение и изучение историко-культурного наследия и дается характеристика основным направлениям его деятельности в музейной практике XX века.

Ключевые слова: Ю. Б. Шмаров, генеалогия, музей, атрибуция, портрет, усадьба, музейный предмет, дворянство.

Для цитирования: Александрова Н. А. Вклад Ю. Б. Шмарова в музейную практику XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 160–168. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-160-168>

CONTRIBUTION OF YU. B. SHMAROV TO MUSEUM PRACTICE OF THE XX CENTURY

Natalia A. Alexandrova

State Museum of A. S. Pushkin,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: natasha.a.aleksandrova@yandex.ru

АЛЕКСАНДРОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – хранитель музейных предметов I категории, отдел фондов (Собрание Ю. Б. Шмарова), Государственный музей А. С. Пушкина; соискатель кафедры музеологии, факультет истории искусств, Российский государственный гуманитарный университет

ALEXANDROVA NATALIA ALEKSEEVNA – Museum curator of the 1st category, Department of Funds (Collection of Yu. B. Shmarov), State Museum of A. S. Pushkin, applicant of the Department of Museology, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities

© Александрова Н. А., 2024

Abstract. The article is dedicated to Yuri Borisovich Shmarov, known as the creator of a genealogical collection on the history of the Russian nobility, stored for more than thirty years in the State Pushkin Museum (Moscow). Yu. B. Shmarov made an invaluable contribution to the formation of the museum fund; objects from his collection can be seen in the capital and provincial museums, including the Battle of Borodino Panorama Museum, the State Lermontov Museum-Reserve “Tarkhany” and many others. Yu. B. Shmarov, who began his career as a collector in the post-revolutionary years and did not deviate from research interests throughout his life, made an invaluable contribution to the preservation of historical and cultural heritage. For the first time, on the basis of archival documents, the article analyzes the contribution of Yu. B. Shmarov to the preservation and study of historical and cultural heritage and characterizes the main directions of his activities in museum practice of the twentieth century.

Keywords: Yu. B. Shmarov, genealogy, museum, attribution, portrait, estate, museum object, nobility.

For citation: Alexandrova N. A. Contribution of Yu. B. Shmarov to museum practice of the XX century. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 160–168. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-160-168>

Коллекционер и библиофил Юрий Борисович Шмаров (1898–1989) известен как создатель генеалогической коллекции по истории российского дворянства, хранящейся уже более тридцати лет в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве (ГМП). Музейным специалистам известно, что в 1960–1980-е годы Ю. Б. Шмаров оказывал помощь сотрудникам столичных и провинциальных музеев. В одном из первых биографических очерков о собирателе Е. Г. Киселёва писала: «На столе Ю. Б. Шмарова, человека, к слову сказать, очень аккуратного, иначе в его деле и нельзя, лежит папка с письмами. Вот хотя бы некоторые из них: “Угличский историко-художественный музей. Пятого декабря 1973 г. Уважаемый Юрий Борисович! Заранее прошу извинить меня за беспокойство. Я занимаюсь исследованием и сбором материалов по истории Угличского края XIX века. В связи с этим вызывает большой интерес история семьи Тучковых-Опочиных...». Далее следуют вопросы об этой семье, их задает заведующий историческим отделом Угличского музея [10, с. 136] Действительно, в генеалогической коллекции сохранились письма из музеев – Ялutorовского краеведческого, Рославльского историко-художественного, Рязанского историко-архитектурного заповедника, героической обороны Севастополя и др. Все они содержат вопросы по генеалогии дворянства. Необходимо сказать, что московские музеи

не составляли исключения. Правда, они редко писали письма Ю. Б. Шмарову, а зачастую сотрудники приходили прямо с портретами или фотографиями портретов к нему домой. В то время дом Шмарова на лице Рылеева (ныне Гагаринский переулок) в Москве был одним из справочных центров для сотрудников не только музеев, но архивов и библиотек, где можно было уточнить необходимые сведения по генеалогии, геральдике, иконографии русского дворянства. Сохранившаяся в архивной части генеалогической коллекции¹ переписка свидетельствует, что главными темами консультаций были вопросы генеалогии и атрибуции (идентификации) изображенных лиц на портретах и фотографиях.

В настоящее время атрибуция произведений искусства одна из важных составляющих научно-исследовательской работы в музее и включает в себя определение имен авторов произведения, датировку, а также имена персон, изображенных на портретах. Атрибуционным открытиям, как правило, предшествуют долгие целенаправленные поиски. Существует три основных метода атрибуции произведения искусства: 1) технический (определение времени создания холста, краски, рамы и так далее); 2) искусствоведческий

¹ Архивная часть генеалогической коллекции Ю. Б. Шмарова хранится в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва) с 1989 года.

(определение периода, стиля, школы, анализ произведения); 3) историко-предметный (изучение деталей на изображении, а в случае портретов, это костюм или мундир, ордена и другие знаки отличия). В современных исследованиях зачастую именно историко-предметный метод атрибуции используется наиболее часто [9]. В советское время специалистов, занимающихся идентификацией изображенных лиц на портретах, было немного. Все они были личностями неординарными, обладавшими глубокими всесторонними познаниями. Ведь для определения изображенного лица надо было знать не только мировую и отечественную историю, но и историю искусства, иметь хороший запас знаний в области вспомогательных (специальных) исторических дисциплин – генеалогии, геральдики, униформологии, фалеристики и т. д., а также быть очень внимательным, иметь хорошую память, ориентироваться в справочной и специализированной литературе.

Юрий Борисович Шмаров профессионально занимался атрибуцией портретов и, собирая личную библиотеку, приобретал необходимые для подобной работы книги. В библиотеке существовали разделы не только по генеалогии, геральдике, истории искусств, отечественной истории, в том числе и военной, а также справочники по военным чинам, наградам, обмундированию и т. д. Одновременно он собирал вырезки из периодических изданий (газет и журналов) о новых приобретениях и атрибуциях в музейных и частных собраниях – как в России, так и за рубежом.

Иконографический раздел генеалогической коллекции Ю. Б. Шмарова, состоящий из портретов, наклеенных на картонные паспарту размером 32x24 см,² был главным инструментом в идентификации изображенных лиц. Портреты представлены практически во всех техниках, начиная с первой половины XIX века и до 1980-х гг., а это оригинальный рисунок, печатная графика, подлинная

² Размеры паспарту не одинаковы, указан наиболее часто встречающийся.

фотография, вырезки из дореволюционных и советских изданий, пересъемки (фотокопии) портретов из частных и музейных собраний, а также редких библиографических изданий. На лицевой стороне паспарту под портретом указывались генеалогические сведения: имя, отчество, фамилия, титул (при наличии), даты жизни и сведения о супруге, а на обороте – более подробные биографические сведения, в некоторых случаях с приложением родословных схем. В нанесении информации на паспарту были особенности. Известные личности имели минимальные сведения, но для персон малоизвестных данные указывались максимально подробно, включая ссылки на источники информации. Вся иконографическая часть собрания систематизировалась в алфавитном порядке по фамилиям, где сначала идут мужские, потом женские, а затем семейные портреты. Подобная систематизация позволяла не только увидеть иконографию (портретный ряд) конкретной персоны, но и быстро найти нужное изображение. Иконографическая часть собрания служила подручным инструментом не только самому Ю. Б. Шмарову, но и многим исследователям, как при жизни собирателя, так и после передачи коллекции в ГМП.

Необходимо отметить, что для Ю. Б. Шмарова атрибуция портретов не была любительским занятием по принципу «похоже – не похоже». Выдвигая предположение об изображенном лице, он в обязательном порядке делал развернутое заключение, где обосновывал все подтверждения с ссылками на источники и литературу. Свидетельством этого является «Заключение по портрету П. А. Акинфова работы Ф. С. Рокотова, подготовленное по просьбе московских реставрационных мастерских» в 1963 году. В нем указано по пунктам: «1. В книге Н. Лапшиной “Федор Степанович Рокотов” Москва. 1959 г. изд. “Искусство”, в списке произведений Ф. С. Рокотова под № 75 воспроизведен портрет Юрия Николаевича Акинфова (1735–1744). “Первого Георгиевского кавалера”, принадлежавшего Владимиру Николаевичу Акинфому в Москве, бывший

на Таврической выставке (под № 531). Утверждение Лапшиной, что на портрете изображен Юрий Николаевич Акинфов (георгиевский кавалер), является ошибочным. 2. Лапшина, очевидно, механически повторила ошибку, допущенную в каталоге Таврической выставки. Эту же ошибку допустил и В. Н. Акинфов, которому принадлежал этот портрет, автор книги «Род дворян Акинфовых». Симбирск. 1899 (Шифр Ленинской библиотеки³ И 177/1082). 3. В действительности данный портрет был написан Рокотовым не с Юрия Николаевича Акинфова, а с его двоюродного брата Петра Алексеевича Акинфова, служившего капитаном в Мурынском полку, который по специальному Указу императрицы Екатерины II, по его личной просьбе в числе других 3 офицеров был зачислен волонтером и направлен с десантом в экспедицию графа Орлова в архипелаг в 1769 году. За храбрость, оказанную им в сражении при крепости Мителены (в архипелаге), он был награжден орденом святого Георгия 4 класса, в числе других лиц, получивших эту награду, и никогда не был Первым кавалером этого ордена. О том, что на портрете изображен именно Петр Алексеевич Акинфов, подтверждается письмом Центрального Государственного Архива Военно-Морского флота, подтверждающим участие его в этой экспедиции (в архипелаг). Всем кавалерам ордена св. Георгия, учрежденного Екатериной II в 1769 г. и дававшегося за воинские заслуги, велся строгий учет, и этот орден выдавался в весьма ограниченном количестве. Юрий Николаевич Акинфов никогда орденом св. Георгия не награждался, в списке кавалеров его не значился. Подтверждением всего изложенного является Родословная роспись рода Акинфовых (рукопись) (см. Московский областной исторический архив, фонд 4, опись 16, дело № 17), Полная роспись всех Георгиевских кавалеров за 140 лет (см. Русскую Военную старину с. 269 № 147), Указ Екатерины II (Ленинская библиотека Москвы). Упомянутый Петр Алексеевич

³ Ныне Российская государственная библиотека (РГБ) в Москве.

Акинфов вышел в отставку в чине премьер-майора. 5 июля 1774 г. скончался в Москве. Ю. Б. Шмаров, Москва 27 августа 1963 г.» [3, Л. 13–14]. Музейные специалисты не забыли имя автора атрибуции и в каталоге живописи Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, где хранится портрет П. А. Акинфова, имя Ю. Б. Шмарова указано среди тех лиц, кто занимался его изучением и атрибуцией [7, с. 14–15].

В некоторых случаях кажется, что атрибуции появляются случайно, как произошло с портретом «Неизвестного военного» работы П. Ф. Соколова⁴ из собрания Государственной Третьяковской галереи, опубликованного на открытке издательства «ИЗО-ГИЗ» в 1957 году [4]. Идентичный портрет Ю. Б. Шмаров обнаружил в редком библиографическом издании «Сборник биографий кавалергардов» [13, с. 382]⁵. В досье «Пашковы» архивной части коллекции сохранилась курсовая работа без титульного листа неизвестного студента с пометой Ю. Б. Шмарова: «Портрет Пашкова, был определен мною несколько лет тому назад, т. к. был воспроизведен в книге Панчулидзева⁶ «Биографии кавалергардов», о чем я в свое время сообщил Третьяковской галереи. Об этом я рассказал автору этой статьи студенту-заочнику Академии художеств, который просил меня дать ему тему для курсовой работы. Я рассказал ему о портрете Пашкова, он написал и получил пятерку. Шмаров» [2, Л. 13]. Экземпляр сохранившейся работы свидетельствует о кропотливом труде студента с использованием различных методов атрибуции в подтверждение версии Ю. Б. Шмарова.

С навыками работы по выявлению, описанию, изучению и атрибуции произведений

⁴ Петр Фёдорович Соколов (1787–1848) – живописец-акварелист и литограф, мастер русского акварельного портрета, академик Императорской Академии художеств.

⁵ Репринтное издание книги вышло в начале 2000-х гг.

⁶ Сергей Алексеевич Панчулидзе (1855–1917) – военный историк и архивист.

живописи и графики Ю. Б. Шмаров познакомился в 1920-е годы. В то время он посещал заседания Общества «Старая Москва»⁷, а затем стал активным членом Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ)⁸, где познакомился с известными искусствоведами, историками искусства и архитектуры и другими специалистами. Именно тогда начал складываться круг исследовательских и собирательских интересов коллекционера. Члены этих Обществ во время комплектования и описания научно-справочных архивов своих организаций, да и личных, специальное внимание уделяли иконографии: в «Старой Москве» – архитектурным памятникам Москвы⁹, в ОИРУ – усадебной архитектуры и коллекциям владельцев, в том числе и портретным галереям.

Особенно близко Ю. Б. Шмаров связан с деятельностью ОИРУ, где вначале был членом картографической комиссии, а затем возглавлял фотографическую. Ему удалось – вопреки репрессиям – спасти фотографическую

⁷ Общество «Старая Москва» – краеведческое объединение, образованное в 1909 году как Комиссия по изучению старой Москвы в структуре Московского археологического общества, после революции с 1923 существовало как «группа лиц, интересующихся изучением старой Москвы при Историческом музее», объединившись в том же году с Музеем старой Москвы (основан в 1919), в 1924 оформилось как Ученая комиссия при отделении Государственного исторического музея «Старая Москва», в 1926–1930 входило на правах секции в Общество изучения Московской губернии, с 1929 – Общество изучения Московской области. В 1930 прекратило деятельность. Возрождено в 1989 как добровольная общественная организация.

⁸ Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ) – историко-просветительское объединение, занимающиеся изучением, описанием и пропагандой культуры российской усадьбы. Основано в 1922, ликвидировано в 1930, восстановлено в 1992 году.

⁹ Архив Общества «Старая Москва» хранится в Отделах письменных источников и изобразительного искусства Государственного исторического музея и фонде Московского областного бюро краеведения в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

коллекцию Общества и сохранить уникальные архивные материалы, в том числе и по истории музейного дела 1910–1930-х годов [1].

Наибольший комплекс уникальных рукописей ОИРУ в коллекции Ю. Б. Шмарова связан с именем А. Н. Греча¹⁰ – автора знаменитой книги «Венок усадьбам» [6]. После революции А. Н. Греч в разное время сотрудничал с Третьяковской галереей, Историческим музеем, Музеем изящных искусств и т. д.¹¹

После трагической гибели искусствоведа его личный архив был полностью утрачен. Сохранившиеся чудом рукописи имеют особую ценность, в особенности если учесть, что большая часть их никогда не публиковалась. Среди черновых и беловых текстов статей и докладов можно увидеть не только работы по истории искусств и развитию архитектуры, но связанные с музейной деятельностью. Очерки «Кусково» и «Государственный музей керамики и стекла в Москве» рассказывают историю усадьбы, переплетающуюся с описанием музейной коллекции в начале 1920-х годов. Статьи «Описание рукописных альбомов из коллекции русских собирателей», «Об авторстве портрета Н. И. Новикова в Государственной Третьяковской галерее», «Портрет атамана Краснощекова работы А. П. Антропова» являются итогом изучения конкретных музейных предметов [1]. Не менее интересны сохранившиеся документы сотрудников Третьяковской галереи Ю. П. Анисимова¹² и А. В. Лебедева¹³,

¹⁰ Алексей Николаевич Греч (наст. фам. Залеман, Залиман) (1899–1938) – член-учредитель, член правления, хранитель архива и второй председатель ОИРУ. Искусствовед, музейный работник, педагог, автор многочисленных публикаций.

¹¹ Название музеев указывается в соответствии временным рамкам.

¹² Юлиан Павлович Анисимов (1888–1940) – член-учредитель ОИРУ, искусствовед, поэт Серебряного века, переводчик, художник, автор публикаций по истории и созданию музеев-усадоб.

¹³ Алексей Васильевич Лебедев (1888–1944) – действительный член ОИРУ, историк искусств, автор публикаций по истории русской живописи.

начинавшими свою деятельность эмиссарами в Музейном отделе Наркомпроса и занимавшимися вывозом историко-культурных ценностей из национализированных усадеб [11, 12]. Среди документов, связанных с их именами, можно встретить записки и отчеты о деятельности Усадебной секции Отдела по делам музеев и охраны памятников искусств и старины Наркомпроса, списки предметов, вывозимых из усадеб и передаваемых в музейный фонд, а также описания первых музейных экспозиций в музеях-усадебках [1]. В коллекции сохранились архивные материалы, связанные с именами эмиссара Музейного отдела Наркомпроса В. А. Мамуровского, сотрудника гравюрного кабинета Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина Е. И. Смирновой, директора Оружейной палаты Московского Кремля Д. Д. Иванова, хранителя Фонтанного дома Шереметевых В. К. Станюковича и др. Все они в 1920-е годы были членами ОИРУ. Фотографии и документы ОИРУ, сохраненные Ю. Б. Шмаровым, во второй половине XX века стали подручным материалом для нескольких поколений музейщиков, как по истории русской усадьбы, так и для создания музейных экспозиций.

После ареста, лагеря, реабилитации и возвращения в Москву в 1958 году Ю. Б. Шмаров занимался не только научным консультированием музеев, но и помогал в комплектовании фондов московских и провинциальных музеев. Он брал на себя хлопоты по розыску необходимых для экспозиций и фондов предметов и книг. В письмах главного хранителя музея-заповедника «Тарханы» Т. М. Мельниковой¹⁴ к Ю. Б. Шмарову можно встретить просьбы о подобных поисках. Благодаря им музей «Тарханы» приобрел комплект журнала «Старые годы» (1907–1916), редкое 5-томное издание Великого князя Николая Михайловича «Рус-

ские портреты XVIII и XIX столетий» (1905–1909), гравюры и литографии с портретами дермонтовского окружения, а также видами Петербурга и Москвы. Все эти приобретения упоминаются в благодарственных письмах как самой Т. М. Мельниковой, так и других сотрудников музея [5]. Письма подобного характера сохранились из Тамбовского областного краеведческого музея, Харьковского художественного музея, Великосорочинского литературно-мемориального музея Н. В. Гоголя, Богородицкого историко-художественного музея и т. д. Общение со столичным собирателем, открытым к сотрудничеству, давало значительные возможности для комплектования фондов провинциальных музеев.

Не забывал Ю. Б. Шмаров и о московских музеях. Он оказывал содействие Государственным музеям А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, Государственному литературному музею¹⁵ и др.

Отдельное внимание необходимо уделить личному вкладу собирателя в комплектование фондов Музея-панорамы «Бородинская битва», открывшегося 18 октября 1962 года к 150-летию победы в Отечественной войне 1812 года на Кутузовском проспекте в Москве, где главным экспонатом стала панорама Бородинского сражения работы художника Ф. А. Рубо¹⁶. Основной целью деятельности музея-панорамы со дня основания и по сей день является собирание, хранение и изучение музейных предметов и коллекций, относящихся к теме Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, творческого наследия автора панорамы Ф. А. Рубо. За это время музею удалось собрать уникальную коллекцию, состоящую из фондов графики и живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, нумизматики, письменных источников,

¹⁵ Ныне Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей).

¹⁶ Франц Алексеевич Рубо (1856–1928) – русский художник-панорамист, академик и руководитель батальной мастерской Академии художеств, создатель батальных панорам «Оборона Севастополя», «Бородинская битва», «Штурм аула Ахульго».

¹⁴ Тамара Михайловна Мельникова – музейный работник, педагог, литературовед, Заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

редкой книги, предметов снаряжения и вооружения и т. д. Ю. Б. Шмаров содействовал комплектованию музея. В 1965–1968 годах из его собрания в музей-панораму поступили 122 книги: собрание полковых историй (75 книг), фотоальбомы (2 альбома), летучие издания 1811–1815 годов (7 изданий) и другие книги и журналы (38 изданий). Все они легли в основу коллекции «Редкая книга», определив направление дальнейшего комплектования [14]. Собрание полковых историй российской армии в музее-панораме является на сегодняшний день одним из лучших в музейных коллекциях. Необходимо сказать, что полковые истории писались по заказу военными историками либо офицерами полка на основе полковых архивов, многие из которых после революционных событий были утрачены и сейчас эти издания зачастую являются единственными источниками с публикациями подлинных архивных документов. Ю. Б. Шмаров, собирая личную библиотеку, целенаправленно собирал подобные издания. Экземпляры из собрания Ю. Б. Шмарова ценны не только содержанием, но и провенансом (историей бытования): дарственными и владельческими надписями, экслибрисами (книжными знаками) полковых и частных библиотек, сохранившимися художественными переплетами. Интересно личное отношение Ю. Б. Шмарова к книжному переплету. Если в его собрание попадали книги плохой сохранности, Юрий Борисович отдавал книгу в реставрацию. Он не просил восстановить или сделать новый художественный переплет, мастерами выполнялся одноцветный глухой коленкорový с рельефным тиснением. Зачастую, кроме экслибриса, переплет позволяет определить принадлежность книги к собранию Ю. Б. Шмарова.

Благодаря связям Ю. Б. Шмарова с русской эмиграцией музей-панорама приобрел уникальное издание «Историю лейб-гвардии Конного полка», издававшуюся в Париже с 1938 по 1966 год [8]. Труд был отпечатан ограниченным тиражом с нумерацией каждого экземпляра. В Музей-панораму «Бородинская битва» на хранение поступил экземпляр,

принадлежавший одному из авторов и редакторов издания Александру Павловичу Тучкову¹⁷. Он был передан через Ю. Б. Шмарова в марте 1968 года его сыном Павлом Александровичем Тучковым¹⁸. Издание, задуманное в дореволюционной России к юбилею полка в 1919 году, было опубликовано только спустя полвека в эмиграции и по сей день является библиографической редкостью.

Кроме книг из личной библиотеки, в коллекцию музея-панорамы от Ю. Б. Шмарова поступили: живописные портреты Д. С. Дохтурова и М. И. Платова, барельеф с изображением М. И. Голенищева-Кутузова, литография «Казак», монеты достоинством 2 коп. 1812, 1813, 1817 и 1822 гг. и архивные документы (49 ед. хр.), содержащие не только типографские оттиски манифестов Александра I, но и подлинные документы, связанные с именем М. С. Воронцова за подписью графа Ф. Ф. Винценгероде, князя П. И. Багратиона, Барклая де Толли, а также материалы Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. и Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года и др. [15]. Надежда Юрьевна Шведова, долгие годы хранившая коллекцию «Редкой книги», писала о Ю. Б. Шмарове: «Он гордился тем, что эта часть его собрания будет храниться именно в нашем музее, храниться как коллекция. И еще для него было важно, чтобы предметы не просто хранились, а были востребованы. И музей широко использует коллекцию Шмарова в экспозиционной, выставочной и научной работе» [15, С. 16].

Практически со дня основания музея-панорамы Ю. Б. Шмаров стал одним из главных научных консультантов и членом фондово-закупочной комиссии. Он брался

¹⁷ Александр Павлович Тучков (1888–1968).

¹⁸ Павел Александрович Тучков (1916–1995) – потомок старинного дворянского рода, сын Александра Павловича и Марии Викторовны, ур. Мартыновой. В детстве эмигрировал с родителями и с 1920 года жил во Франции. Окончил в Париже лицей Жансон-де-Сайи. Журналист-международник. Работал при Организации Объединенных Наций (ООН), затем до 1968 в ЮНЕСКО в Тайланде.

за поиск предметов и изданий в антикварных магазинах и частных коллекциях, вел переписку с архивными учреждениями, занимался атрибуцией музейных предметов и стал одним из инициаторов воссоздания «Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года».

В настоящее время предметы из собрания Ю. Б. Шмарова можно встретить не только в Музее-панораме «Бородинская битва» и Государственном музее А. С. Пушкина (где кроме генеалогической коллекции хранятся оригинальные произведения живописи и графики, предметы декоративно-прикладного искусства, книги и архивные документы), но и в Научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева, Всероссийском музее А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), Государственном историческом музее, Госу-

дарственном музее истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственном литературном музее) и др.

Начав свой собирательский путь в после-революционные годы и не отклонившийся от исследовательских интересов на протяжении всей жизни вопреки трагедиям XX века, Ю. Б. Шмаров внес неоценимый вклад в сохранение историко-культурного наследия. Он не только спасал и сохранял предметы старины и уникальные архивные документы, но и вел активную исследовательскую и просветительскую деятельность. Сотрудничество с музейными работниками, помощь в комплектовании и изучении музейных предметов, консультирование при создании экспозиций и выставок является неоценимым вкладом Юрия Борисовича Шмарова в музейную практику XX века.

Список литературы

1. *Александрова Н. А.* Фотографическая коллекция и рукописное наследие Общества изучения русской усадьбы в собрании Ю. Б. Шмарова // *Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ)*. Вып № 28 (44). Санкт-Петербург: Издательский дом «Коло», 2022. С. 567–592.
2. Государственный музей А. С. Пушкина (ГМП). Собрание Ю. Б. Шмарова. Досье «Пашковы». Известный автор. «Атрибуция портрета Ф. А. Пашкова работы П. Ф. Соколова». Л. 13–25.
3. ГМП. Собрание Ю. Б. Шмарова. Досье «Акинфовы». Шмаров Ю. Б. Заключение по портрету П. А. Акинфова работы Ф. С. Рокотова, подготовленное по просьбе московских реставрационных мастерских. 27 августа 1963 г. Л.13–14.
4. ГМП. Собрание Ю. Б. Шмарова. Пашков Федор Алексеевич (1804–1829). Репродукция работы П. Ф. Соколова. Художественная открытка. Издательство «ИЗОГИЗ», 1957. № в Госкаталоге (ГК): 45922040.
5. ГМП. Собрание Ю. Б. Шмарова. Переписка Ю. Б. Шмарова с учреждениями.
6. *Греч А. Н.* Венки усадьбам: по рукописи (о. Соловки, 1932) / Вступ. ст. и комм. М. А. Афанасьева, Л. Ф. Писарькова // *Памятники Отечества: иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры*. 1994. Вып.3–4. № 3–4(32). 192 с.
7. Живописные и миниатюрные портреты XVIII – начала XX века в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: Каталог / Сост. Т. Н. Меркулова. Владимир, ГВСМЗ, 2015. 198 с.
8. История Лейб-Гвардии Конного полка. 1706 – эмиграция / Сост. Г. Н. Лейхтенбергский, сост. и ред. В. Ф. Козлянинов, А. П. Тучков, В. И. Вуич. Т. 1–4. Париж, Издание Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича и издатель князь С. С. Белосельский-Белозерский. 1961–1966.
9. *Кибовский А. В.* Историко-предметный метод атрибуции произведений портретной живописи России XVIII – первой половины XIX вв.: Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Москва, 2000. 22 с.

10. *Киселёва Е. Г.* Ю. Б. Шмаров // Киселёва Е. Г. Московские друзья книги. Москва: Книга, 1978. С. 135–141.
11. *Кончин Е.* Революцией призванные. Москва: Московский рабочий, 1988. 254 с.
12. *Кончин Е.* Эмиссары восемнадцатого года. Москва: Московский рабочий, 1981. 160 с.
13. Сборник биографий кавалергардов. [1724–1899]: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка / Сост. под ред. С. Панчулидзева. Т. III. СПб., 1906. 402 с.
14. *Шведова Н. Ю.* Книги из собрания Ю. Б. Шмарова в коллекции «редкая книга» Музея-панорамы «Бородинская битва» // «... И календарь осьмого года...»: Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (24–28 апреля 2013 года) и научной конференции «Музей. Реставратор. Реставрация» (17–19 июня 2013 года): сборник статей. Сельцо Михайловское, 2013. (Серия «Михайловская пушкиниана». Выпуск 61). С. 195–202.
15. *Шведова Н. Ю.* Книжная коллекция Юрия Борисовича Шмарова в собрании Музея-панорамы «Бородинская битва» // Материалы научно-практической конференции «Личные коллекции в музейных фондах»: сборник статей / Сост. В. А. Тарасова. Москва: Новосибирский издательский дом, 2021. С. 15–35.

*

Поступила в редакцию 06.03.2024

ГЕНИЙ МЕСТА: ОБРАЗЫ С. А. ЕСЕНИНА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 821.161.1.09"19":37

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-169-179>

Н. М. Лыгорева

Государственный музей-заповедник С. А. Есенина,
с. Константиново, Рязанская область, Российская Федерация,
e-mail: lygoreva.n@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу форм локализации и функционирования феномена «гений места», персонифицированного образом С. А. Есенина, в культурных символах и текстах социокультурного пространства Рязанского региона. В контексте исследования социокультурное пространство, в структуре которого выделяются культурно-образовательное, аксиологическое, информационное, семиотическое и коммуникативное подпространства, рассматривается как совокупность социума, культурных символов пространственной среды и информационно-коммуникативной системы. В ходе работы была исследована деятельность рязанских учреждений образования и науки, культуры и искусства, общественных организаций, средств массовой информации в контексте увековечения коллективной памяти о С. А. Есенине и популяризации образа великого поэта – уроженца Рязанской земли. Также зрительные ландшафтные объекты, скульптурные и архитектурные сооружения, топонимы и эргонимы рассмотрены в качестве каналов и механизмов передачи информации внутри социокультурного пространства.

Ключевые слова: гений места, социокультурное пространство, культурно-образовательное подпространство, аксиологическое подпространство, информационное подпространство, коммуникативное подпространство, символы культуры, тексты культуры, коллективная память.

Для цитирования: Лыгорева Н. М. Гений места: образы С. А. Есенина в современном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 169–179. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-169-179>

THE GENIUS OF THE PLACE: THE IMAGES OF S. A. ESENIN IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

Natalya M. Lygoreva

State Museum-Reserve of S. A. Esenin,
Konstantinovo, Ryazan region, Russian Federation,
e-mail: lygoreva.n@mail.ru

ЛЫГОРЕВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА – заместитель заведующего отделом научно-экспозиционной и выставочной деятельности, Государственный музей-заповедник С. А. Есенина

LYGOREVA NATALYA MIKHAILOVNA – Deputy Head of the Department of Scientific Exposition and Exhibition Activities, State Museum-Reserve of S. A. Esenin

© Лыгорева Н. М., 2024

Abstract. This article is devoted to the analysis of the forms of localization and functioning of the phenomenon of “the genius of place”, personified by the image of S.A. Esenin, in cultural symbols and texts of the socio-cultural space of the Ryazan region. In the context of the study, the socio-cultural space is considered as a set of society, cultural symbols of the spatial environment and an information and communication system, in the structure of which cultural and educational, axiological, informational, semiotic and communicative subspaces are distinguished. In the course of the work, the activities of Ryazan educational and scientific institutions, culture and art, public organizations, mass media were investigated in the context of perpetuating the collective memory of S.A. Esenin and popularizing the image of the great poet – a native of the Ryazan land. Visual landscape objects, sculptural and architectural structures, toponyms and ergonyms, outdoor advertising, etc. are also considered as channels and mechanisms for transmitting information within the socio-cultural space.

Keywords: genius of place, socio-cultural space, cultural and educational subspace, axiological subspace, information subspace, communicative subspace, cultural symbols, cultural texts, collective memory.

For citation: Lygoreva N. M. The Genius of the place: the images of S. A. Esenin in the modern socio-cultural space. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 169–179. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-169-179>

Сегодня представители разных наук уделяют большое внимание рассмотрению образов известных личностей и исторических событий, связанных с ними, в качестве основных факторов формирования культурной идентичности территорий и социокультурного пространства конкретного локуса, что связано, в первую очередь, с развитием культурного туризма.

Социокультурное пространство представляет собой сложную многоуровневую систему взаимодействия социума, символов и коммуникации, в которой зафиксирована культурная память. Изучением концепта «социокультурное пространство» занимаются социологи, историки, философы, культурологи и др. Понятие «социокультурное пространство» ввёл в научный оборот П. Сорокин. Учёный указывает на многокомпонентность социокультурных явлений, которые включают в себя людей, нематериальные значения, моральные ценности и нормы, а также материальные носители: «Неточно говорить о социокультурных явлениях так, будто бы они состоят исключительно из людей; помимо людей они включают в себя нематериальные значения и их материальные носители как равно существенные и универсальные компоненты. Структура эмпирических социальных явлений, таким образом, состоит не из од-

ного, а из трёх компонентов» [11]. По Сорокину, структура социокультурного взаимодействия – это неразрывная триада *личность – общество – культура*, где личность определяется как субъект взаимодействия, общество – как совокупность взаимодействующих индивидов с их социокультурными отношениями и процессами. А культура есть совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [11].

Большинство учёных, вслед за Сорокиным, рассматривают социокультурное пространство в контексте комплексного анализа территории с точки зрения неразрывной связи социальных и культурных компонентов общественного бытия через триаду «личность – общество – культура». Т. О. Гаврилина даёт следующее определение термину «социокультурное пространство»: «Это пространство, где культурные образцы находят выражение в социальных практиках, а социальные практики закрепляются институтами и находят отражение в определённой культурной форме» [4]. С. Н. Толстенко предлагает рассматривать социокультурное пространство конкретной территории как систему взаимодействия и коммуникации

на семантическом и символическом уровнях. По его определению социокультурное пространство – это система информационно-коммуникативных оснований социальной деятельности, воплощённой в разнообразных знаково-символических социальных практиках, локализованных в определённых социальных границах. Границы социокультурного пространства, в свою очередь, соответствуют государственному и административному территориальному делению [12]. Следовательно, можно говорить о социокультурном пространстве страны, региона, города и других административных территорий [4]. Но при этом следует отметить, что элементы социокультурного пространства отдельных локусов не есть нечто замкнутое, а соотносятся с элементами общенародного социокультурного пространства.

В контексте данного исследования социокультурное пространство понимается как совокупность социума, культурных символов, интегрированных в конкретную пространственную среду, коммуникации и информации в территориальных границах Рязанского региона. Будем выделять, вслед за Т. О. Гавриловой, в структуре социокультурного пространства (в пределах границ локуса) *культурно-образовательное, аксиологическое, информационное, семиотическое и коммуникативное подпространства* [4] и фиксировать внутри них образы С. А. Есенина, функционирующие в качестве «гения места».

Исследуя культурно-образовательное подпространство региона, прежде всего обратим внимание на музеи, посвященные выдающемуся поэту, как на центры формирования локальной культурной идентичности [10]. Следует отметить, что помимо Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, который является ведущим учреждением, хранящим память о поэте и популяризирующим его творческое наследие, в качестве культурных текстов в регионе функционируют пять музеев, посвящённых жизни и творчеству рязанского лирика.

С 2005 года в Рязанском государственном университете, носящем имя прославленного

земляка и играющем важную роль в деле увековечения памяти о поэте, функционирует единственный на сегодняшний день университетский музей С. А. Есенина. В экспозиции представлены фотографии, рукописи и документы, освещающие основные этапы жизни и творчества выдающегося лирика. Кроме того, на базе учреждения создан научно-методический центр по изучению и пропаганде есенинского наследия; ежегодно проводятся Международные научные конференции и Межрегиональный фестиваль научного и литературно-художественного творчества студентов «Есенинская весна».

Очередной формой сохранения и транслирования памяти о С. А. Есенине в Рязанском государственном университете стало создание в 2020 году Международного Есенинского культурно-образовательного кластера, объединяющего учреждения, которые носят имя великого русского поэта, а также научные и творческие коллективы по всему миру, изучающие и популяризирующие творческое наследие поэта. Соответствующие материалы размещаются на цифровой платформе в сети Интернет, благодаря чему данный проект выходит за рамки регионального и доступен широкой аудитории.

Но наряду с масштабными выставочными и просветительскими проектами, реализуемыми Государственным музеем-заповедником С. А. Есенина и РГУ имени С. А. Есенина стоит отметить деятельность и других региональных учреждений.

Так, говоря о сфере образования, отметим, что в городе действуют два школьных музея, посвящённых поэту. Экспозиции размещаются на базе рязанских общеобразовательных школ № 43 и № 69. Примечательно, что, несмотря на отсутствие прямой символической связи с именем С. А. Есенина, в данных школах ведётся большая работа по изучению творчества поэта и проводятся разнообразные культурно-просветительские мероприятия, направленные на сохранение культурной памяти о великом земляке.

С 1995 года выставка, посвящённая С. А. Есенину, действует в Центральной городской библиотеке, носящей имя прославленного земляка. Данная экспозиция носит литературно-краеведческий характер: основу коллекции составляют есениноведческие издания с автографами авторов, фотографии, картины и скульптуры, посвящённые поэту, сувенирная продукция. В библиотеке проводятся выставки, экскурсии, литературные чтения и конкурсы, концерты, посвящённые биографии и творчеству С. А. Есенина. В 2020 году в рамках празднования 125-летия С. А. Есенина в библиотеке открылся визит-центр для гостей города и был презентован проект «Есенинские места на карте города Рязани». Авторами разработан туристический маршрут по городским локациям, так или иначе связанным с именем поэта. Наряду с объектами, где бывал С. А. Есенин и которые сегодня транслируют память об этих событиях посредством мемориальных досок, в буклет-путеводителе отмечены скульптурные образы поэта, расположенные в городском пространстве. Также приводится информация об учреждениях культуры и образования, предприятиях общественного питания и жилом комплексе, в названии которых фигурирует имя знаменитого земляка. Кроме того, в карте отмечены музеи и Государственный архив Рязанской области, где хранятся предметы, связанные с личностью С. А. Есенина.

Как мы видим, центральная городская библиотека не просто ведёт культурно-просветительскую работу, присущую подобным учреждениям, но и расширяет свою деятельность в сторону туристической сферы, что, безусловно, стало возможным благодаря символической связи с именем С. А. Есенина.

Ещё одна коллекция артефактов, связанных с творчеством С. А. Есенина, хранится и презентуется на площадке «Есенин-центр». Эта культурно-активистская институция, созданная по инициативе известного писателя, уроженца Рязанской земли Захара Прилепина, действует в Рязани с 2020 года и позиционируется как «творческое пространство для всех

жителей города и штаб-квартира местных активистов культуры» [8]. Основу коллекции составляют прижизненные издания произведений поэта, сборники 1930-х и 1940-х годов, книги, выпущенные на разных языках, труды есениноведов, произведения искусства, посвящённые С. А. Есенину. В отличие от экспозиций, обозначенных выше, основным акцентом выставки в «Есенин-центре» является не столько связь Сергея Есенина и Рязанской области, сколько транслирование образа «народного поэта».

Итак, перед нами наиболее яркие примеры функционирования образа С. А. Есенина в культурно-образовательном подпространстве региона. Можно отметить, что в большинстве случаев символическая связь с именем С. А. Есенина влечёт за собой расширение функционала учреждений. В первую очередь это касается сферы образования. Очевидно, что присутствует ярко выраженный региональный компонент, заключающийся в сохранении, транслировании и популяризации памяти о великом земляке посредством создания экспозиций и выставок, реализации проектов и проведение мероприятий, посвящённых С. А. Есенину. Пример Центральной городской библиотеки показывает, как учреждение культуры не просто ведёт характерную для него культурно-просветительскую деятельность, но и играет важную роль в формировании туристической привлекательности региона. В то же время о «Есенин-центре» можно говорить скорее как о маркере культурного пространства региона, связанного с именем поэта, нежели как об учреждении, деятельность которого связана с творчеством С. А. Есенина.

Рассматривая различные каналы и механизмы для передачи информации внутри социокультурного пространства, обратим внимание на локализацию образа С. А. Есенина в семиотическом подпространстве, представленном в зрительных ландшафтных объектах, к которым относятся скульптурные и архитектурные сооружения, названия улиц, наружная реклама и т. д.

Объектом нашего исследования являются скульптурные изображения поэта, находящиеся в общественном пространстве Рязанской области. Первый бюст С. А. Есенина работы скульптора Ивана Гавриловича Онищенко был установлен в 1958 году в здании Летнего театра имени Сергея Есенина (ныне Рязанская областная филармония). Незадолго до этого события композиционный портрет поэта экспонировался на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября. Исследователи отмечают, что «скульптор достигает удивительно цельного пластического решения, создает образ большой эмоциональной лирической силы» [6]. Рязанские газеты того времени писали о торжественном открытии, на котором присутствовали родные, друзья поэта и литераторы [1]. Это было знаковое событие в истории региона, одна из первых попыток увековечения памяти о великом земляке в виде культурного символа.

В 1970 году на родине Сергея Есенина, в селе Константиново, появилась ещё одна работа Ивана Онищенко. Это было авторское повторение есенинского бюста, установленного в Рязани. Скульптура располагалась на территории музея, возле дома Есениных. Сейчас она размещается в одной из экспозиций музейного комплекса. Вот какой комментарий удалось обнаружить: «Бюст «живет» в есенинской усадьбе, связан с архитектурой, с планировкой и дома, и сада, и подворья. Полоса земли, шелест трав, деревьев на ветру, поворот головы в сторону родительского дома, как часть торжествующей вечной природы, – беломраморный бюст поэта, глаза, приглашающие из дома родителей по тропинке, выложенной плиткой, сюда, к бюсту – положить цветы в эти руки, сложенные на груди поэта, на высоком, в рост человека, постаменте. Сороковой год «живет» в своей деревенской усадьбе «Есенин» Онищенко. И идет к нему нескончаемый поток людской» [6]. Данный пример показывает, что благодаря своей символичности, скульптурные изображения зачастую становятся объектами поклонения.

В 1975 году на набережной реки Трубеж был открыт памятник работы народного художника СССР А. П. Кибальникова, ставший одной из главных достопримечательностей Рязани. Во всех туристических изданиях о городе, начиная с 1976 года, встречаются изображения скульптуры. На наш взгляд, символично, что Сергей Есенин изображён с распахнутыми объятиями в сторону заокеанских далей, олицетворяющих ту красоту природы, которую неустанно воспевал поэт. Уже в 1980 году была признана символическая значимость данной скульптуры для города, и в числе прочих она была изображена на мозаичном панно в одном из подземных переходов. Как отмечает краевед И. Канаев, «стиль мозаик (майолика) определялся на худсовете города, на котором присутствовал главный художник Рязани. Мозаики утверждались в два этапа: на градостроительном совете и на художественном. Градостроительный совет их одобрил сразу, а в ходе художественного авторов попросили разнообразить тематику. Раньше был вид одного лишь кремля, потом туда добавили главные виды города» [5]. На сегодняшний день данный скульптурный объект является одним из наиболее узнаваемых образов и визитной карточкой Рязани, о чём свидетельствуют публикации в СМИ, информация в путеводителях по региону, многочисленные изображения на сувенирной продукции и городских объектах. Сегодня памятник С. А. Есенину на набережной реки Трубеж – центр парковой зоны, ставшей излюбленным местом отдыха рязанцев и гостей города. Именно здесь проходят торжественные митинги, посвященные дню рождения великого русского поэта; сюда приезжают свадебные процессии, и молодожёны, по традиции, возлагают цветы к памятнику. Как и в советское время, скульптурное изображение С. А. Есенина работы А. П. Кибальникова – визитная карточка Рязани, архитектурная доминанта, ставшая символом города и местом поклонения почитателей есенинского творчества.

В 1975 году на центральной улице города Спас-Клепики был открыт бюст С. А. Есенина работы В. И. Епихина. Табличка, расположенная на постаменте, гласит: «В нашем городе в 1909–1912 гг. жил и учился русский поэт Сергей Есенин». В данном случае перед нами семиотический маркер пространства, несущий в себе не только символический смысл, но и конкретную историческую информацию.

В 1985 году состоялось открытие бюста С. А. Есенина работы А. П. Усаченко в Рязанском государственном педагогическом институте (ныне – Рязанский государственный университет) в связи с присвоением учреждению имени поэта.

Другая, не менее интересная, работа этого же мастера в соавторстве с архитектором Н. Н. Истоминым – скульптурное изображение, установленное в городском парке в 1995 году. Интересна предыстория этого события. Бронзовый бюст был создан Антониной Усаченко в 1975 году к 80-летию со дня рождения С. А. Есенина. Первоначально скульптуру планировалось установить рядом с вокзалом «Рязань-2». В этом случае она стала бы архитектурной доминантой территории с яркой символическостью, в полном смысле – символом города. Но по стечению обстоятельств бюст знаменитого земляка был установлен на его малой родине, в селе Константиново, и на протяжении двадцати лет располагался на территории музейного комплекса. «И часто можно было видеть, как пылливо вглядывались в лицо поэта люди, обходя памятник. Все-таки это другой Есенин. Взгляд его сосредоточенный, серьезный. Есенин, думающий, погруженный в мысли, немного склонил голову вниз. Словно вглядывается в людей, пришедших поклониться поэту. И такая знакомая светлая грусть в его глазах, такая «нежность грустная русской души». Точно он понимал, что случилось с установкой памятника здесь, в Константиново, а не в Рязани у вокзала «Рязань-2». И то, что газеты охотно помещали снимок этого бюста Есенина, но ничего не сообщали об авторе, истории открытия памятника, словно тоже было ве-

домо ему» [6]. К 100-летию поэта бюст был перенесен в областной центр и установлен недалеко от здания Рязанской областной филармонии (бывшего театра имени С. Есенина). На сегодняшний день этот объект является неотъемлемой частью внешнего облика Рязани и маркером городского пространства, связанным с великим земляком.

В 2005 году по инициативе ОАО «РЖД» открыт памятник С. А. Есенину работы скульпторов А. Гудко, М. Сотникова и архитектора В. Иванова в селе Старолетово Рыбновского района. Скульптурное изображение располагается перед зданием вокзала на станции Дивово Московско-Рязанской железной дороги. Отсюда рязанский лирик отправлялся в Москву и Петроград, сюда прибывал, когда возвращался на родину. Возможно, именно это хотели подчеркнуть авторы, изображая поэта в рубаше-косоворотке, со снятым и небрежно накинутым на плечо пиджаком. Это своего рода аллегория свободы и спокойствия, которое ощущает С. А. Есенин на родной земле. Несмотря на то, что на постаменте нет никакой информации, кроме подписи «Сергей Есенин», скульптура, безусловно, является символическим маркером пространства.

В 2007 и в 2009 годах на территории Государственного музея-заповедника С. А. Есенина были установлены две работы Народного художника РСФСР А. А. Бичукова. Первая скульптура появилась на родине поэта – в селе Константиново, на усадьбе Есениных. Вторая – возле здания второклассной учительской школы в городе Спас-Клепики, где учился юный поэт.

Таким образом, на территории Рязанской области нами зафиксировано девять скульптурных образов, являющихся культурными символами, связанными с увековечением памяти о С. А. Есенине и выступающими механизмом социокультурной коммуникации в границах локуса. Одни из них указывают на связь места и биографии великого земляка и транслируют информацию об этом; другие выступают в качестве культурных кодов территории, фиксирующих коллективную память о поэте.

Наравне с крупными ландшафтными объектами коллективная память о С. А. Есенине локализуется и фиксируется в мемориальных досках. Некоторые учёные предлагают даже сравнивать мемориальные таблички со СМИ, поскольку мемориальный текст, заложенный в них, способствует социализации человека, создавая и ретранслируя социокультурные стереотипы общества [2].

Первая мемориальная доска с упоминанием С. А. Есенина появилась в 1956 году на здании летнего театра (ныне – Рязанская областная филармония, ул. Ленина, д. 26). Следует отметить, что она не несла в себе никакой информации о поэте или о его связи с Рязанью. Текст гласил: «Театр имени Сергея Есенина. Построен коллективом строительного управления № 2 Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности СССР, при активном участии строительных организаций, промышленных предприятий и трудящихся г. Рязани. Начальник строительства – инженер Кобцев Е. Ю. Проект архитекторов Рязанской областной проектной конторы. Строительство начато 20 мая и окончено 30 октября 1956 года». В данном случае мы видим, что культурный текст связан с личностью С. А. Есенина опосредованно.

Начиная с 2005 года, по инициативе историка-краеведа Ю. В. Блудова, установлены мемориальные таблички, несущие в себе информацию о пребывании Сергея Есенина в городе Рязани. Первая из них была установлена 28 декабря 2005 года на фасаде здания Рязанской областной детской библиотеки (ул. Почтовая, д. 63). На гранитной доске текст следующего содержания: «В этом здании с 1912 по 1917 гг. находился электрический театр «ДАРЬЯЛЫ», который летом 1917 года посетил великий русский поэт Сергей Александрович Есенин». В 2010 году появилась мемориальная доска на здании, в котором до революции располагалась редакция газеты «Рязанские губернские ведомости» (ул. Соборная, д. 21). В тексте отражена подробная информация о пребывании Сергея Есенина по этому адресу: «Здесь до революции

размещались типография и редакция газеты «Рязанские губернские ведомости», где летом 1912 года бывал великий русский поэт Сергей Александрович Есенин с целью публикации своего первого стихотворного сборника «Больные думы». В том же 2010 году была установлена мемориальная табличка на бывшем здании Рязгубчека (ул. Ленина, д. 46) в память о событии, в котором поэт выступил в качестве народного заступника: «Сюда, в Рязанскую губернскую чрезвычайную комиссию, летом 1918 г. обращался великий русский поэт Сергей Александрович Есенин с ходатайством об освобождении односельчан, задержанных сотрудниками ЧК». Четвёртая, самая значимая, по признанию Ю. В. Блудова [3], памятная доска была установлена на фасаде здания, где размещалось Рязанское уездное по воинской повинности присутствие (ул. Горького, д. 98) следующего содержания: «В этом здании бывшего Калининского товарищества, где в период Первой мировой войны размещалось Рязанское уездное по воинской повинности присутствие, в мае 1915 года призывался на военную службу великий русский поэт Сергей Есенин». В центре города Рязани на фасаде дома 1/70 по улице Ленина размещается ещё одна мемориальная доска, не связанная напрямую с личностью С. А. Есенина, но сообщающая о важном факте сохранения в социокультурном пространстве региона коллективной памяти о великом земляке. Мраморная табличка гласит: «Улица Есенина /бывшая Ряжская/. С 19 июня 1965 г. носит имя великого русского поэта, уроженца Рязанской земли Сергея Александровича Есенина». Таким образом, на сегодняшний день в Рязани установлено пять мемориальных памятных досок, связанных с именем С. А. Есенина, которые являются своеобразными маркерами городского пространства. Четыре из них транслируют информацию о пребывании поэта в Рязани и одна – о факте мемориализации имени великого земляка в городском социокультурном пространстве.

Одним из ярких примеров функционирования образа Сергея Есенина в семиотиче-

ском подпространстве региона является факт локализации имени поэта в региональных топонимах. В Рязанской области имя Сергея Есенина носят улицы в пятнадцати населённых пунктах: в областном и районных центрах (Рязань, Рыбное, Пронск, Спас-Клепики, Спасск, Тума, Кораблино); в селах и поселках (Криуша, Ласковский, Дубровичи, Октябрьский); в деревнях (Требухино, Селезеново, Бобровинки) и коттеджном посёлке («Сказка в лесу»). Помимо этого, в селе Криуша Клепиковского района нами обнаружены 1-й и 2-й переулки Есенина.

Наряду с топонимами наиболее распространённым образом фиксации культурной памяти в социокультурном пространстве являются эргонимы. Нами зафиксированы случаи трансформации фамилии великого земляка в названия учреждений сфер образования и культуры, социальной сферы и сферы обслуживания. Первое учреждение в Рязанской области, которому в 1956 году было присвоено имя великого поэта, стал летний театр в областном центре (ныне – Рязанская областная филармония). На сегодняшний день официально имя С. А. Есенина в наименовании учреждения не фигурирует, но инициативная группа во главе с Ю. В. Блудовым ведёт работу по возвращению исторического названия. Появление эргонима «Театр имени Сергея Есенина» стало знаковым этапом в деле увековечения памяти о поэте не только в пределах регионального социокультурного пространства, но и в масштабах государства, поскольку это первый случай в СССР, когда учреждению культуры присвоено имя великого уроженца Рязанской земли. После данного события на протяжении трёх десятилетий в Рязанской области имя С. А. Есенина не присваивалось. Возрождение интереса к образу поэта как социально-культурному символу региона наблюдается в 1980-х годах. В 1985 имя Сергея Есенина было присвоено Рязанскому педагогическому институту (ныне Рязанский Государственный университет имени С. А. Есенина), а в 1988 году – Центральной городской библиотеке. Примечательно, что

в последние несколько лет наблюдается тенденция использовать сокращённое название «Есенинка» (по аналогии с Ленинкой) в разговорной речи горожан и в региональных СМИ, что, на наш взгляд, говорит об устоявшемся восприятии данного эргонима. Интересно, что фамилия Есенин, которая фигурирует в названии библиотеки, отражена и в наименовании телестудии, функционирующей на её базе с 2020 года. В данном случае эргоним отражает скорее принадлежность к учреждению, нежели содержательное наполнение, поскольку деятельность телестудии «Есенин» не связана напрямую ни с сохранением памяти о поэте, ни с изучением его творческого наследия: проводятся прямые трансляции, ведутся записи творческих встреч, а также создаются документальные фильмы и телепередачи о культурной жизни Рязанского региона.

С 2007 года Кузьминская средняя школа, которая расположена в Рыбновском районе Рязанской области, недалеко от села Константиново, также носит имя великого земляка. Хотя на базе данного учебного заведения (в отличие от рязанских школ) нет музея или выставки, посвящённой поэту, в ней также ярко выражен региональный компонент: проводятся культурно-просветительские мероприятия, связанные с творчеством С. А. Есенина.

Следует отметить, что на сегодняшний день большую популярность получает эргоним «Есенин» в учреждениях сферы обслуживания. В большинстве случаев в качестве регионального бренда и как элемент туристического бизнеса. В Рязани существует гостиница «Есенин», одноимённый ресторан на центральной улице города и таксопарк, носящий имя поэта. Но примеры использования имени поэта в коммерческих целях нами зафиксированы не только в пределах областного центра. На трассе М6 «Каспий», недалеко от города Михайлова, именем рязанского лирика назван придорожный комплекс. В этом случае владельцы не ограничились только использованием эргонима. Для привлечения внимания на прилегающей территории также размещён баннер с портретом поэта.

При этом следует отметить, что написание фамилии Есенин может варьироваться. Так, например, один из жилых комплексов в Рязани назван «Есенинъ», но отсылка к образу великого поэта очевидна. В этот список можно включить и кафе «Ясень», в названии которого, хотя и опосредованно, фигурирует образ знаменитого земляка. Основанием для соотнесения данного эргонима с именем С. А. Есенина служит, во-первых, тот факт, что на вывеске присутствует портретное изображение поэта; во-вторых, по одной из версий, данная фамилия восходит к названию дерева, которое считалось священным у славян: «Фамилия Есенина – русская-коренная, в ней звучат языческие корни – Овсень, Таусень, Осень, Ясень, связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками» [9]. Исходя из выше обозначенных фактов, рассмотрение данного эргонима в качестве примера локализации образа С. А. Есенина вполне правомерно. Список примеров использования образа знаменитого земляка в качестве локального бренда можно дополнить наружной рекламой, в которой не фигурирует непосредственно имя или фамилия поэта, но используется узнаваемый портретный образ. При этом довольно часто наблюдается явное несоответствие деятельности объекта с используемым в качестве рекламы известным образом. В качестве примеров можно привести пункт быстрого питания в городе Рыбное, на фасаде которого изображена композиция из портрета С. А. Есенина и лошади, и кофейню в центре Рязани, на вывеске которой в одном ряду с напитками и десертами обнаруживается и изображение всемирно известного земляка. Но, несмотря на абсурдность данных фактов, они, очевидно, являются формами функционирования и локализации образа С. А. Есенина в социокультурном пространстве.

Информационно-коммуникативное подпространство включает в себя научные, профессиональные, деловые коммуникации в локациях региона, СМИ, информационные туристические ресурсы и сеть Интернет. Данные компоненты играют важную роль в социально-пространственной организации региона и в развитии социальной, политической, экономиче-

ской и культурной сфер жизни. Практически во всех, выше обозначенных составляющих данного подпространства, отмечается активное функционирование образа С. А. Есенина, локализованного в различных объектах регионального социокультурного пространства.

Как показал анализ Интернет-ресурсов, СМИ и печатных изданий туристической направленности, выпускаемых с 1950-х годов и по сегодняшний день, Рязанскую область, прежде всего, ассоциируют с именем Сергея Есенина [7]. В материалах с разной степенью подробности описываются экспозиции Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, который находится в селе Константиново Рыбновского района Рязанской области; предоставляемые туристические услуги; приводятся краткие факты из биографии поэта; даётся информация о маркерах городского пространства Рязани, связанных с увековечением памяти о Сергее Есенине. Следует отметить, что в подавляющем большинстве публикации представляют собой примеры культурно-индустриального подхода, где образ поэта, в первую очередь, рассматривается с точки зрения маркетинга и брендинга.

Итак, нами отмечены примеры функционирования феномена «гений места», персонифицированным образом С. А. Есенина, в социокультурном пространстве Рязанского региона и его локализации в символах и текстах культурно-образовательного, семиотического и информационно-коммуникативного подпространств.

При анализе культурно-образовательного подпространства города Рязани нами выявлено пять постоянно действующих экспозиций, три из которых базируются в учебных учреждениях, одна в библиотеке и одна в общественной организации. При этом стоит отметить, что не все эти культурные тексты возникли благодаря символической связи с «гением места». Так, лишь в трёх случаях выше обозначенные учреждения носят имя прославленного земляка: Рязанский государственный университет, Центральная городская библиотека и «Есенин-центр». В общеобразовательных школах города, где сформированы музеи, посвящённые поэту, сохранение

памяти о знаменитом уроженце Рязанской земли широко представлено в качестве регионального компонента.

В семиотическом подпространстве образ поэта локализован в визуальных ландшафтных образах и культурных текстах. К ним относятся скульптурные объекты, мемориальные доски, топонимы и эргонимы, связанные с личностью знаменитого уроженца Рязанской области. На территории региона зафиксировано девять скульптурных изображений С. А. Есенина. Два из них расположены в центре Рязани, пять – в населённых пунктах, связанных с биографией поэта, и два – в учреждениях, носящих его имя. Первые являются неотъемлемой частью городского пространства и узнаваемыми достопримечательностями; вторые – смысловыми доминантами территорий; третьи известны лишь локально, но все они выступают маркерами территории, несущими коллективную память об известном земляке.

Наиболее информативными культурными текстами, в которых зафиксирована коллективная память, являются мемориальные доски, установленные на городских объектах. Их можно разделить на два вида: те, которые транслируют информацию о пребывании С. А. Есенина в Рязани и те, в которые рассказывают об увековечении памяти о поэте.

Среди форм локализации коллективной памяти о знаменитой личности в социальном пространстве наиболее распространены топонимы и эргонимы. Так, в Рязанской области в честь великого земляка названы улицы в пятнадцати

населённых пунктах и три государственных учреждения. Стоит отметить и активное использование имени поэта в качестве инструмента маркетинга. В данном случае «Есенин» – это локальный бренд, который фигурирует в рекламе и названиях предприятий сферы обслуживания и туризма. Сложно дать однозначную оценку данному явлению, но это, безусловно, является одной из форм социальной коммуникации.

Тенденция использования известного образа в целях повышения туристической привлекательности региона отмечается и в большинстве зафиксированных текстов информационно-коммуникативного подпространства. При этом в качестве бренда выступает не только личность С. А. Есенина, но и его малая родина – село Константиново, и культурные символы, транслирующие память о великом земляке.

Таким образом, проведенное нами исследование бытования образов С. А. Есенина в современном социокультурном пространстве Рязанского региона показывает, что С. А. Есенин – как символ и как текст культуры – обладает всеми чертами «гения места» и транслирует его характеристики в социокультурное пространство населённых пунктов. В целом в Рязанском регионе наблюдается активная деятельность по увековечению памяти о Сергее Есенине, по мемориализации мест, связанных с его именем, изучению и популяризации творческого наследия поэта. И это, несомненно, является положительным фактором развития социокультурного пространства Рязанской области и формирования региональной идентичности.

Список литературы

1. Анфимов С. Д. Ясное имя поэта (образ С. А. Есенина в работах скульптора И. Г. Онищенко) // Современное есениноведение. 2009. № 11. С. 102–107.
2. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «Город должен говорить...»: мемориальная доска как знак коммеморации и коммуникации в социокультурном пространстве // Люди и тексты. «Заказ» на историю? Актуализация информационного пространства прошлого: исторический альманах Международной научной конференции. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 150–174.
3. Блудов Ю. В. О есенинских местах в городе Рязани // Современное есениноведение. 2020. № 1. С. 83–89.
4. Гаврилина Т. О. Социокультурное пространство города: структура, функции // Вестник Сургутского педагогического университета. 2019. № 2. С. 196–205.

5. Краевед: «Мозаики в рязанском переходе – подарок к Дню города» // Рязанские новости. [Электронный ресурс] URL: https://ryazannews.ru/fn_723618.html
6. Кузнецова В. Е. С думой о Есенине: сборник статей. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2009. 318 с.
7. Лыгорова Н. М. Советский и постсоветский Есенин: трансформация образа «гения места» в локальной социальной памяти // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 2. С. 47–58.
8. При участии «Добровольцев культуры» ОНФ власти Рязани выделили здание под «Есенин Центр» // Рязанские ведомости. [Электронный ресурс] URL: <https://rv-ryazan.ru/pri-uchastii-dobrovolcev-kultury-onf-vlasti-ryazani-vydelili-zdanie-pod-esenin-centr/>
9. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житнетекст на перекрестье культурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2006. 920 с.
10. Саркисов В. А., Саркисова Е. Г. Музей в социокультурном пространстве современного города // Культурологический журнал. 2020. № 3 (41). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-v-sotsiokulturnom-prostranstve-sovremennogo-goroda>
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.
12. Цукерман В. С. Единое социокультурное пространство: аспекты рассмотрения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 2. С. 49–55.

*

Поступила в редакцию 29.03.2024

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

Журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

с 01.02.2022 года

- 5.7.3. Эстетика (философские науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

с 21.02.2023 года

- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
- 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология),
- 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (педагогические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (исторические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (культурология)

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объем статьи составляет не менее 20000 и не более 40000 знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 8 и не более 30. References не требуются.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);

б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках, как в загранпаспорте или водительских правах; ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес.

в) Обязательным является указание на УДК, грант или госзадание.

5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru

а) Все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

б) До рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75 %. Цитаты занимают не более 20 процентов текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 процентов текста в форме пересказа со ссылкой на источник).

в) Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации рукописи.

г) Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящимися на рассмотрении в других изданиях.

При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 N 2124–1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

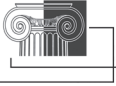
Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов. От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальность исследования;
- предоставление достоверных результатов проделанной работы, отсутствие ложных утверждений и ошибочных данных;
- объективное обсуждение значимости исследования;
- недопустимость личных и пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- получение разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательное указание автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представление информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представление в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрение окончательной версии работы всеми соавторами и их полное согласие с представлением её к публикации;
- выражение благодарности другим коллегам, не являющимися авторами данной статьи, но повлиявшими на её создание;
- раскрытие потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, получении гонораров, предоставление экспертных заключений, патентной заявки или документа о регистрации патента);
- чёткое указание в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т. е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- незамедлительное сообщение об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействие с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременное исправление ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

Научный журнал «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» приглашает к продуктивному сотрудничеству!

Для заметок

Для заметок
